

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 10(34), 2015

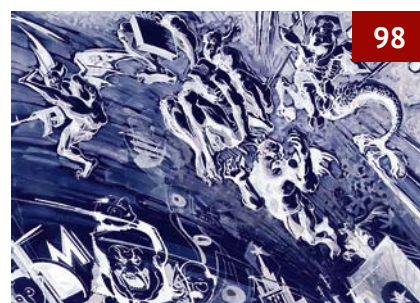
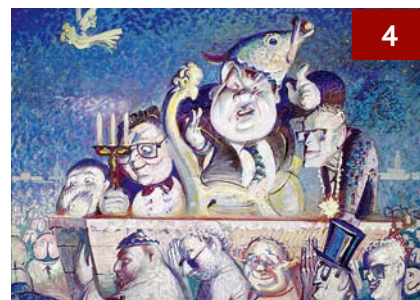
Светочи тьмы

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Пепел девяностых
- 4** Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО.
Россия и «западники»
(доклад Изборскому клубу)
- 24** Светочи мрака
(круглый стол Изборского клуба)
- 32** Михаил ДЕЛЯГИН.
Русская катастрофа и её творцы
- 37** Михаил ДЕЛЯГИН.
Всероссийский аллерген
- 41** Михаил ДЕЛЯГИН.
Стратег либеральной России
- 46** Михаил ДЕЛЯГИН.
Хозяин российской культуры
- 51** Михаил ДЕЛЯГИН.
Кудринская петля
- 55** Михаил ДЕЛЯГИН.
Маньяк либерализма
- 60** Михаил ДЕЛЯГИН.
Грефоводник
- 64** Михаил ДЕЛЯГИН.
Дорогая «отличница-тихоня»
- 68** Михаил ДЕЛЯГИН.
Физиолог человека
- 73** Михаил ДЕЛЯГИН.
Орден венединцев
- 78** Михаил ДЕЛЯГИН.
Либеральная принцесса
- 83** Михаил ДЕЛЯГИН.
Писающий мачо
- 89** Владимир БУШИН.
Ей сверху видно всё?
- 93** Владислав ШУРЫГИН.
Бедный Шурик
- 97** Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Об эмиграции новой волны
(политические лимерики)
- 98** Стругацкие лебеди
(беседа культуролога Владимира ВИННИКОВА с лидером движения
«Суть времени» Сергеем КУРГИНЯНОМ)
- 106** Библиотекарь
- 107** Хронология мероприятий клуба
- 108** Стихи.
Вспоминая Нефёдова

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 10(34), 2015 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ, Геннадий ЖИВОТОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 26.11.2015

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1200 экз. Заказ № 1891

/ Александр ПРОХАНОВ /

Пепел ДЕВЯНОСТЫХ

Воздушные пираты, захватившие самолёт под именем «Ельцин», все девяностые годы вели его, а когда у них сторело небо и отказали двигатели, посадили этот самолёт на скалы. Теперь они снова желают взлететь. Они хотят создать новое лазурное небо, очистив его от копоты девяностых. Хотят поднять самолёт, пусть даже из фанеры или из бумаги. Журналисты, близкие к «семье», — быть может, сама Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев, — сделали мощный идеологический вброс, реабилитирующий кошмарные девяностые.

Проанализируем это время. Вдруг они правы, и небо было лазурным?

За эти «лазурные» годы было разрушено великое государство, великое «красное» царство, которое являлось полюсом мира. С уничтожением этого полюса

в мире возник турбулентный хаос. Сдвинулись с мест континенты. Воспылали войны. Американцы, страшась советского возмездия, творят чудовищные безобразия. И мы видим, как сторают целые континенты, как рушатся государства, как сотни тысяч людей снялись с места и под бомбами бегут спасаться в другие страны. Мы видим мировой хаос, который был посеян в результате крушения СССР именно в недрах девяностых годов.

Россия потеряла треть своих территорий, была отброшена к XVII веку. Три века русской государственности пошли на смарку. И остался лишь огрызок великой русской империи, от которой отломали не только Среднюю Азию и Прибалтику, но и те земли, которые исконно считались русскими, то есть Белоруссию и Украину, тем самым разрушив Русский мир. И те,

кто отломил от России эти территории, мгновенно стали выстраивать на них враждебные государства. Прибалтика, Грузия, Украина — сегодня это враги России.

Россия потеряла великую армию, которая была в состоянии за три дня от Восточной Германии дойти до Пиренеев. Армию разгромили, деморализовали, обратили в прах — были истреблены победные дивизии.

Россия лишилась великой сталинской техносферы. Разгромлены заводы, уничтожены КБ, тысячи документов вывезены в Штаты, погибло множество ультрасовременных закрытых технологий. Когда гибнет кит или бабочка, это считается великой трагедией, их заносят в Красную книгу. В девяностые погибли киты и бабочки советской технологии, которые были уничтожены супостатом.

В России не родилось 7 миллионов людей, которые и не могли родиться в состоянии кошмара, тоски, голода и депрессии.

Цвет русской молодёжи пошел в бандиты, и они перестреляли друг друга. Это была самая пассионарная часть молодых русских людей. И наши кладбища полны убиенными в бандитских разборках русскими пассионариями. А ведь в иное время они могли стать космонавтами и полководцами, учёными и художниками.

Произошли два ужасных события — из танков был расстрелян российский парламент, и в центре Москвы запылал костёр из русского парламентаризма. Российская демократия исчезла навсегда, так и не родившись. В 1996-м совершилась первая грандиозная фальсификация выборов — когда победил Зюганов, но победу приписали Ельцину. С тех пор фальсификация стала нормой. Народ оказался в тисках огромной конституционной лжи.

Развязана первая чеченская война, которая была войной гражданской. Поднялся вал сепаратизма, который благословлял Ельцин, сказав: «Берите суверенитета, сколько можете проглотить». Этот вал двинулся по Волге вплоть до Якутии, а также на восток. Уральский сепаратизм. Сибирский сепаратизм. Приморский сепаратизм. Россия была поставлена на грань распада. И её с таким трудом стабилизировал Путин после победы во второй чеченской войне.

Русская, советская культура перестала существовать. Пали изумительные русские театры: «Современник», Театр на Таганке... Пал кинематограф. Умолкла великая музыка. Канули художники и литераторы. Вместо этого появился едкий кислотный раствор постмодернизма. А театры превратились в жалкие копии самого отвратительного и уже истлевшего западного искусства и в основном занимались порчей русской классики.

Сформировался чудовищный класс олигархов. Вначале он мыслился как локомотив капиталистического развития. Но вместо этого одни олигархи, чувствуя себя временщиками, распродали заводы, вырезали скот, превратили в руины города и селения. А другие захватили самую доходную часть советской экономики:

металлургические заводы, алюминий, нефть, газ, никель, — и стали пользоваться всем в интересах собственного обогащения. Возникло чудовищное расслоение общества: мультимиллиардеры и обнищавшее население. Появился тот уровень социальной несправедливости, который обрекает строй на катастрофу, на крах.

Была сформулирована идеология, которую так изящно изрёк Авен, разделив население на две страты: на «винеров» и «лузеров». Они, авены, ничтожно малое число, являются «винерами», выигравшими. Выиграли они благодаря тому, что оказались богоизбранными, сверхталантливыми, блистательными. А вся остальная масса: челядь, тьма, толпа, — стали «лузерами», проигравшими, потому что это бездарные, никчёмные, неэффективные, бесполезные антропологические недоноски, обречённые на жалкое существование. Эта чудовищная идеология превосходства, социального эгоизма, по существу — форма фашизма, сформировалась в девяностые годы и во многом до сих пор бытует в России.

Таковы девяностые годы. Тогда действительно сладко жилось горстке миллиардеров. Они добились колоссального влияния в стране. Стали обладателями латифундий, земель, яхт, самолётов, огромных состояний и всей среды, в которой купались и которую культивировали. Это шоу-бизнес, который они эксплуатировали в своих интересах. «Офисный планктон», который работал в их корпорациях, в информагентствах и рекламных фирмах. Девяностые были счастьем для ничтожно малой прослойки, горем и бедой — для остального населения.

Но мы были бы неправы, не сказав о девяностых годах следующее. В девяностые либерализм сбросил с себя маску демократии, открыл свой звериный оскал, и оппозиция получила возможность сражаться. Тогда формировался красно-белый оппозиционный альянс. Мы выступили с открытым забралом против чудовищного ельцинизма, жертвовали собой на баррикадах. Оппозиция именно в эти годы получила священную икону — окровавленную икону девяносто третьего года. Оппозиция была уже не конторской, не оппозицией «круглых

столов» или парламентских несогласий. Это была оппозиция окровавленного, задавленного восстания.

И именно в эти кромешные годы, когда, казалось, была безусловная либеральная победа, либеральное превосходство, в глубине чудовищных девяностых завязывался узелок нового государства, новой русской истории. Появился эмбрион нового государства Российского. И появился он в самые кромешные годы — в девяносто третьем, когда были расстреляны защитники Верховного Совета. Они тогда казались проигравшими — последними, кто защищал Советский Союз и был уничтожен на баррикадах.

Но кровавая конституция девяносто третьего года, принятая на костях, допустив первые думские выборы, ошеломила весь мир. Потому что на этих выборах среди ещё закопчённых стен Дома Советов победили патриоты. И демократы, видя, как идёт голосование по стране, рвали на себе волосы и орали: «Россия, ты сошла с ума!»

Произошло таинственное, упомянутое в Священном писании преображение, о котором говорится: «И последние станут первыми». Баррикадники были последними, кто заслонял собой исчезнувшую русскую историю — её советский период. И первыми, кто своими смертями, своими жертвами стал формировать новый фрагмент русской государственности.

В девяностые годы были и великие победы. Нам ещё предстоит эти победы осмыслить так же, как предстоит осмыслить появление во время ужасной первой чеченской войны русского святого Евгения Родионова.

Сегодня либералы кричат, что это они — в оппозиции, что это они защищают интересы населения от «прогнившего, коррумпированного и кровавого» российского государства. Но на самом деле все эти «пятые», «шестые», «болотные» и прочие «колонны» из последних сил и любой ценой пытаются остановить возрождение российского государства, Русского мира, русского народа, лишить нас Родины, лишить нас истории, ресурсов и будущего.

Битва продолжается. И пусть пепел девяностых по-прежнему стучит в наших сердцах. России — быть!

/ Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО /

Россия и «западники»

От Ельцина до Навального: что дальше?

Сегодня Россия стоит перед лицом новой войны — причём не просто войны, а войны «на уничтожение».

Какой будет эта война: Отечественной или Гражданской?

Ответ на данный вопрос во многом определит не только баланс сил и то, где пройдёт линия главного фронта боевых действий, но и самое главное: кто одержит победу и каким станет послевоенный мир.

Сама по себе неизбежность такой войны напрямую вытекает из глобального системного кризиса нынешнего способа человеческого бытия. Причём этот кризис — отнюдь не «сезонная» простуда или аллергия, а смертельно опасный недуг, типа лихорадки Эбола или чумы, лекарство от которого до сих пор не найдено, а принципиальных «стратегий выживания» существует только две.

Первая из них — попытка любой ценой сохранить нынешнюю «цивилизационную модель», в которой на вершине «пищевой цепочки» более пятисот лет, то есть с момента открытия Америки в конце XV века, находится «коллективный Запад», он же — «первый мир». Эта стратегия выживания заключается в уничтожении «лишней» части человечества, находящейся в основном за пределами пресловутого «золотого миллиарда» (хотя и внутри него — тоже, но в меньшей мере). Главным инструментом реализации данной стратегии выступают современные Соединенные Штаты Америки — причём инструментом не только военно-политическим, но и информационно-финансовым, сочетающим функции «глобального банкира» с функциями «глобального пастора» и «глобального шерифа»: они не только устанавливают «правила игры» для всех остальных, но и провозглашают их исключительность и абсолютность, а также следят за исполнением этих правил с «кольцом» в руках. После уничтожения Советского Союза в 1991 году США стали непререкаемым глобальным лидером, а мир — «однополярным» *Rex Americana*, «империей доллара». Однако ни «золотого века», ни «конца истории» в результате не наступило — наоборот, уже начиная с 1999 года США пришлось взять на вооружение концепцию «управляемого хаоса», фактически развязывая войны и конфликты по всему миру, из двух принципиальных рецептов лидерства выбрав не «развиваться самому», а «опускать других».

Вторая же стратегия выживания заключается в попытке изменить, трансформировать действующую цивилизационную модель человечества, устранив актуальные для неё ресурсные, технологические и прочие ограничения, приведшие к нынешнему глобальному системному кризису. Главная проблема реализации данной стратегии заключается прежде всего в том, что до сих пор отсутствует адекватный проект такой реализации, а потому отсутствует и полноценный её субъект, на роль которого по разным причинам

не могут претендовать сегодня ни какое-либо суверенное государство (КНР, РФ etc.), ни какое-либо межгосударственное объединение (ШОС, БРИКС etc.). Отсюда — оборонительный, спорадический, пассивный и, можно сказать, стихийный характер мирового сопротивления агрессивной стратегии «коллективного Запада» во главе с США.

Более того, практически в каждой стране мира, а в нынешней «демократической» России — особенно, существуют немалые силы проамериканской и прозападной ориентации, которые действуют в рамках стратегии «золотого миллиарда», вплоть до фактического развязывания гражданских войн внутри «своих» стран в интересах «глобального лидерства» США.

Самым наглядным и масштабным примером такого рода служит как раз история «перестройки» в Советском Союзе и «рыночно-демократических реформ» в постсоветских государствах, включая Российскую Федерацию. Более того, те «прозападные», компрадорские силы, которые осуществили данные «проекты» в нашей стране, не только продолжают считать себя «элитой» современного российского общества и современного российского государства, но и реально, «по факту», ими управлять. На практике большинство инструментов власти: финансовых, информационных и т.д., — либо напрямую находятся в руках этих сил, либо им в некоторой степени подконтрольны.

В качестве иллюстрации данного тезиса приведём недавнее признание писателя Захара Прилепина: «Сразу несколько ведущих журналов нашей страны — сразу после или ещё во время Майдана приостановили своё сотрудничество со мной. Поимённо называть их не буду, просто скажу: все издания, где я публиковался. А это большой список. Когда нам рассказывают про гонимых и палимых прогрессистов, я обычно стараюсь молчать. А сегодня что-то не смолчал. Они контролируют столько всего, сколько вам и не снилось, друзья мои. Просто они, к их неудовольствию, не всегда могут позволить себе быть самими собой. Но если им дадут хоть маленький шанс — вы увидите их всех в полной красе и всеоружии. Они сидят и ждут. И копят, солят, перчат, кипятят тяжёлое, надёжное, непобедимое чувство по нашему поводу. Дайте только шанс: выплеснут накопленное прямо на голову. Впрочем, разве мы говорим только о медиа? Полноте. Эти люди сидят в правительстве. Эти

люди управляют корпорациями, компаниями, торговыми сетями, холдингами и банками. Они по-прежнему пополняют список самых обеспеченных людей на планете. И работают во всех структурах, даже в армейских. Даже в силовых... Если кто-то впал в иллюзию, что мы взяли у них страну, — не смешите... Самые влиятельные и самые богатые люди — это по-прежнему они, а не похожие на нас. А то, что по телевизору заливается соловьём какой-нибудь соловей — так у него тумблер перешёл в одну секунду — и он запоёт такое, что ахнете. Ахнете обязательно».

Причём такая ситуация сохраняется несмотря ни на катастрофические для нашей страны и нашего народа результаты пребывания данных «прозападных» сил у власти, ни на практическое отсутствие их поддержки со стороны российского общества: в пределах максимум 10–15% по данным разных социологических опросов.

Казалось бы, данный феномен должен был стать предметом тщательного исследования со стороны противостоящих «западникам» внутри России политических сил. Но ничего подобного за последнюю четверть века в российском медиапространстве обнаружить не удалось. Скорее всего, это связано с отмеченным выше отсутствием «антизападного» проекта и, соответственно, «антизападного» субъекта.

Практически первой и пока единственной попыткой в данном направлении стала предпринятая газетой «Завтра» с начала 2015 года серия публикаций «портретов» наиболее известных представителей «прозападных» политических сил в России. Помимо блестящего цикла Михаила Делягина, который сейчас готовится к изданию отдельной книгой, в эту серию вошли также работы Марины Алексинской, Владимира Бушина и Владислава Шурыгина. Главной идеей этой серии было не столько уже привычное за четверть века обличение тех или иных конкретных фигур, сколько попытка «увидеть за деревьями лес» — то есть понять, что именно объединяет такое множество очень разных по личным характеристикам людей в ту гигантскую деструктивную силу, которая сделала последнюю четверть века «потерянным историческим временем» для России и во многом продолжает определять бытие нашей страны, каковы законы функционирования этой силы, чем обусловлены её победы и можно ли ей успешно противостоять.

Конечно, важными государственными чиновниками, популярными медиаперсонажами и «серыми кардиналами» «набор» представителей отечественного «прозападничества» отнюдь не исчерпывается. За пределами указанной выше «портретной галереи» оказались и российские «олигархи» (за исключением Михаила Фридмана), и деятели регионального калибра (некоторые из них, как, например, арестованные губернатор Сахалинской области Михаил Хорошавин или глава Республики Коми Вячеслав Гайзер, достойны отдельного «разбора полётов» уж никак не в меньшей степени, чем их коллеги федерального уровня), а также «властители дум и сердец» из мира искусства. Однако нельзя объять необъятное. Да и задачи публицистики достаточно далеки от задач научного исследования. Настоящий доклад, посвящённый генезису, эволюции и перспективам «прозападного» сообщества в России, призван если не ликвидировать данные «белые пятна» и «чёрные дыры», то хотя бы в первом приближении обозначить, позиционировать и структурировать их присутствие.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ «ЗАПАДНИЧЕСТВО» В РОССИИ. ГЕНЕЗИС.

Разумеется, никакой самостоятельный феномен «западничества», «либерального» или нет, невозможен по определению, поскольку он является всего лишь производной от аргумента — феномена «Запада» как такового. А этот феномен, хотя и уходит корнями сначала в разделение Римской империи на Восточную и Западную, а затем — в религиозно-политическое соперничество Рима и Константинополя, результатом которого стал Великий Раскол 1054 года, крестовые походы на Восток и гибель Византии.

Ставшее популярным в отечественной науке и культуре противопоставление «западника» князя и короля Даниила Романовича Галицкого (1201–1264) «евразийцу» князю Александру Ярославичу Невскому (1221–1263), при всей своей внешней яркости, не отменяет того факта, что до середины XV века Запад как особый цивилизационный феномен отсутствовал напрочь, оставаясь пусть специфической, но всё-таки неотъемлемой частью единого «христианского мира», междоусобицы внутри которого вовсе не носили характера непримиримого межцивилизационного противостояния. Так, например, после знаменитого Ледового побоища (апрель 1242 года)

«крыжаки», то есть рыцари Тевтонского ордена, прислали в Новгород к Александру Невскому посольство для заключения мира, условия которого описаны в летописи так: «емя зашли мечем Псков, Водь, Лугу, Латыголу, и мы ся того всего отступаем, а что емя изоимали в полон людей ваших (пленных), а теми ся розменим, мы ваших пустим, а вы наших пустите, и псковски полон пустим», — причем заключенный тогда договор не нарушался на протяжении более чем сотни лет: Тевтонский орден «переключился» в своей агрессии на языческую тогда Литву и католическую, единовременную Польшу.

Еще в конце XV века итальянских мастеров (фрягов) пригласили для строительства нового Московского кремля: соборов, дворцов, стен и башен, — причем их было настолько много, что для размещения были отведены специальные населённые пункты, до сих пор сохра-

нившиеся в Подмоскowie (Фрязино, Фрязево и т.д.), а итальянское по происхождению слово «артель» прочно закрепилось в русском языке.

После падения Константинополя (1453 год) и начала эпохи Великих географических открытий (булла *Romanus Pontifex* папы Николая V, 1455 год) «католическая» Западная Европа из мировой периферии стала превращаться в центр цивилизации нового типа. Ключевыми вехами данного процесса были открытия Америки (плавание Колумба, 1492 год) и морского пути в Индию (плавание Васко да Гамы, 1497–1498 годы). В государства нынешней Западной Европы хлынул целый поток богатств, в том числе — золота и серебра, что привело к Реформации и эпохе религиозных войн, которые вполне закончились Английской революцией и Вестфальским миром 1648 года, установившим примат политической власти над религиозной («Чья власть, того и вера»).

Одним из косвенных следствий этого процесса стало формирование Российского государства после присоединения Украины в 1654 году — как раз на почве религиозного и языкового единства, противостояния насильственному «вестфальскому» ополячиванию и окатоличиванию православного русскоязычного населения этих земель.

При этом уже со времён Ивана Грозного (вторая половина XVI века) Московское царство оказалось в сфере интересов Англии (плавание Ченслора 1553–1556 годов). В 1587 году английским купцам было предоставлено право беспошлинной торговли на всей территории, подвластной Москве (подчинившей к тому времени Казанское и Астраханское ханства и вышедшей в Сибирь благодаря походам Ермака 1582–1585 годов). Английские купцы и их капиталы сыграли решающую роль

как в уничтожении династии Рюриковичей, так и в возвышении Бориса Годунова (родство с правящей династией по женской линии учитывалось тогда только в Англии), в событиях Смутного времени и в избрании Романовых. Для Англии конца XVI — первой половины XVII веков Московия была де-факто важнейшей сырьевой колонией, которая обеспечивала английский флот пенькой, льном, дёгтем, лесом и т.д. Отсюда же шла — в обмен на золото и серебро — уральская и сибирская пушнина, доходы от продажи которой достигали 80% московского бюджета, что стало главной экономической основой для освоения Сибири и Дальнего Востока.

Впрочем, династия Романовых от союза с Англией достаточно быстро отказалась, оформлением чего стала отмена царём Алексеем Михайловичем торговых привилегий

английских купцов в 1649 году, а также решения Церковного собора 1654 года, официально обозначившего претензии «новой России» на самостоятельную роль в мировой политике того времени как центра всего православного мира, «Третьего Рима». В этих условиях Лондон сделал ставку на «ревнителей старой веры», поддержав раскол русской церкви.

Однако усиление глобального лидерства Англии, которая после унии 1707 года превратилась в Великобританию, и Европы в целом обусловило мощный «роевропейский» вектор российской политики, который с максимальной полнотой выразил Петр I и проведенные им после Великого Посольства 1697–1698 годов «петровские реформы», которые позволили России одержать победу в Северной войне и стать одной из ведущих мировых держав XVIII века. «Европеизация» и «западнизация» российского правящего сословия осуществлялась как путём трансформации русских боярско-дворянских кругов, так и включением в них «остзейских немцев» и приглашения десятков тысяч переселенцев из Европы, занимавших многие высшие и средние позиции в управлении государством (с 1721 года — Российская империя).

Парадокс, но усиление «европеизации» российских верхов и модернизация экономики в XVIII — первой половине XIX веков сопровождалось замедлением «европеизации» российских низов, развитием «вторичного» крепостного права и, соответственно, общественной критикой, направленной на преодоление подобного социально-политического отставания. Особенно актуальной эта проблема стала после окончания эпохи «наполеоновских войн», в которых Россия, за исключением краткого отрезка царствования Павла I, выступала в основном как союзница Великобритании. Впрочем, сразу после заключения Венского мира Лондон оказался заинтересован в максимальном ослаблении уже Российской империи.

В истории отечественного революционного движения (по В. И. Ленину: «Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию. Её подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли») «прозападные тенденции» были чрезвычайно сильны и носили в основном «либеральный» характер.

В данной связи необходимо сразу сказать о том, что сам по себе «либерализм» как одно

из идейных направлений в истории России во многом был позитивным явлением, связывающим индивидуальные свободы с движением к социально-экономическому прогрессу. «Либерализм» как форма «западничества», как составная часть «линии Петра I», предполагавшей сильную внутреннюю власть и отчётливую внешнюю политику, вовсе не был равнозначен разрушению и тотальному сломированию государственности, подчинению и колониальному рабству у «передовых» западных держав.

Но именно эта линия идейной и политической «смердяковщины» стала доминировать в рамках либерализма накануне Февральской революции 1917 года, когда практически все либералы в условиях Первой мировой войны дружно выступили за уничтожение монархии, а установившийся политический парламентаризм на базе «либеральной» идеологии создал такую анархию и хаос, что само существование России было поставлено под тотальную угрозу. Опять же парадокс, но самые радикальные и последовательные «прозападно-либеральные» оппоненты царской власти в ходе Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны восстановили все государственнические принципы, все цивилизационные коды Русского мира, что позволило ему в социально-политической форме СССР стать — пусть ненадолго — примером и образцом для всего мира. Но история продолжается, и опыт «советского проекта», в рамках которого была достигнута Победа 1945 года, осуществлён выход в космос и атомная программа, ещё не раз будет востребован человечеством.

Очередная деструктивная трансформация отечественного либерализма началась сразу после окончания Второй мировой войны (последним фронтом которой стала Корейская война 1950–1953 гг.) и смерти Сталина. К власти снова пришло «проанглосаксонское», «коминтерновское» крыло высшей партийно-государственной номенклатуры, которое — наряду с «пронемецким» — существовало там давным-давно, ещё до революции, до времён Свердлова и Троцкого.

История «партии большевиков» и советского государства с точки зрения взаимодействия и противоборства этих двух «крыльев» до сих пор не написана — возможно, это задача ближайшего будущего. Но вполне очевидно, что после краха Третьего рейха и раздела Германии (за сохранение единства которой, кстати, настойчиво выступал Сталин, но здесь ему,

как и по вопросу Израиля, не удалось противостоять совместному натиску Вашингтона, Лондона и отчасти Парижа) «проанглосаксонское» крыло стало доминирующим. Во многом этому поспособствовало и объявление холодной войны, которое привело к гибели Сталина (фултонская речь Черчилля состоялась ровно за семь лет до 5 марта 1953 года).

Во всяком случае, и Хрущёв, и Куусинен, сыгравшие ключевую роль в возвышении Андропова, и сам Андропов ничуть не скрывали своего «американофильства». После XX съезда, Карибского кризиса, событий в Новочеркасске и «косыгинских реформ» тезис о «мирном сосуществовании двух социально-политических систем» (для «широких масс» — «лишь бы не было войны!») стал доминирующим принципом внешней политики СССР. Своё логическое завершение этот курс на «конвергенцию» нашёл в горбачёвской «перестройке», приведшей к уничтожению СССР и превращению его обломков в «сырьевые колонии» крупного транснационального капитала.

Именно это обстоятельство является ключевым для характеристики нынешних «прозападных» сил российского общества, которые на протяжении последних тридцати лет выступали под разными названиями и самоназваниями: «перестройщики», «демократы», «рыночники», «реформаторы», «либералы» «правые силы» (они же — «ельциноиды», «демокрады», «прихвизаторы», «малый народ», «пятая колонна», «креаклы», «либерасты», «либерал-предатели» и так далее).

ЛИБЕРАЛЬНОЕ «ЗАПАДНИЧЕСТВО» В РОССИИ. ЭВОЛЮЦИЯ.

Если обратиться к периоду 1985–1998 годов, отмеченному тремя этапными для интересующих нас прозападными силами событиями, наложившими на них неизгладимые конкретно-исторические черты: началом «перестройки», провалом ГКЧП в августе 1991 года с последующим уничтожением Советского Союза и расстрелом Верховного Совета России в октябре 1993 года, — то «дорожная карта» здесь была простой и понятной: советская социально-экономическая модель признавалась неэффективной вследствие: во-первых, своего централизованного и планового характера; во-вторых, своей изоляции и тотального военно-политического противостояния с «цивилизованным миром»; в-третьих, подавления личной инициативы, личных прав и свобод

собственных граждан (пусть даже это права на «сто сортов колбасы в магазине» и на «отдых в Анталии»).

Всё это, согласно «перестроечным», а затем и «рыночно-реформаторским» мифологемам (поскольку причинно-следственные связи в данном случае полностью отсутствовали, что подтверждается в том числе и последующим развитием событий), вело к:

- нарастающей отсталости в технологиях производства, в том числе — с экологическими последствиями, представляющими угрозу для всего человечества;
- чрезмерной милитаризации государства и общества, также представляющей угрозу для всего человечества;
- нерациональному использованию сырьевых и трудовых ресурсов общества;
- дефициту предложения товаров и услуг на внутреннем потребительском рынке;
- необоснованному ограничению прав и свобод человека, подавлению его личных способностей и инициативы;
- «номенклатурной», «по блату», системе распределения материальных и нематериальных благ;
- повсеместной деградации этических норм, «жизни по лжи» вследствие расхождения господствующих идеологических догм с реальными интересами человека и общества.

Соответственно, преодолеть всё это предлагалось путём демонтажа всего советского проекта: деидеологизации всех сфер общественной и государственной жизни, децентрализации управления, включая «свободу торговли», приватизации собственности, «открытия» границ и отказа от «красного» советского проекта в целом. Что будет безусловным благом для всех без исключения «россиян».

В предвыборной листовке Б.Н. Ельцина (май 1991 года) можно было прочесть следующее:

«РОССИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВОЗРОДИТСЯ!

Для этого есть всё: многонациональный и талантливый народ, громадные природные ресурсы, богатый исторический опыт, духовный потенциал и решительный, пользующийся поддержкой большинства граждан лидер — Борис Николаевич Ельцин.

НАШИ ЦЕЛИ:

УКРЕПЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ — чтобы чернозёмы, лес, нефть, алмазы — всё, чем богата российская земля, использовались рачительно, в интересах россиян, чтобы защитить права и интересы граждан России.

УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — чтобы народы России строили свою жизнь без принуждения, не по указке сверху, жили в мире и согласии.

УСИЛЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ КАЖДОМУ ГРАЖДАНИНУ — чтобы суд, милиция или военкомат, все государственные институты строго подчинялись только закону, который защищает человека от любого произвола — будь то произвол властей или преступных элементов.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА — чтобы дать возможность каждому желающему возделывать землю, чтобы возродилось российское крестьянство, чтобы на селе свободно развивались все эффективные формы хозяйствования.

РЕФОРМА СОБСТВЕННОСТИ — чтобы никто и никогда больше не отнял нажитое праведным трудом.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА — чтобы дать людям равные возможности проявить себя в деле, раскрепостить инициативу. Пусть подвигает людей к труду стремление улучшить свою жизнь и этим обеспечить процветание России.

ЭФФЕКТИВНАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА — чтобы возродить у людей желание работать по-настоящему, чтобы обеспечить им достойный уровень жизни и помочь тем, кто трудиться не может.

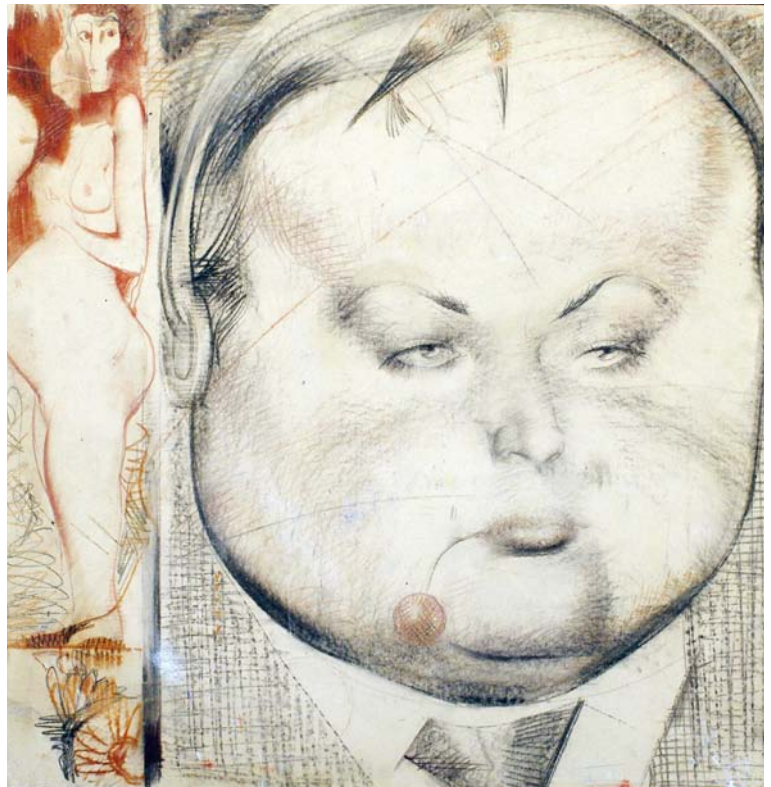
ПОДДЕРЖКА ВЕТЕРАНОВ — чтобы пенсии не становились подаванием, а гарантировали достойный уровень жизни, чтобы любой заработок ветерана не влиял на размер получаемой им пенсии.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ — чтобы восстановить многообразие национальных культур народов, вернуть на Родину культурные ценности, созданные соотечественниками за рубежом, возродить российскую интеллигенцию.

ВСЕМЕРНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ НАУКИ — чтобы обеспечить твёрдые гарантии, свободы научного творчества, восстановить в правах интеллектуальную собственность, возродить престиж учёного и российской науки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА — чтобы создать достойные условия для инициативы и творчества молодого поколения, устранить все формы дискриминации молодёжи, обеспечить социальную и правовую защиту учащимся, студентам, молодым семьям, молодым людям в военной форме — словом, всем, кто в ней нуждается.

Б. Ельцин убеждён: сегодня самое важное — объединиться, чтобы программа выхода из кризиса и возрождения России, выработан-

ная на съездах народных депутатов РСФСР и сессиях Верховного Совета РСФСР, дала практически результаты. Каждый человек должен жить и работать свободно. Тогда богатым и щедрым станет наш народ, будет много хлеба, вернётся сострадание к ближнему. Тогда возродится гордость граждан России за своё государство и уважение к нему иностранцев.

В России должна быть сильная и справедливая президентская власть, быстро и без болтовни проводящая в жизнь законы, принятые в интересах россиян. Её сила — не в политических махинациях, а в доверии народа. **НАРОДНОГО ДЕПУТАТА — В НАРОДНЫЕ ПРЕЗИДЕНТЫ».**

Сейчас над этим текстом, уже зная, что именно происходило впоследствии, можно смеяться или плакать, можно вспоминать слова Бисмарка, что никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и перед выборами. Но здесь важно не это, а начальный «мессидж» интересующей нас общности: народ — все граждане России, собственность — «по труду», свобода, процветание, прогресс... Счастье для всех и даром: только признайте себя «россиянами», гражданами России, выберите себе — уже в этом качестве — собственного политического лидера, откажитесь от советской идентичности и советского проекта, реализация которого

привела к кризису (и к Горбачёву). Кстати, в единственных публичных дебатах с участием Б.Н. Ельцина, которые прошли на французском телевидении 9 марта 1990 года, где его оппонентом выступал Александр Зиновьев, между ведущим Бернаром Пиво и будущим «всенародноизбранным» произошёл следующий показательный диалог:

«Ведущий: Да, я просто хотел бы задать прямой вопрос — хотите ли вы, господин Ельцин, заменить Горбачёва и стать номером первым в Советском Союзе?»

Б. Ельцин: Нет.

Ведущий: Почему?

Б. Ельцин (*улыбаясь*): Потому что будущее — за Россией».

То есть действия Ельцина были не спонтанными, а входили в уже определённую программу разрушения и уничтожения СССР с участием значительной части советской партийно-государственной номенклатуры.

12 июня 1991 года за кандидатуру Ельцина на должность президента России проголосовало более 45,5 млн избирателей РСФСР, или 57,3% пришедших на выборные участки. Ещё раз отметим: в тот период данная общность позиционировала себя как коллективно-представителя «всенародности» и «народовластия», а её самоназванием было не что-либо ещё, а исключительно «демократы».

Кстати, аналогичные процессы шли и в других союзных и даже автономных республиках — только с «национальным» колоритом «титовых» этносов. Там «демократия» была не «всеобщей», а «национальной»: «Латвия для латышей», «Молдавия для молдаван», «Азербайджан для азербайджанцев», «Чечня для чеченцев» и т.д.

Однако начатые новым «демократическим» правительством России во главе с Ельциным — якобы в интересах всего российского народа — социально-экономические «реформы» очень быстро, практически моментально, провели раздел между имущим меньшинством («новые русские») и неимущим большинством («совки»), что привело сначала к политическому кризису 1993 года, а затем и к двум «чеченским войнам». Однако главными получателями выгод от российских «реформ» были не столько «новые русские», включая олигархов, сколько крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК), получившие возможность дополнительно грабить и «постсоветское пространство», и весь мир, в котором отсутствовал фактор СССР как противостоящей блоку западных государств во главе с США и умеряющей его аппетиты военно-политической силы.

Именно этим ТНК, крупному транснациональному капиталу, и было в первую очередь выгодно уничтожение Советского Союза, а за

тем — всемерное ослабление России через внутренние конфликты. Впрочем, не только России — те же процессы мы можем наблюдать сегодня и на Балканах, и на Большом Ближнем Востоке, и на Украине, которая буквально на наших глазах превращается в грандиозную «стиральную машину» для отмывки триллионов долларов...

Поэтому сравним с ельцинской листовкой 1991 года печально знаменитое «Письмо 42-х», опубликованное газетой «Известия» 5 октября 1993 года и ставшее известным под «вольтеровским» названием «Раздавите гадину!».

«Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости, — фашисты взяли за оружие, пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом, не раскололись, не позволили перерасти кровавой авантюре в гибельную гражданскую войну, ну а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не «мстить», не «наказывать», не «запрещать», не «закрывать», не «заниматься поисками ведьм». Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму?

И «ведьмы», а вернее — красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли её продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняет наши (как, наверное, и ваши) сердца. Но... хватит! Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жёстко потребовать от правительства и президента то, что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента.

2. Все незаконные военизированные, а тем более вооружённые объединения и группы должны быть выявлены и разогнаны (с привлечением к уголовной ответственности, когда к этому обязывает закон).

3. Законодательство, предусматривающее жёсткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости, должно, наконец, заработать. Прокуроры, следователи и судьи, покровительствующие такого рода общественно опасным преступлениям, должны незамедлительно отстраняться от работы.

4. Органы печати, изо дня в день возбуждавшие ненависть, призывавшие к насилию и являющиеся, на наш взгляд, одними из главных организаторов и виновников происшедшей трагедии (и потенциальными виновниками множества будущих), такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», а также телепрограмма «600 секунд» и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.

5. Деятельность органов советской власти, отказавшихся подчиняться законной власти России, должна быть приостановлена.

6. Мы все сообща должны не допустить, чтобы суд над организаторами и участниками кровавой драмы в Москве не стал похожим на тот позорный фарс, который именуют «судом над ГКЧП».

7. Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов и Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд).

История ещё раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже не однажды!

Алесь АДАМОВИЧ, Анатолий АНАНЬЕВ, Артём АНФИНОГЕНОВ, Белла АХМАДУЛИНА, Григорий БАКЛАНОВ, Зорий БАЛАЯН, Татьяна БЕК, Александр БОРЩАГОВСКИЙ, Василь БЫКОВ, Борис ВАСИЛЬЕВ, Александр ГЕЛЬМАН, Даниил ГРАНИН, Юрий ДАВЫДОВ, Даниил ДАНИН, Андрей ДЕМЕНТЬЕВ, Михаил ДУДИН, Александр ИВАНОВ, Эдмунд ИОДКОВСКИЙ, Римма КАЗАКОВА, Сергей КАЛЕДИН, Юрий КАРЯКИН, Яков КОСТЮКОВСКИЙ, Татьяна КУЗОВЛЕВА, Александр КУШНЕР, Юрий ЛЕ-

ВИТАНСКИЙ, академик Д. С. ЛИХАЧЁВ, Юрий НАГИБИН, Андрей НУЙКИН, Булат ОКУДЖАВА, Валентин ОСКОЦКИЙ, Григорий ПОЖЕНЯН, Анатолий ПРИСТАВКИН, Лев РАЗГОН, Александр РЕКЕМЧУК, Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Владимир САВЕЛЬЕВ, Василий СЕЛЮНИН, Юрий ЧЕРНИЧЕНКО, Андрей ЧЕРНОВ, Мариэтта ЧУДАКОВА, Михаил ЧУЛАКИ, Виктор АСТАФЬЕВ».

С тех пор прошло 22 года, иных уж нет, а те далеке, и не будем говорить, что данное письмо появилось на свет лишь после того, как исход противостояния у стен Верховного Совета уже решился в пользу «всенародноизбранного» президента и его сторонников — причём ценой многочисленных жертв и под бурные аплодисменты всего «цивилизованного мира». Это не так важно — большинство подписантов высказывали свою позицию, аналогичную с изложенной выше, и в ходе самого противостояния, и до, и после него. Более того, никто из них не отказывался от своего выбора, не признавал его ошибочным и не отзывал своей подписи. Эта общность навсегда «повязана» кровью людей, которых она в 1993 году признала своими врагами.

Все, кто видел по телевизору истерику актрисы Лии Ахеджаковой: «А где наша армия? Почему она не защищает нас от этой Конституции, от этой проклятой Конституции?» — или читал откровения поэта Булата Окуджавы: «Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было...» — никогда этого не забудет. И массовая поддержка представителями этой общности тех, кто сжигал людей в одесском Доме профсоюзов, уничтожал города Донбасса и развязал на Украине тотальный террор против «ватников», не должна удивлять.

Вечером 3 октября 1993 года вице-премьер Егор Гайдар раздал в Москве тысячу автоматов сторонникам демократии, а Борис Немцов, губернатор Нижегородской области, торопил тогдашнего премьер-министра РФ Виктора Черномырдина: «Виктор Степанович, времени нет. Уничтожайте их!»

Кого же хотели уничтожить и уничтожили российские «демократы» в «чёрном октябре» 1993 года? Главной целью было как раз немущее большинство населения Российской Федерации, те самые «совки», которым они до того несколько лет подряд обещали «светлое будущее» в рамках «новой демократической

России», избавленной от обязанности противостоять «цивилизованному миру» на всей планете, участвовать в разорительной гонке вооружений, поддерживать «коммунистических паразитов» по всему миру и «национальные окраины» внутри Союза. Не будем также забывать о том, что 8 декабря 1991 года в Вискулях (Беловежская пуца) был подписан договор о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), и Российская Федерация де-юре была составной частью этого конфедеративного образования, которое, в случае победы Верховного Совета, могло снова превратиться в федерацию бывших союзных республик (на Валдайском форуме 2015 года в Сочи эту концепцию еще раз озвучил бывший посол США в СССР Джек Мэтлок). Но в США в 1993 году президентом был уже не республиканец, а демократ — Билл Клинтон, и «программа действий» официального Вашингтона относительно «постсоветского пространства» претерпела существенные изменения.

Вот приписываемая 42-му президенту США речь «на закрытом совещании Объединённого комитета начальников штабов 25 октября 1995 года»:

«Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачёва и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется «самоокупаемостью». За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящей операции. И напрасно.

Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача — и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем еще такие же суммы, многие политики и военные не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться... Если нами будут

решены эти задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам».

Практически сразу после прихода к власти Клинтона, 18 февраля 1993 года, в Вашингтоне было подписано российско-американское соглашение ВОУ-НОУ, по которому американская сторона оплачивала работы по превращению

примерно 500 тонн оружейного урана в стандартное урановое топливо для своих АЭС (92 млн ЕРР (единиц работы разделения)). Согласно официальным данным, в США за 1993–2013 гг. было передано 14 400 тонн топливных сборок за 17 млрд долл. В энергетическом эквиваленте это соответствует примерно полутора миллиардам тонн нефти по цене около 5 долларов за баррель. Думается, что прекращение российских поставок энергетического урана в США и обвал мировых нефтяных цен напрямую связаны между собой. А за эти годы только по сделке ВОУ-НОУ и только напрямую, без учёта мультипликативного эффекта, Россия

«сэкономила» для американской экономики свыше 500 млрд долл.

Поскольку данный факт в «речи Клинтона» полностью отсутствует — впрочем, как и само слово «уран», вряд ли мы имеем дело с аутентичным документом — скорее всего, налицо классический пример «активки» спецслужб, целью которой является максимально возможная деструкция очевидных фактов. Впрочем, это тема для отдельного и чрезвычайно серьёзного разговора.

Но уже вполне очевидно, что решающим в данном отношении оказался как раз период «брежневского застоя» 1968–1982 гг., за время

которого «на Запад» из советской экономики было выведено различных активов на сумму около 400 млрд долл. Так что глобальному «братству кольца спецслужб» есть что скрывать...

Связь интересующих нас «прозападных» сил с этим «братством кольца» особенно заметна в странах Восточной Европы, до начала 90-х годов входивших в «лагерь социализма», а также в бывших союзных республиках, где «агентура влияния»: все «диссиденты», «националисты» и т. д., — буквально «по карте» (термин Сергея Кургиняна) была сдана западным спецслужбам.

Относительно самой России этого сказать с полной уверенностью нельзя, однако связи многих «суперлибералов», например, с той же «пятеркой» (5-е управление КГБ СССР) прослеживаются вполне отчетливо. Хотя, возможно, всё это уже «дела давно минувших дней», и эволюция интересующей нас общности уже давно идёт по своим собственным законам.

После «чёрного октября» 1993 года её представители в массе своей продолжали именовать себя «демократами», но «демократия» в их понимании становится «правой»: она перестаёт трактоваться как «власть всего народа», субъектом «демократии» признаётся уже не народ в целом, а только его власть и собственность имущее меньшинство. Остальные: «совки», «коммунофашисты», «красно-коричневые», «патриоты», «быдло, которое не вписалось в рыночные условия», — максимально лишаются права голоса. «Рыночные реформы» сводятся к двум волнам чубайсовской «приватизации» (ваучерной и через «залоговые аукционы»), права на работу, на плату за труд и даже право на жизнь больше не гарантируется государством де-факто. Поскольку «гарантом» Конституции 1993 года и перечисленных в ней прав объявляется... президент Российской Федерации, де-юре освобождённый от любых обязательств перед гражданами этого государства.

«Рыночная вакханалия» 1993–1998 гг. привела Российскую Федерацию на грань государственной катастрофы, политическим свидетельством которой стали президентские выборы 1996 года и подписание Хасавюртовских соглашений с «Республикой Ичкерия», а экономическим — дефолт 1998 года. До него никаких публичных сомнений в собственной правоте у её представителей не было вообще, события и в нашей стране, и за её пределами развивались практически в полном соответствии с той идеологией, которую они исповедовали. День

17 августа 1998 года в этом отношении стал «моментом истины», наглядно показавшим, что «рыночные реформы» в России провалились, а все обещания «команды реформаторов» были таким же обманом, как и обещания Ельцина «лечь на рельсы» в случае снижения уровня жизни «дорогих россиян».

На глазах у всей страны и всего мира «не вписались в рынок» как раз те, кто громче всего за него ратовал, всего за шесть с небольшим лет доведя богатейшую страну мира до почти полного банкротства, до статуса несостоятельного должника, имущество которого должно было пойти с молотка, а оставшееся — разделено между «наследниками» в новых кровавых столкновениях...

Все чубайсы, гайдары и прочие «реформаторы-рыночники» на какое-то время просто... исчезли. Это было их персональное идейно-политическое банкротство. Впрочем, как гласит известная американская поговорка, «Удачное банкротство — верный путь к миллиону». На дефолте 1998 года были заработаны далеко не миллионы, а сотни миллиардов долларов. «Исчезнувший» буквально в руках у Чубайса четырёхмиллиардный транш МВФ никто даже не искал всерьёз: «накладные расходы», мелочь...

А когда бывшие «реформаторы»: «демократы», уже прозванные «демократами», и «приватизаторы», уже прозванные «прихватизаторами», — снова начали показываться на людях (случилось это лишь через несколько месяцев, зимой 1998/99 годов, когда уже стало ясно, что Россия «жить будет, улыбаться — никогда»), внезапно выяснилось, что они уже — не «демократы», а «либералы», и виновата во всех своих бедах — «эта страна», непригодная для их цивилизаторской миссии, а потому подлежащая скорейшему разрушению. Мол, никаких «рыночных реформ» в 90-е годы на самом деле не проводилось, социальные и прочие расходы государства были слишком высоки, «всенародноизбранный президент» Ельцин — на самом деле алкоголик, институты государства коррумпированы сверху донизу, общество криминализировано, экономикой управляют олигархи, наворовавшие собственность, так что их либеральному прозападному сознанию, «белому и пушистому», ориентированному на лучшие образцы современной цивилизации в лице Америки и Европы, вся эта «Рашка», унаследовавшая худшие черты «совка», вся эта «Верхняя Вольта с ракетами» глубоко отвратительна и чужда. Мол, я — не я, и лошадь — не моя, и сам я — не извозчик.

Что же произошло? И почему демонстративный исход представителей интересующей нас общности из «власти» в «оппозицию», начатый ещё с «первой чеченской войны», когда они вовсю измывались над «федералами» и воспевали «гордых ичкерийских джигитов, воюющих за свободу», с одной стороны, приобрёл массовый характер, а с другой — сопровождался нарастающей инфильтрацией представителей той же консорции в институты власти всех уровней, включая федеральный?

Ответ на эту «загадку века» одновременно и печален, и прост: уже к 1997 году процесс формирования глобального рынка за счёт относительно «свободных» ресурсов «второго», социалистического, и «третьего», постколониального мира, фактически завершился и начался его передел. В котором первыми «кандидатами на вылет» значились как раз недавно инкорпорированные в глобальный рынок элиты «второго» и «третьего» мира. И гарантировать их активы, их долю на глобальном рынке могла только сила, сопоставимая с силой элит «первого мира» или хотя бы с силой «глобального лидера» в лице США. Такую «заначку» в виде российского стратегического ракетно-ядерного комплекса «постсоветская» элита, до того сдавшая своим «партнёрам» и весь «социалистический лагерь», и союзников по всему миру, и сам Советский Союз, — оставила за собой. И не просто оставила, но правдами и неправдами сделала всё возможное для того, чтобы сохранить и работоспособность данной «золотой акции», и свой оперативный контроль над ней, при этом не вступая в прямую и открытую конфронтацию с элитами «первого мира». Кстати, тогда же, в 1997 году, «Большая семёрка» стала «Большой восьмёркой» — в этот «клуб мировых лидеров» была включена и Российская Федерация, на членство которой даже дефолт 1998 года чудесным и таинственным образом не повлиял...

Внезапно «уставший» в декабре 1999 года, Борис Ельцин «добровольно» ушёл со своего президентского поста, фактически «уступив» его Владимиру Путину (на тот момент достаточно убеждённого западнику и либералу), но политически прожил после этого еще больше 7 лет, продолжая через свою «семью» достаточно активно участвовать во внешней и внутренней политике Российской Федерации, продолжая её толкать в направлении либеральных реформ. Но тон в ней постепенно начали задавать совсем другие силы и люди, по отношению к которым единый фронт ранее «прозападнических» сил рас-

кололся как минимум надвое. Окончательно эта линия раскола оформилась после ареста Михаила Ходорковского 25 октября 2003 года, накануне выборов депутатов Госдумы IV созыва. Кстати, в то время Ходорковский не только являлся богатейшим гражданином России с личным состоянием примерно в 8 млрд долл., но и позиционировал себя едва ли не в качестве коммуниста «новой волны», из тюрьмы писал статьи о «левом повороте» в российском обществе и выступал за переход от «сырьевой экономики» к «экономике знаний»...

Иными словами, «глобальный рынок» уже к 1997–1998 годам оказался вовсе не единым, в нём обозначился конфликт интересов, который немедленно «спроецировался» на интересующую нас консорцию. При этом «постсоветская» элита упорно старалась держаться в кильватере элиты «западной», одновременно сохраняя собственную «зону влияния». Но вечно так продолжаться не могло. События 1999–2003 годов, вызванные стремлением укрепить «глобальное лидерство» США и стоящих за этим государством группировок транснационального капитала, несмотря на свою внешнюю успешность (установление контроля за сверхприбыльями «нефтянкой» и наркотрафиком), в целом не привели к ощутимой перебалансировке сил в пользу «вашингтонского обкома». Более того, усиливался финансово-экономический дисбаланс, к 2008 году формально ушедший за физический «горизонт видимости» в 25 лет.

Следствием стал конфликт в Южной Осетии и крах Lehman Broth., запустивший новую волну глобального системного кризиса, которая затронула уже весь мир, в отличие от волны 1997–1998 гг., прокатившейся прежде всего по «развивающимся рынкам». И это снова было шоком для «прозападников». Ведь одно дело — признавать свою страну «отсталым учеником», неспособным усвоить, что дважды два — четыре. И совсем другое — убедиться в том, что у самого «учителя» с арифметикой большие нелады. И что у него дважды два — во все не четыре, и даже не пять, а «сколько надо».

После 2008 года «неолиберальная» российская общность пережила «вторую линьку», заявив о том, что она-де снова «защищает интересы народа перед лицом государства». Америка и Запад сами по себе перестали для неё быть «идеалом и образцом» — но вместо этого они стали трактоваться как «сила, способная помочь приближению России к идеалу». Однако такая «идеологическая линька» потребовала

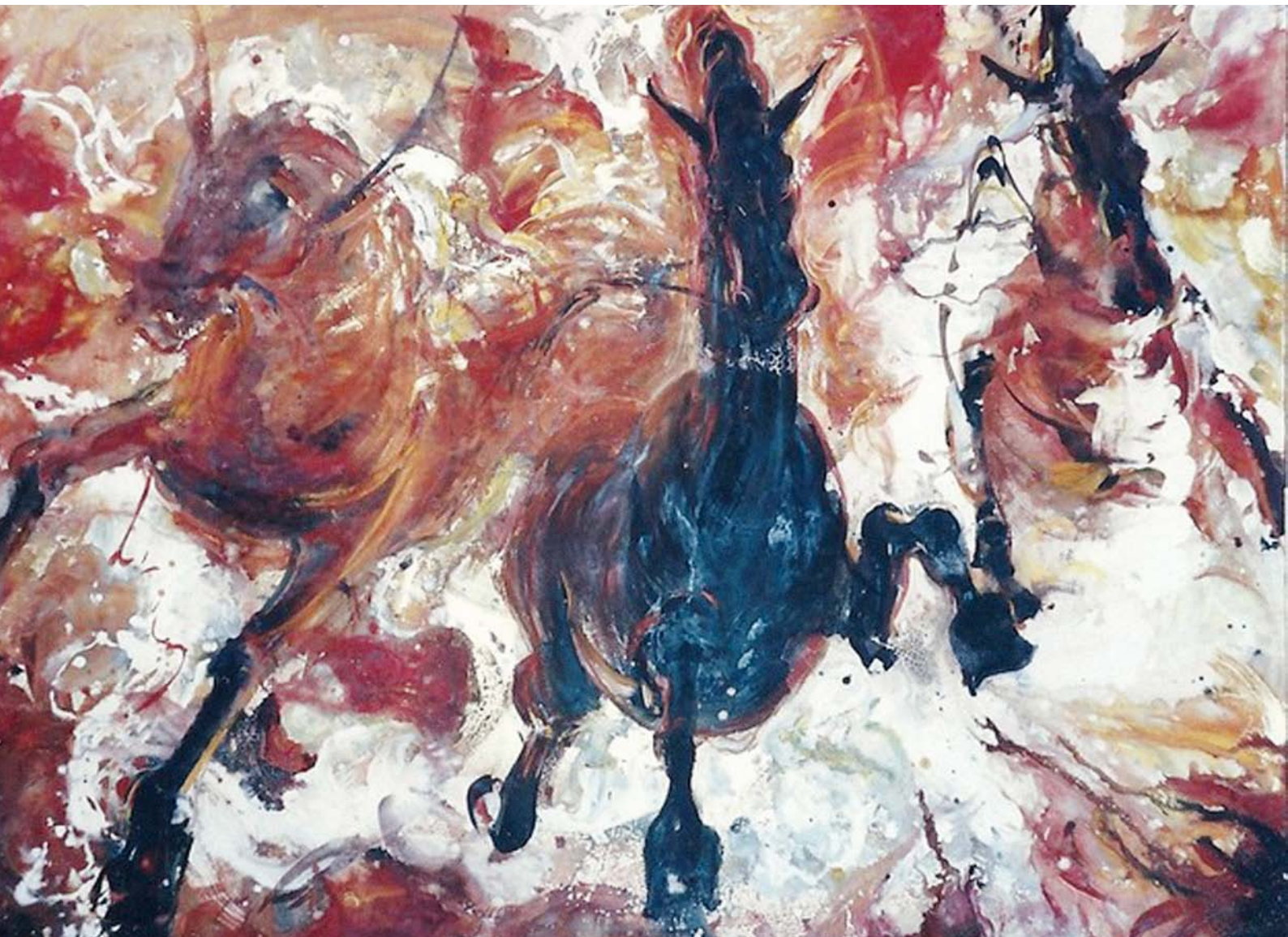
смены «фронтменов», потому что ельцинский «наследник» Борис Немцов или «суперолигарх» Михаил Ходорковский, или та же Ксения Собчак в роли «защитников народных» смотрелись странновато и даже комически. Не помогал даже выброшенный ими флаг «креативности»: мол, мы представляем творческую часть народа, созидающую будущее России. Для формирования «общности креаклов», во многом уже он-лайн интерактивной, нужны были новые лица типа националиста-«яблочника» Алексея Навального, выпускника Йеля, политического аналога «Гиви Моисеевича Чингачгука», отвечавшего всем запросам данной трансформации. И, судя по всему, сыгравшего для неё роль «трянского коня». Конечно, определение «Единой России» как «партии жуликов и воров» уже никуда из истории не выбросишь, однако новые «двенадцать ножей в спину» «русского медведя»

на поверку оказались не столько реальным покушением на убийство, сколько цирковым трюком. А паломничество всей «агентуры влияния» к новому послу США Майклу Макфолу в январе 2012 года, ещё до вручения им верительных грамот президенту России, вызвало не новую «цветную революцию» за честные выборы и против третьей президентской легислатуры Путина и не «экспорт киевского Майдана в Москву», а необходимость смены посла, что и было осуществлено в августе 2014 года, уже после воссоединения Крыма с Россией.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ «ЗАПАДНИЧЕСТВО» В РОССИИ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Даже столь краткая, по необходимости, попытка проследить генезис и эволюцию «прозападных» сил внутри российского общества

позволяет с необходимой достоверностью определить самые характерные для неё черты.

Во-первых, с идеологической точки зрения данные силы являются безусловными сторонниками «либеральных», они же «общечеловеческие», ценностей — не в отношении определённого набора целей, норм и правил, но в отношении источника (Запада и в первую очередь США), который определяет актуальную трактовку этих самых ценностей. «Либерализм» и «общечеловеческость» здесь не обладают никаким самостоятельным значением — они по умолчанию признаются неотъемлемыми атрибутами указанного выше источника, как «всемогущество», «вездесущность» и «всеблагость» признаются атрибутами Бога как высшего субъекта религиозного поклонения.

То, что исходит из этого источника, автоматически признаётся «либеральным» и «общечеловеческим», а всё остальное — «нелиберальным», «нечеловеческим» и даже «античеловеческим», безусловно подлежащим отрицанию, отбрасыванию, осмеянию и — в идеале — уничтожению: «лишить сущности, а память вытоптать» (Владимир Орлов, «Альтист Данилов»). То есть менталитет «пламенных либералов» практически неотличим от менталитета «пламенных революционеров» конца XIX — первой половины XX века и носит квази-религиозный (в терминах Льва Гумилёва — «субпассионарный») характер. Что во многом определяет другие характеристики данного сообщества.

Второй важнейшей идеологической особенностью данной группы является её

безусловная и во многом определяющая зависимость от внешнего источника «либерализма», т. е. Запада и США, одновременно выступающих в качестве «управляющего центра» и влияющих на Россию не только извне, но и изнутри: через системы массовой медиа, образования (обучения и воспитания), «некоммерческие организации» и т. д. При этом создаётся впечатление, что представители данных сил, где бы они ни находились: в политическом спектре, в бюрократических структурах или в силовых эшелонах, — действуют сообща и высоко скоординированно без видимого центра управления и механизма постановки целей и задач, с крайней степенью цинизма и полного отсутствия моральных ограничителей.

В-третьих, эта общественная структура носит все черты консорции (в этнологии консорция определяется как «объединение группы людей для достижения общей цели»), причём, при всех её претензиях на «креативность», «прогрессизм», «демократию» и т. д., — откровенно паразитарного характера. Её настоящая цель — подготовка определённой территории, «вмещающего ландшафта» к «утилизации ресурсов» в интересах управляющего центра, не более, но и не менее того. Тем самым происходит встраивание отечественной системы разрушителей в набор стратегических целей флагмана мирового глобализма: фрагментацию крупных государств и неуклонное формирование мирового управляющего центра, которому подчиняются всё более мелкие осколки бывших государственных образований.

При этом стоит помнить и понимать, что все эти «либералы» — не источники какой-либо собственной энергии, но идеальные проводники, вплоть до статуса «сверхпроводимости» (по свидетельствам очевидцев, тот же Анатолий Чубайс минимум до середины 2000-х годов всегда был «в режиме он-лайн», «на связи с Центром». Это — коллективный квази-субъект, лишенный собственной проектности, «среднее звено», «строители Вавилонской башни», «големы», своего рода служебные существа, «запрограммированные» на выполнение тех или иных задач в рамках глобального «либерального» проекта. В этом заключается их могущество, но в этом же — их глубинная слабость, «Кощеева игла» из русских сказок. Без постоянного «внешнего управления» и «энергетической

подпитки» эти «киборги либерализма», даже выполняя заданную программу, очень быстро превращаются в нечто бесформенное и бессмысленное...

То есть это — не «серая слизь», обладающая неким самостоятельным, пусть даже «роевым», разумом. Это именно консорция, главным условием и одновременно целью существования которой является переработка «вмещающего ландшафта» с максимальной прибылью для «хозяина», в роли которого выступают структуры крупного глобального капитала, более известные под псевдонимом «транснациональных корпораций» (ТНК). То, что «вмещающим ландшафтом» в данном случае оказалась Россия, а не Нигерия, Гондурас или Таиланд, меняет лишь внешние формы, но не внутреннюю сущность данного феномена. Точно так же ТНК в современном мире «переваривают» и США, и Евросоюз, и Японию с Китаем.

Из этой главной, паразитарной, особенности российской либеральной консорции вытекают и другие характерные для неё черты. Например, ярый антипатриотизм, полное отрицание самобытности русской государственности и русской культуры, антисоветизм и антисталинизм. В самом лёгком, начальном варианте представители этой консорции ограничиваются лишь констатацией своего неприятия России/Советского Союза в силу несоответствия исторических, политических и прочих реалий своим идеалам, которые могут носить самый разный характер: от неотрецизма, приверженности монархизму и вплоть до неоязычества. Важен сам посыл о том, что наша страна и наш народ — «неправильные», «отсталые», «неполноценные» по сравнению с некими идеальными вариантами или возможностями. Количество которых, спродуцированное и распространённое за последние три сотни лет в интересах ТНК, с трудом доступно даже простому подсчёту: «Легион имя мне, потому что нас много». В самом тяжёлом и законченном варианте «либерал-предательства», как правило, утверждается, что «эта страна» («Рашка» и т. д.) вообще не имеет права на существование и должна быть уничтожена вместе с большинством её народа: «Хоть с чёртом, но против России»

Численность населения нашей страны, на территории которой даже в нынешнем, «постсоветском» виде, по разным оценкам, находится от 20% до 30% ресурсов, которые могут быть задействованы в рамках современ-

ной глобальной экономики, подконтрольной ТНК, составляет менее 2% от общемирового. Понятно, что этот дисбаланс является причиной и поводом для множества военно-политических, социально-экономических, идеологических и прочих процессов, направленных извне против России. В условиях системного кризиса глобальной экономики эти процессы начинают протекать в ускоренном и усиленном масштабе, перерастая в настоящую «гибридную агрессию», заказчиком и организатором которой «от имени общечеловеческих ценностей» выступают как раз структуры ТНК и ассоциированные с ними государственные структуры «коллективного Запада». Соответственно, резко активизируется вся их «агентура влияния» в лице либеральной консорции. А на войне как на войне. Дезинформация, провокации, саботаж и диверсии против российского государства и российского общества поставлены на широкий поток, пронизывают буквально все сферы жизни нашей страны: от некоторых решений государственных органов власти до актов террора со стороны разного рода «борцов за свободу». В ход идут и конфессиональные, и этнокультурные, и исторические, и любые иные проблемы, вплоть до региональных, а если таковых нет — предпринимаются активные попытки дополнительно их создать (например, «сибирский», «ингерманландский» и прочий «русский сепаратизм»).

Оставим в стороне вопрос о том, как следует относиться к такого рода деятелям в частности и к их организованному функционированию в целом в условиях военного времени, — мы видим, что ничего похожего на «новый 37-й год», никаких «репрессий» и «чисток» нет и не предполагается. То ли время сейчас на самом деле невоенное, то ли «законы войны» настолько изменились в новых технологических условиях, то ли «привычка к поражениям» вместе с комплексами неполноценности настолько укоренились на всех этажах нашей «властной вертикали» снизу доверху, а представители «пятой» и «шестой» колонн *in masse* там настолько «свои», что корпоративная этика стоит выше и национальных интересов, и банального чувства самосохранения...

Отметив всё это, попытаемся найти ответ на вопрос: какие альтернативные выходы принципиально возможны из данной ситуации?

Прежде всего мы видим: в результате конфликта в Южной Осетии, украинского кризиса и, наконец, вмешательства в сирий-

ский конфликт, — что Россия, пусть медленно и непоследовательно, однако пытается вырваться из данного «либерального» капкана, поскольку практические нужды, связанные с функционированием такого государства, как РФ, настоятельно требуют ухода от «прозападнических» концепций.

Отсюда вытекает первый вариант, который связан с максимальной изоляцией России от находящейся в кризисе глобальной экономики: «импортозамещение» и т.д. При всей видимой привлекательности и относительной лёгкости осуществления данного варианта, его фундаментальным недостатком является как раз фиксирование и воспроизводство на новом уровне существующего положения дел: управляющий «глобальный субъект» — каналы управления — «либеральные големы». Если катастрофический опыт Советского Союза чему-нибудь и учит, то лишь тому, что стратегия «догнать и перегнать» является стратегией проигрышной и бесперспективной.

Повторим, не случайно все доморощенные «диссиденты», а также «перестройщики» и «рыночники», сегодня позиционирующие себя в качестве «либералов», в идейном отношении являются «детьми XX съезда». Того самого съезда правившей в Советском Союзе компартии, который ознаменовал собой отказ отечественных «элит» от альтернативного всему «коллективному Западу» пути русской цивилизации — отказ, выраженный в печально известном хрущевском докладе «о культуре личности Сталина», а затем окончательно зафиксированный новой программой КПСС в 1961 году.

Второй вариант может выстраиваться как вектор движения «дистанционного встраивания» в создание общемировой структуры. В этом случае интересы разных групп и большей части либералов совпадают, «конвергенция» становится неизбежной, но с усилением российской государственности. Кстати, если провести даже среди нынешних «либералов» опрос о том, как они относятся к личности и деятельности не раз упомянутого выше Ю.В. Андропова, ответы будут, скорее всего, положительными, поскольку начальный импульс «либерализации» шёл именно из тех кругов партийно-государственной

номенклатуры, представителем которых являлся Юрий Владимирович. «Изоляционисты» вполне предсказуемо и, что называется, «без вариантов» проиграли «глобализаторам» в рамках парадигмы 70–80-х годов, хотя в их распоряжении был потенциал не только советской сверхдержавы, но и всего «второго мира», «социалистического лагеря». Но нужно ли превращать уже произошедшую историческую трагедию в исторический фарс — не исключено, ещё более кровавый и катастрофический по своим последствиям? Вопрос, надо думать, риторический.

Наконец, третий вариант будущего — выход или, вернее, возвращение России на позиции одного из мировых лидеров «многополярного мира». Он куда более сложен в осуществлении, но даёт серьёзные шансы на конечную победу, опираясь на принципиально иную стратегию — стратегию разрушения самого глобального «управляющего центра», «слома Кошечевой иглы» в результате системного кризиса.

Как уже не раз отмечалось, в новейшей отечественной истории, то есть почти за четверть века после уничтожения Со-

ветского Союза в декабре 1991 года, уже не впервые представители отечественной либеральной консорции впадали в ступор, временно лишаясь связи со своим «управляющим центром». Их вообще было не слышно и не видно трижды: после дефолта лета 1998 года, после краха банка Lehman Broth., начавшего мировой финансовый кризис осенью 2008 года, и после воссоединения Крыма с Россией весной 2014 года. Но всякий раз, когда каналы связи заполнялись новыми инструкциями, они снова «оживали», становясь всё увереннее и «громче». Поскольку «Кошечева игла» в результате так и не была сломана, а всего лишь «проверена на изгиб». Пока существует либеральный Запад, будет существовать и «либеральное западничество» в России.

Но, если и когда глобальная «империя доллара» рухнет, возможно, больших «патриотов», чем нынешние «либералы», в нынешней России просто не найдётся. Потому что приспособиться к новому «управляющему центру» для них в целом намного проще, чем изменить свою сущность и набор привычных социальных функций...

Светочи мрака

Россия и феномен либерал-предательства

Александр НАГОРНЫЙ,
*исполнительный секретарь
Изборского клуба:*

— Уважаемые коллеги! На страницах нашего журнала, усилиями прежде всего Михаила Геннадиевича Делягина, даётся галерея портретов отечественных либералов, несущих полную ответственность за тяжелейшие проблемы, с которыми сталкивается наша страна практически во всех сферах общественной и государственной жизни. Говоря с полной откровенностью — за надвигающуюся катастрофу, которая по всем признакам вполне вероятна в ближайшие годы. И эта работа чрезвычайно важна, поскольку показывает реальный лагерь противников русской государственности, с одной стороны, а с другой — открывает пути противодействия этой группе деятелей.

Но, как говорится, за деревьями леса не видно — точно так же за этими колоритными фигурами можно не разглядеть сам феномен либерал-предательства западнического толка: как он возник и существует ли он по недоумию, или же по строгому расчёту? И в каких пропорциях одного и другого. Важно чётко уяснить, в чём его истоки и сущность, к чему он ведёт, как с ним бороться? Что это: «иудин грех», которому нет прощения, или же блуждание впотьмах, когда допустимо «встраиваться в любую систему в поисках лучшего для себя». Своего рода оправдание любых действий в рамках «необходимого конформизма»? Давайте совместными усилиями попытаемся если не ответить на эти вопросы, то хотя бы обозначить возможные варианты.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
историк:

— На мой взгляд, прежде всего нужно уточнить: люди, которых сегодня в России называют «либералами», — либералами никогда не являлись и не являются, ничего общего ни с Франсуа-Мари Воль-

тером, ни с Бенджамином Франклином у них нет. Впрочем, как нет его и у тех, кто именуется сегодня «либералами» на Западе и с кого они берут пример. Поскольку не разделяют и не принимают его основные ценности: Свободу, Разум, Собственность — как достояние каждого человека. Подчёркиваю: каждого.

Либерализм — это, безусловно, великая мировая идеология, которая в своём классическом виде образца XVIII века утверждала, что все люди являются свободными от рождения и достаточно разумными, чтобы распорядиться своей свободой. Однако для этого они должны обладать собственностью, которая реализует их свободу в обществе. Отсюда выводился и принцип народного суверенитета, народа как единственного источника власти, а также идея подчинённости государственной власти народу. И уже как вторичный момент только к 1776 году появляется концепция рыночного капитализма в качестве экономической составляющей классического либерализма. Более того, уже к концу XVIII — началу XIX веков, в эпоху «наполеоновских войн», очевидным становится тот факт, что свобода рынков ограничивается конкуренцией, что «война всех против всех» (Гоббс) — актуальное состояние человечества и после образования государств. Почему это так?

Здесь и находится «точка бифуркации»: социалисты и коммунисты отвечали, что всё дело в общественных условиях, а «неолибералы», которых правильнее назвать квази-либералами, — что в самой природе человека и мира. Знаменем первых стал Маркс, знаменем вторых — Мальтус, подкреплённый эволюционной теорией Дарвина (социал-дарвинизм).

Все наши «рыночные реформаторы» были и остаются как раз квази-либералами, социал-дарвинистами. Для них «право на жизнь» имеет не каждый человек, а только сильнейший, самый приспособлен-

ный, победитель, «виннер», все же остальные — шлак, балласт, навоз, не более того. Отсюда — уже один шаг до нищезанятия и фашизма.

Как конкуренция неизбежно порождает монополию, так квази-либерализм неизбежно порождает фашизм. Те люди в России, которые в 90-е годы объявили себя «либералами», не приемлют даже фундаментальной для либерализма идеи Свободы — потому что понимают её исключительно как свою свободу быть независимыми ни от мнений общества, ни от требований большинства. Осуществляя свои эксперименты в 1990-е годы, они не исходили из требований общества — они навязывали обществу свои требования и через проводимую ими политику, и через своёвольное обращение с правом и результатами народного волеизъявления.

Они не приемлют и принципа Разумности, поскольку считают любую точку зрения, отличную от их подходов, априори неразумной.

Они не приемлют и принципа Собственности, поскольку все свои эксперименты «лихих девяностых» строили не на принципе гарантии собственности, а на лишении собственности большинства для надления ею меньшинства, объявив советскую общенародную собственность «ничейной».

Они не приемлют принцип народного суверенитета ни в том смысле, что не признают за каждым народом права на самостоятельное развитие, а требуют его подчинения тем или иным нормам, провозглашённым универсальными другими странами и правительствами, ни в смысле признания подчинённости власти желаниям и требованиям народа. Каждый раз, когда оказывается, что в своих оценках и предпочтениях народ или большинство народа расходится с их мнением, — они объявляют его неразумным и «большим»: «Россия, ты одурела!» — и требуют от власти самыми жёсткими, даже кровавыми

мерами осуществлять его подавление и проводить ту политику, которую они считают правильной.

Поэтому термин «либерал-предательство» — неправилен вдвойне. Потому что, во-первых, это не либералы, а во-вторых — это не предатели. Да, это враги России и народов России, их можно назвать идейными диверсантами, шпионами, даже террористами, но ничего они не предавали, поскольку считают высшей ценностью «право сильного», а суверенитет народа для них — ничто в сравнении с нормами, правилами и декларациями, провозглашёнными группой «избранных стран», которую они признают достойным примером и образцом для подражания, требуя подчинения воли «своих» народов воле этих стран и контролируемых ими международных организаций.

Андрей ФУРСОВ,
историк:

— Соглашусь с тем, что те, кого сегодня в РФ именуют либералами, никакого отношения к либерализму не имеют, и далеко не всякий либерал — национал-предатель. Русские либералы XIX века Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин предателями России не были. И «западник» — это далеко не всегда либерал; примеры: В.Г. Белинский и интернационал-социалисты ленинско-троцкистского типа. Правильнее в данном контексте говорить об аутофобии — будь то русофобия или советофобия; впрочем, за последней, как правило, скрывается первая. А её носители к либерализму имеют примерно такое же отношение, как Краучо Маркс — к Карлу Марксу. Можно называть эту страту «квази-либералами», можно — «неолибералами», а можно по-народному — «либерастами», поскольку аутофобия, как правило, сочетается с сексуальными перверсиями.

Типаж «либераста» — конечно же Смердяков с его желанием, чтобы «умная нация» (французы,

немцы, американцы и т.д.) покорила глупую (русских) в силу своего культурно-исторического превосходства. На первый взгляд кажется, что речь идёт о цивилизационном превосходстве; на самом деле в виду имеется бытовой комфорт («сто сортов сыра и колбасы»), т.е. жизнь в соответствии с системой потребностей верхней части Запада капиталистической эпохи. При этом забывается, что в основе этого высокого уровня комфорта, часть которого в XX веке под давлением СССР стала перепадать западным «миддлам» и даже верхушке «пролов» (за что это западное быдло так никогда и не почувствовало благодарности к СССР), лежали благоприятный климат (Гольфстрим), жестокая эксплуатация своих низов и ограбление колоний и полуколоний. Поскольку в России и у России ничего этого не было, то оформившееся во второй половине XVIII века стремление части российских верхов жить по западной системе потребностей требовало отчуждения у низов не только прибавочного, но и необходимого продукта. Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение к народу собственной страны как к «азиатам», «дикарям» и т.п. В то же время, поскольку, во-первых, в России господствующие группы, в отличие от Запада, были функциональными органами власти и зависели от неё; во-вторых, эта центральная власть контролировала их и с конца XVIII века (с Павла I) ограничивала эксплуатацию низов верхами (в своих, разумеется, интересах), а со времён Александра II ограничивала (как могла) капитал: местный и проникновение чужого, то объектом аутофобии части верхов становился не только народ, но и государство, его центрально-верховная власть. В таком отношении данная часть верхов совпадала с определёнными сегментами российского капитала и конечно же капитала западного: с обслуживавшими его государствами Запада

и хозяевами как этих государств, так и капитала — закрытыми наднациональными структурами мирового согласования и управления.

Таков, на мой взгляд, в самых общих чертах генезис аутофобии в России. Он лишь по форме носит культурно-цивилизационный характер. По сути же — это классовое явление, связанное с интеграцией части верхов Большой системы «Россия» в Большую систему «Капитализм»: классовые интересы требуют национально-культурной перекодировки, предатель (как в широком, так и в узком смысле) должен оправдывать предательство и себя ненавистью к объекту предательства. В случае этнонациональной инаковости ненависть может усиливаться многократно. И всё же главный мотив — классовый. Достоевского и русские народные сказки чужабы всех сортов ненавидят не столько по национально-культурным причинам (хотя и по ним, видимо, тоже), сколько по классовым.

Аутофобия — это идейно-поведенческий комплекс тех групп, которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы Западом-Капиталом, но за пределами для русской системы работ; всё, что стоит на пути такой эксплуатации: государство, традиционные русские ценности, определённая численность населения, — вызывает у западоидных аутофобных групп ненависть и, по их мнению, должно быть уничтожено как «отсталое», «второсортное», «мешающее прогрессу», «неоптимальное», «неэффективное» и т.п.

Русская революция начала XX в., а затем системный антикапитализм в виде СССР, казалось, должны были покончить с этим, но в 1930–1950-е годы, т.е. в сталинский период, удалось подобный тренд не уничтожить, но лишь приглушить, подавить, как оказалось — временно. Со второй половины 1950-х годов в соответствии с логикой развития системного же

антикапитализма (его производственная база была такой же, как у капитализма, — индустриальной) и его системообразующего элемента — номенклатуры, с одной стороны, и постепенной интеграцией СССР в мировой рынок, с другой, началась эрозия системного антикапитализма: и как «системного», и как «анти-». В номенклатуре к рубежу 1960–1970-х годов сформировался небольшой, но весьма влиятельный, ориентированный на Запад слой, которому само наличие СССР, советской власти мешало превратиться в класс собственников: одно дело тайком размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки хозяевам Запада с отказом от прорывных технологий или даже со сдачей их врагу при постоянной опаске, что «возьмут за задницу», и совсем другое — легализоваться в прямом и переносном смысле, демонтировав строй, который основан на отрицании частной собственности и эксплуатации. Отсюда — второе, уже антисоветское (в снятом виде оно содержит и русофобию) пришествие автофобии, тщательно камуфлируемое до поры до времени под пролетарский интернационализм, под нетерпимость к национализму (особенно русскому), ко всему «почвенному». Показательно, что будущий «прораб перестройки» А.Н. Яковлев впервые засветился статьёй-доносом, направленной против писателей-почвенников.

Так же, как вокруг аутофобов эпохи позднего самодержавия сформировался целый слой об-

слуги (интеллигенция), у аутофобов позднего реального социализма, стремившихся превратиться в собственников, сформировалась своя обслуга — так называемые либералы; имя им легион: аксёновы, любимовы, окуджавы и прочие. В виде якобы демократической фронды, «социализма с человеческим лицом» («уберите Ленина с денег!») все они сознательно или полусознательно работали на слом системы — на будущих собственников и на своё превращение из квази-интеллигенции в культур-буржуазию. Социальной базой властно-интеллигентских аутофобов в позднем СССР стал активно формировавшийся с 1970-х годов слой советских мещан, лавочников — продукт реформы Косыгина — Либермана, экспорта нефти и газа, развития системы распределения «дефицита», «теневой экономики».

1991 год стал триумфом советских лавочников всех уровней и триумфом всех тех, чьи дедушки до «чисток» 1937–1938 годов руководили НКВД и ГУЛАГом и кто после 1991 года очень хотел превратить Россию в либерально-фашистский ГУЛАГ. Тот год и последовавшая за ним ельцинщина стали триумфом тёмной стороны советского общества — тени, которая перестала знать своё место.

В сегодняшнем властно-экономическом раскладе постсоветские аутофобы ведут дело к ликвидации России как геополитической, культурно-исторической и демографической целостности. Во-первых, в ситуации нынешнего противостояния путинского режима Западу

они рассчитывают, что при помощи Запада устранят последний, пусть слабый, но реально существующий в виде суверенитета политический и правовой барьер на пути полного и бесконтрольного расхищения-эксплуатации русских ресурсов и полного подавления русского народа как культурно-исторического типа. Во-вторых, крушение России позволит этой публике спрятать в воду концы своих преступлений, за которые — в случае сохранения РФ и тем более восстановления её мощи — им придётся так или иначе отвечать.

Эти факторы лепят из аутофобов почти абсолютных национал-предателей, ненавидящих в лице путинского режима российскую государственность, а в лице народа («ватники» и т.п.) — всё русское. Опять же в полном соответствии со сталинской формулой: национальное по форме, классовое по содержанию.

Эта публика готова стать приказчиками-плохишами «международного сообщества», т.е. мировых ростовщиков и транснациональных корпораций, не чувствуя, что новые хозяева вышвырнут их за борт, как только осуществят пиратский захват флагмана «Россия». Впрочем, и в случае, если захвата не произойдёт, их всё равно вышвырнут — это сделает команда флагмана.

Эта обречённость порождает в аутофобах неизбежную ненависть к России — ненависть раковой клетки к организму, который она использует. Вопрос лишь в средстве лечения: терапевтически или хирургически?

Александр АГЕЕВ, политолог:

— С либерализмом всё более-менее ясно — поговорим о предательстве. Есть ситуации, когда предательство и измену можно квалифицировать абсолютно ясно. Так, нарушение присяги, переход на сторону противника в ходе войны или оказание ему шпионских услуг во вневоенное время. Эти услуги и поступки караются законом и моралью. Поэтому любой шпион типа генерала Полякова или дипломата Шевченко — ясные ситуации измены и предательства, государственной измены. Отказ от того, что является присягой, клятвой, то или иное отречение от веры, от принципов, сильных обещаний, — это всё ясные ситуации предательства и измены. Можно вспомнить в этом контексте преподобного мученика Феофана Ватопедского. Родился он в семье благочестивых христиан в Греции во времена османского владычества. В юном возрасте отречься от Христа и принял ислам. Позже раскаялся в своей измене и стал иноком Ватопедского монастыря на Афоне. Но совесть побуждала его к еще более высокому искуплению совершённого им предательства. Придя в столицу Османской империи, он во всеуслышание заявил об отречении от ислама, за что полагалась смертная казнь. Его пытали, заставляли отречься от христианства, ничего не добились, казнили.

Второй момент, который важно иметь в виду, связан с тем, что имен-

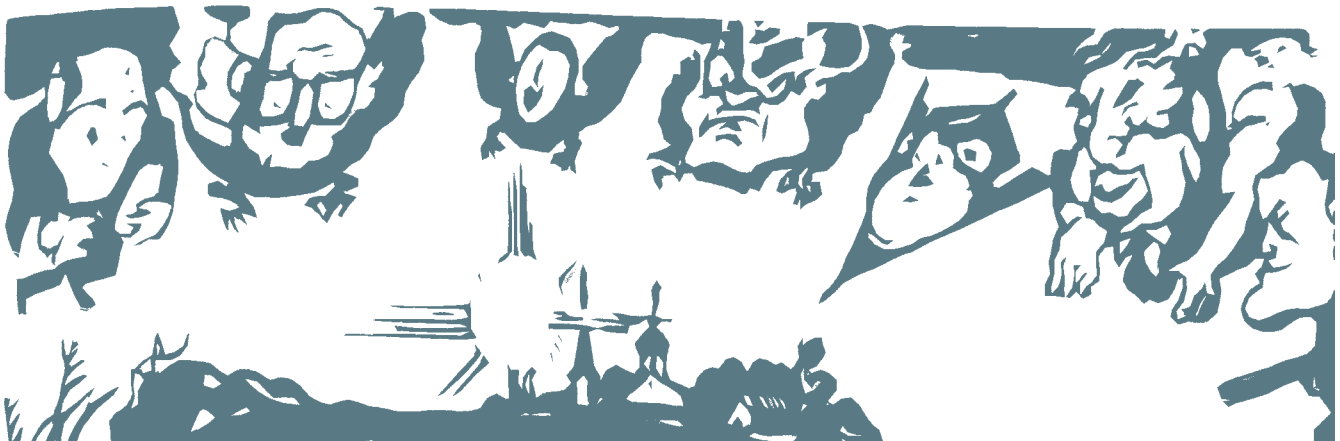
но наша великая страна пережила совершенно уникальный опыт, который породил самые тяжёлые трагедии и самые высокие искупления. Даже Германия ни после 1918 года, ни после 1945 года не переживала такой фундаментальной катастрофы, как наша страна, когда и в 1917 году, и в 1991 году произошла не просто смена государственной власти, но смена идеологии. В Германии, при всех нюансах процессов нацификации, а затем денацификации, ничего подобного не было. Но есть одна тонкость — Победа 1945 года. Она была и остаётся для России чем-то, что выше всяких мерил, — почти религиозным откровением, которое до сих пор в полной мере не осознано.

Если же углубляться в отечественную историю, мы увидим в ней и Раскол XVII века, и — чуть ранее — Смуту, и ордынское иго, и Крещение Руси с отказом от прежних богов. И каждое из этих потрясений порождало то, что квалифицируется как предательство в одной культурной среде, но в другой ценностной системе координат носит совершенно иной, глубоко позитивный характер. Это момент идентификации по признаку «свой/чужой». И если ты что-то делаешь ради «чужих» во вред «своим» — это и есть предательство. Поэтому Сноуден — безусловно, предатель, на взгляд США, за что его и лишили американского гражданства. Хотя в качестве «граж-

данина мира», защитника интересов и прав всего человечества он — несомненный герой.

Так на каком уровне мы вообще имеем право говорить о предательстве? На уровне личностном? Конечно. Друзья, товарищи, один изменил, предал — ясно. На уровне рода? Тоже, в принципе, дело ясное. На уровне общины, в которой человек живет, на уровне профессионального сообщества? Мы найдём массу примеров, когда возникают профессиональные кланы, где предательство через клубление интриг является неявной, но значимой ценностью. Уровень страны — появляется идеология, вера, цивилизация, и в конце концов мы опять приходим к космосу и хаосу. Кто мы? Космические существа, сакральные, люди чести, следующие принципам и заповедям, или вертлявые, конъюнктурные существа? В итоге придем к Хаму. Где начинается предательство Хамом своего отца? Когда он стал на его наготу смотреть и потешаться. То есть в Ветхом завете ещё очень чёткое указание моральных ограничений, где нужно остановиться. И однозначная моральная рекомендация в отношении пренебрегающих — презрение. Презрение, дистанцирование от всех этих поступков и взглядов.

Момент прощения. Он тоже проходит красной нитью во всей мировой истории. Фактически прощение и даже защита Каина, прощение Хама и, наконец, про-

щение блудного сына. Человечество заблудилось — но всё равно: Отец его прощает. Это, правда, не исключает уничтожения Содома и Гоморры, если там не найден ни один праведник. И не оправдывает предательства Иуды, который предал Бога и не раскаялся в этом предательстве.

Где же проходит «красная черта», за которой те или иные поступки становятся предательством? Эта «красная черта» возникает, если есть единство истины, красоты и морали, глубоко укоренённое в народе. Если торжествует аморализм, или за мораль выдается относительность, толерантность и т.д., — тогда никакого предательства нет и быть не может, тогда предательство исчезает как моральное явление вообще, и тогда можно работать с этим обществом и с его ценностями как угодно.

В любом случае, говоря о технологиях предательства, мы можем иметь в виду мотивы мести, мотивы эгоизма, лжи, лицемерия, зависти, убийства, блуда и так далее, — все они одного порядка со смертными грехами. Отказ от высшего ради низшего есть предательство, отказ от низшего ради высшего есть подвиг и героизм. Но для этого должен быть, помимо вектора «свой/чужой», проставлен ещё и вектор «верх/низ» во всём и всегда.

Поэтому вопрос о предательстве в конечном счете выходит на то антропологическое начало, которое вообще весь наш мир держит. Расширение этого начала до верности общностям: товарищеским, родовым, семейным, патриотическим — и дальше: общностям космическим, божественным, — на самом деле это путь восстановления изначальной человечности.

Василий ТУГАРИНОВ, юрист:

— Вопрос предательства, который Михаил Делягин поставил в своей замечательной книге «Конец эпохи национального преда-

тельства?» и в серии портретных очерков, опубликованных газетой «Завтра», я согласен обсуждать. А вот вопрос либерализма — нет. Я знаю многих либералов, которые являются большими патриотами России и которые вместе с нами готовы в случае войны взять автомат и пойти защищать Родину. Я знаю экономистов, которые являются либералами в силу своих убеждений, но не являются предателями. И я знаю предателей, которые не являются либералами.

Так вот, главное предательство, которое было совершено в XX веке и последствия которого будут ощущаться весь XXI век, — это ГКЧП, Беловежская пуща и Горбачёв. И все виновники этого предательства, которое привело к отмене Ялты, отмене Потсдама, отмене Нюрнберга, — все виновники этого международного преступления остаются безнаказанными. Именно это предательство привело к тому, что сейчас идёт третья мировая война: с Арабской весной, с братоубийственными конфликтами на всей территории бывшего СССР, с глобальной американской агрессией по всему миру, с провокациями типа 11 сентября 2001 года, с кровавым геноцидом в Африке, с гибелью уже десятков миллионов человек. Всё это — последствия беловежского предательства. Но правовая оценка ему до сих пор не дана: ни международная, ни российская.

А такая оценка нужна. Истоки и последствия всего, что касается Беловежской пущи, следует обсуждать — и обсуждать досконально, без сроков давности. По документам, по каждой строчке, по каждой минуте. Кто за что ответственен, все должны быть допрошены. Все, кто остался в живых. Да, это сотни томов, это месяцы, а то и годы слушаний, — это длинный процесс. Но без такого процесса, без правовой и судебной оценки уничтожения СССР нынешней России не выжить.

Михаил ДЕЛЯГИН,

экономист:

— Уважаемые коллеги, я искренне признателен всем вам за те добрые слова, которые прозвучали в качестве оценки моей скромной работы. Но меня, честно говоря, больше всего интересуют психологические механизмы предательства.

Вот, например, живёт в Одессе мальчик. Летом 1941 года его чудом спасают, он стоит у окна поезда и видит, как «мессеры» на бреющем полёте расстреливают этот поезд. Он выживает, спасается, мыкается с мамой по эвакуациям, голодает, затем поступает в вуз, учится, работает... А потом становится либеральным гуру, рецепты которого загоняют в гроб миллионы его соотечественников — так, что на этом фоне асы гитлеровского люфтваффе выглядят чуть ли не гуманистами.

Как, под влиянием чего, каким образом, под воздействием каких мотиваций нормальный человек становится «либералом-западником»?

Ну вот есть мальчик или девочка: они растут, развиваются, становятся юношей или девушкой, у них какие-то проблемы, какие-то достижения — в общем, всё как у всех. А потом вдруг — бац! — и те же самые, во всём остальном, как правило, сохраняющие полную нормальность люди призывают уничтожить «эту страну». И не только призывают, а начинают действовать в этом направлении всеми силами, всю душу в это занятие вкладывая, — уничтожать собственных друзей детства, своих родных и близких. Что с ними происходит? Как такое могло случиться? Это ведь не болезнь, это не гормональное...

Интерес к такому вопросу отнюдь не праздный.

Понять, как и почему нормальные люди становятся лютыми ненавистниками и палачами своей страны и своего народа, надо прежде всего для того, чтобы не допустить продолжения этих

превращений, чтобы сломать алгоритм этого процесса, который идёт сейчас полным ходом. Чтобы бороться с его причинами, а не с его многочисленными и уже готовыми следствиями. Наша стратегическая задача — понять, вскрыть хотя бы в наиболее значимых, ключевых элементах социально-психологического механизма, который людей так разрушает и перемалывает.

Мы уже видим третье-четвёртое после уничтожения Советского Союза поколение либералов в России: это политики, управленцы, экономисты, журналисты, деятели искусства и так далее. Люди не просто активные и образованные, но зачастую просто талантливые. Какие основные пути ведут их в либеральный клан, почему элиты всё чаще предадут свои народы и становятся либеральными, прозападными? И — главное: как сделать так, чтобы люди, подрастая, не начинали считать, что доллар выше всего, что государство должно служить глобальному бизнесу, а если в стране вымрет три четверти населения — ну и пёс с ним, с этим быдлом, «они не вписались в рынок». Или, как укронацисты-необандеровцы, разжигая в стране гражданскую войну, говорили: мол, эти «ватники» — они такие убогие, что не способны получать удовольствие от жизни; поэтому, убивая их, мы, по сути, совершаем акт гуманизма, освобождая этих «недочеловеков» от бессмысленных мучений...

Зоран Джинджич, ставший премьером Сербии и продавший Слободана Милошевича Западу (правда, вместо трёхсот миллионов долларов ему заплатили, помнится, лишь тридцать — вероятно, в память об иудинных «тридцати сребрениках»), во время учёбы в Германии подрабатывал в стрип-клубе, причём в стрип-клубе не для женщин... И я вполне представляю, как уже в близком будущем некий аналог Джинджича может стать политическим лидером уже не Сербии или Украины, а России.

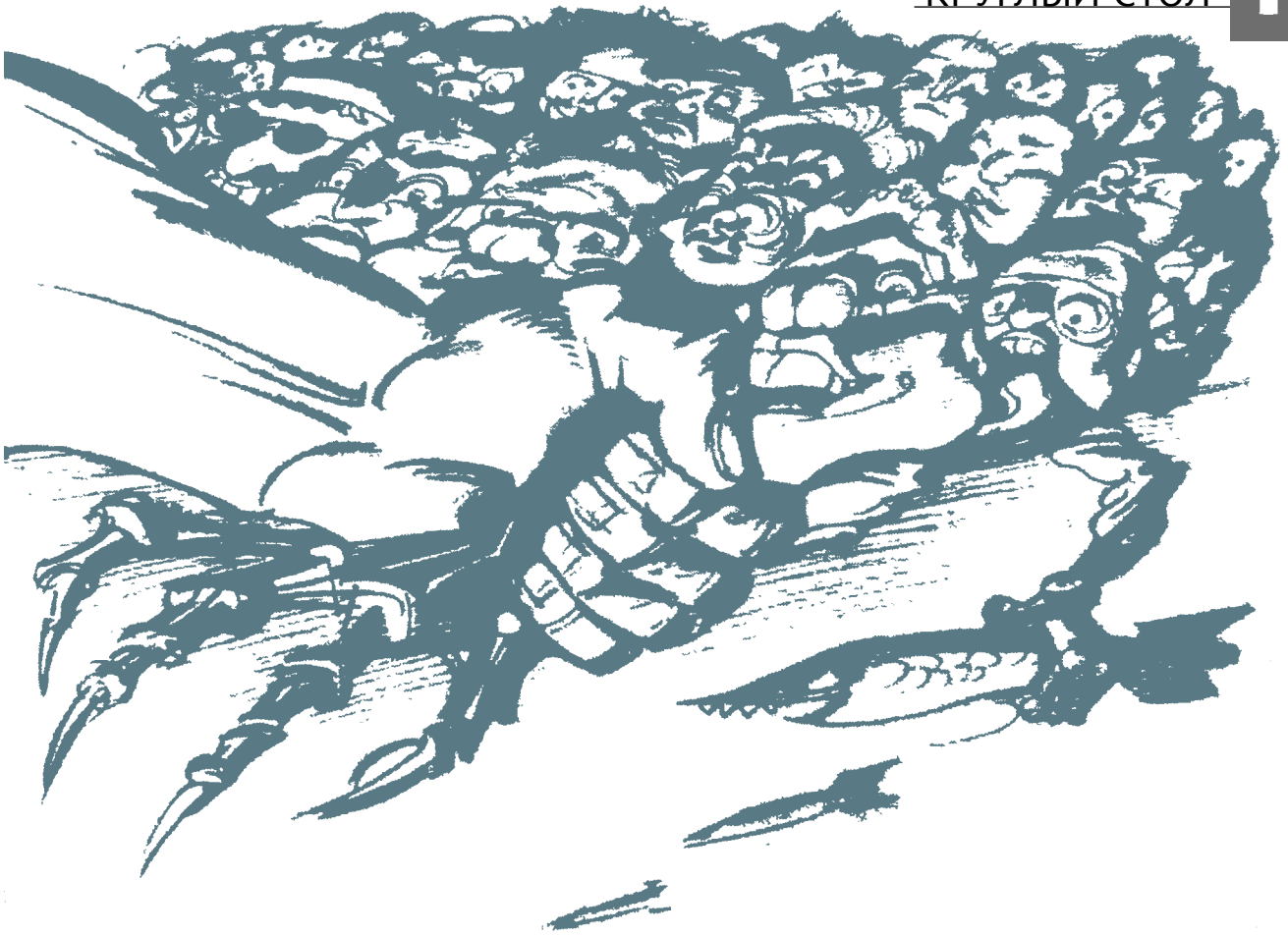
И если одно с другим действительно очень тесно связано, то что и как нужно противопоставить этой связке, чтобы трагедия Украины и Сербии не стала трагедией России?

Александр НАГОРНЫЙ:

— Уважаемые коллеги! Искренне признателен всем вам за тот откровенный и порой неожиданный разговор, который состоялся в рамках этого круглого стола. Добавлю к нему только одну аналогию. После Февральской революции, приведшей к уничтожению Российской империи, партия большевиков-революционеров с классовым подходом, отрицающим частную собственность, овладела властью и оказалась в тотально враждебном окружении. Следовательно, ей пришлось вести борьбу практически со всем миром, и опереться в этой борьбе они могли только на внутренний потенциал страны. Что и привело к победе сталинизма, поддержанного не только новой, большевистской элитой, но также широкими массами населения, но и значительной частью традиционных элит: военных, научно-технических, да и художественных. До середины 30-х годов Советская Россия была заключена в жесточайшую изоляцию. И номенклатура, элита вынуждена была думать о том, как организовать жизнь во всех сферах: от идеологии до розничной торговли. И надо сказать, что в итоге Россия, которая по всем социально-экономическим параметрам уступала Западу, к началу 50-х годов практически сравнялась с ним, а во многом и вышла на лидерские позиции, вершиной чего стал полёт Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года. Но на эту вершину Советский Союз взлетел уже по инерции, XX съезд КПСС в 1956 году выключил все двигатели сталинской модернизации, а XXII съезд с новой Программой КПСС вообще переложил рули в сторону «общества потребления». События в Новочеркасске и Кариб-

ский кризис стали точкой отсчёта нисходящей фазы в жизни советского общества. В сфере идеологии главенствующее положение заняли «борьба за мир» и «мирное сосуществование двух систем», а в сфере экономики — «прибыльность народного хозяйства», согласно реформам Косыгина — Либермана. В высшей совпартхозноменклатуре ключевые позиции занимали люди, которые продвигали принципы политической конвергенции. Назову в их числе зятя Косыгина Джермена Гвишиани, академиков Арбатова, Примакова, Велихова, Шаталина, группу «андроповских референтов» и так далее. А под этим зонтиком бурно стали развиваться намного более радикальные тенденции как диссидентского, так и сепаратистского толков. С начала 70-х годов расцвела и «теневая экономика». Подписание Советским Союзом в 1975 году Хельсинкских соглашений с их знаменитой «третьей корзиной» по «правам человека» перевело советскую систему в режим дестабилизации с положительной обратной связью. Кино, литература, театр, телевидение, пресса усиленно создавали и пропагандировали тип человека-потребителя: обывателя, социального паразита, озабоченного лишь собственным материальным благополучием, недовольного дефицитами, очередями, «блатом» и «номенклатурными спецраспределителями».

Подавляющее большинство «властителей дум» времён брежневского «застоя» и горбачёвской «перестройки», включая самых яростных «диссидентов» и многих эмигрантов, было агентурой советских спецслужб, проводивших «конвергенцию» вплоть до уничтожения СССР и тотальной вестернизации «постсоветского пространства» в рамках «рыночных реформ». К ним в конце 80-х годов присоединилась значительная часть номенклатуры, заинтересованная перспективами конвертации своей власти в собственность.

За прошедшую четверть века они сменили разве что кураторов, но не идеологию, не систему ценностей. Скажем, во время государственного переворота 1990–1991 гг. можно было наблюдать совершенно парадоксальное явление, когда работники военно-промышленного комплекса, которые, казалось бы, должны были защищать централизованное государство, дружными рядами бросились поддерживать сначала Горбачёва, потом Ельцина, а потом мы столкнулись с ними уже как с людьми, которые с 1991 года определяют основные идеологические направления деятельности государства. И эта группа, которую мы хорошо знаем и которая описывается «галереей иуд» в газете «Завтра», полностью поддерживала, поддерживает и будет поддерживать «новый мировой порядок против России, за счёт России и на развалинах России», как сформулировал Збигнев Бжезинский. Более того, в качестве главной стратегической задачи ставится полное уничтожение русской государственности

и тотальное изменение «национального кода русских», о чём, кстати, говорил недавно Путин. И сейчас, когда резко обострились отношения между Москвой и Вашингтоном, мы сталкиваемся с тем, что она в значительной степени определяет не только медийный фон, но и реальную текущую политику. Я думаю, что эта группа в течение ближайших полутора-двух лет добьётся своего — и Путина отстранят от власти по требованию «вашингтонского обкома» и под воздействием искусственно организуемого финансового и экономического кризиса внутри страны.

Как стратифицирована эта группа? Я бы выделил пять направлений. Во-первых, это бюрократическое направление, которое сидит в министерствах и ведомствах. Дальше идёт вторая, военно-силовая группа, которая объединена теми же идеями и заточена под конструктивное взаимодействие с «западными партнёрами». Третья группа — олигархическая, предпринимательская. Туда практи-

чески входят все олигархи, потому что огромные средства выведены ими в зарубежные банки, и огромная собственность взята в разных местах, прежде всего — в США и Европе. То есть они привязаны. Затем — культурно-идеологическая группа. И наконец, — информационная группа, которая практически сидит на всех телевизионных каналах и основных радиостанциях. Сейчас вся она вроде бы работает под присмотром «властной вертикали», но в любой момент может переориентироваться и сыграть мобилизационную роль для следующей «цветной революции» у стен Кремля. Именно во избежание данного разворота событий патриотические силы всех идеологических направлений должны сомкнуть свои ряды и в первую очередь добиться выдавливания проамериканской агентуры из власти, и прежде всего — из финансово-экономического блока правительства, который манипулирует ситуацией и всё ближе подводит нас к государственной катастрофе.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Русская катастрофа и её ТВОРЦЫ

Уже много лет назад я поймал себя на том, что, упоминая события 1991 года и последующих лет, непроизвольно называю их не «победой демократии» или даже нейтральным «распадом Советского Союза», а «Катастрофой» — именно так, с большой буквы.

Разумеется, значительная часть моих друзей и просто знакомых (сразу оговорюсь — далеко не только евреев) указывает на недопустимость использования термина, закреплённого историей за геноцидом евреев фашистами во время войны.

Однако если сопоставить последствия распада Советского Союза и Холокоста (как принято называть его на русском языке, да и на других языках мира) для соответствующих народов, мы увидим, что, несмотря на отчётливо меньшее (пропорционально к населению) количество жертв, последствия для нашей страны и нашего народа были если и не хуже, то по своей тяжести по крайней мере сопоставимы.

В самом деле: Холокост — это сознательное уничтожение 6 из 38 миллионов евреев, живших в то время в мире, — 16%. Больше этого относительные потери составили только в Белоруссии (где погиб, как известно, каждый четвёртый), но не стоит забывать, что значительная часть жителей этой республики как раз и были евреями.

Косвенные демографические потери Холокоста: неродившиеся дети и люди, умершие в своих постелях, но раньше среднестатистического срока, от голода, болезней и переживаний, — насколько я знаю, не оценены, но их чудовищность понятна.

Вместе с тем еврейский народ отнюдь не был сломлен этой чудовищной попыткой истребления. Напротив — произошёл (как это, по крайней мере, видится со стороны) взлёт еврейского самосознания, увенчавшийся, при общем чувстве вины перед евреями и активной на самом важном, первом этапе поддержке Советского Союза, созданием Государства Израиль.

Принципиально важно понимать, что самосознание израильтян (по крайней мере элиты) того времени было абсолютно адекватным ситуации и исходило из презумпции «осаждённой крепости» — из чёткого понимания того, что Израиль в любой момент может быть брошен и продан любыми своими союзниками. Именно это самосознание, питаемое памятью о Холокосте (перед началом которого западные демократии отказались принять евреев, находившихся на контролируемых гитлеровцами территориях, и тем самым обрекли их на уничтожение), именно это однозначное и жёсткое деление на своих, чужих и врагов и стало главным фактором жизнеспособности еврейского государства.

Причина переживания Холокоста и превращения его в один из краеугольных камней современной еврейской идентичности (помимо черт традиционной еврейской культуры) очевидна: Холокост был агрессией, не просто сплотившей, но и во многом воссоздавшей смирившуюся нацию.

Схожие процессы произошли и в Советском Союзе — именно чудовищная война стала ключевым элементом формирования советского народа.

Катастрофа 90-х, длящаяся по сей день, была, как и Холокост, результатом не только внешнего воздействия, но и собственного, внутреннего разложения общества, которое в гитлеровской Германии вызвало расовую ненависть, а в нашей стране — либеральные «рыночные» и «демократические» реформы, отмеченные, прежде всего, ненавистью к русским и стремлением уничтожить нас как народ, культуру и цивилизацию.

Не случайно почти двукратный рост смертности при практически двукратном падении рождаемости, вызванный этой Катастрофой и всячески оправдываемый либеральными фашистами как нечто «нормальное», «естественное», «свойственное

всему цивилизованному человечеству» и даже «вызванное игом проклятых большевиков», получило название «русского креста» — именно «русского», а не какого-либо ещё.

Количество убитых в ходе «построения демократии и рынка» на постсоветском пространстве было значительно меньше, чем во время Холокоста. По оценке ряда исследователей (в первую очередь следует вспомнить прекрасные работы Ксении Мяло), во время «конфликтов малой интенсивности», бывших непосредственным инструментом разрушения СССР (и во многом сознательно разжигавшихся «пламенными демократами»), погибли «всего лишь» сотни тысяч человек.

Число убитых в бесчисленных «бандитских войнах» и криминальном беспределе «лихих девяностых» здесь не учтено, однако читатель может сам зайти почти на любое кладбище России и увидеть там длинные ряды могил, в которых лежат молодые жертвы Катастрофы. Официальная статистика тех лет занижала их число, так как, во-первых, развалилась вместе с государством, а во-вторых, значительное количество погибших просто исчезло и так никогда и не было найдено.

Да, погибшие в результате реализации, как, согласно воспоминаниям очевидцев, изящно выразился один из американских советников Гайдара, «необходимости вытеснения из общественного сознания мотива права мотивом прибыли» не были результатом целенаправленного истребления по национальному или религиозному признаку. Против Советского Союза и затем России, раздавленных внешней конкуренцией, не осуществлялся официально объявленный геноцид (хотя еще в середине 90-х годов простое упоминание национальных интересов России воспринималось многими «демократами», в том числе находившимися на госслужбе, как совершенно непростительное и недопустимое проявление враждебности не только к их идеалам

или их корпоративным интересам, но и к ним лично).

Однако миллионы людей, полных сил и энергии, погибли в результате последовательной и безоглядной реализации социально-политических теорий. Общие демографические потери только Российской Федерации после 1991 года оцениваются в настоящее время в 21,4 млн человек — и это число продолжает расти по мере углубления эффективно истребляющей нас Катастрофы. И то, что эти теории не требовали прямо смерти любого из нас как высшей и самодостаточной цели, но привели к этому десятки миллионов жертв всего лишь в качестве побочного, хотя и абсолютно неизбежного («они не вписались в рынок») следствия, не может воскресить ни одного погибшего человека.

Принципиально важно, что при этих относительно меньших потерях советский народ перестал существовать. Если многотысячелетний еврейский народ после Холокоста обрёл свою государственность и укрепился, то народ советский, ещё находившийся в стадии формирования, свою государственность в результате Катастрофы утратил и перестал существовать сам.

Гибель советского народа надломил хребет и русскому народу, который был его основой как в качественном, культурном и управленческом, так и в чисто количественном плане. Русский народ во многом утратил самоидентификацию за три поколения выращивания и вынашивания советского народа, начав ассоциировать себя с развалившимся и предавшим его государством. В результате он до сих пор не может в полной мере восстановить свою идентичность, свою российскую цивилизацию, пребывая в состоянии продолжающейся Катастрофы.

Без осознания масштабов и глубины нашей трагедии, наших жертв и потерь невозможно никакое возрождение России, в том числе и по сугубо технологическим причинам.

Конечно, нельзя, да и не нужно пытаться примазаться к трагедии еврейского народа более чем 75-летней давности или тем более начать «меряться потерями». Но должно и нужно использовать Холокост в качестве по меньшей мере сопоставимого с советско-русской Катастрофой образца, понятного не только нам, но и всему миру.

Поэтому русский язык, оставляя за еврейской трагедией историческое и на практике непереводаемое впрямую (так же как не переводятся, например, термины «Ханука» или «Пурим») название «Холокост», должен отразить тяжесть нашей трагедии, начавшейся в 1991 году, термином «Катастрофа».

Как и еврейский Холокост, русскую Катастрофу не нужно переводить ни на иврит, ни на английский, ни на китайский — точно так же и по тем же самым причинам, по которым еврейский Холокост не переводится на русский, английский, китайский, да и на любые другие языки мира. Пусть транслитерируют. Пусть пишут «Katastropha» на латинице.

Два горя, две беды не будут соперничать друг с другом: это не тот случай, когда соперничество уместно. Зато мы будем не только знать, но и ощущать при каждом упоминании свою недавнюю и всё ещё дрящущую историю.

И надо помнить, что для исчерпания Холокоста было мало Победы — для него был необходим Нюрнбергский трибунал и создание государства, которое не стеснялось отлавливать нацистских преступников по всему миру и эффективно добивалось признания самостоятельным преступлением само сомнение в реальности Холокоста.

Хотя бог с ним, с Нюрнбергом, — можно собраться и в Рязани...

Ниже я написал о тех, кого хотел бы видеть там, живых или мертвых: не столько даже для возмездия (потому что большинство творцов и исполнителей Катастрофы так или иначе уже наказаны), сколько

для восстановления справедливости, для возвращения нормальных представлений о зле и добре, без которых невозможна даже нормальная жизнь, не говоря уже о развитии.

Эта книга — о сознательных и в меньшей степени невольных творцах Катастрофы. О тех, кто проводил, проводит и собирается проводить дальше либеральные реформы, смертельные для нашей страны и для каждого из нас.

Эти люди мало кому интересны в мире, да и глобальным монополиям, которым они истово служат, они нужны только в России: насколько можно судить, сначала как оружие для уничтожения государства, а затем — как сотрудники разнообразных оккупационных администраций. Многие либералы прекрасно признают это и не стесняются признавать, что считают Россию глубоко чуждой для себя страной, где живут через силу, постоянно мучаясь, — просто потому, что за её пределами, вне процесса её разрушения не смогут гарантированно заработать на привычный для себя комфорт.

Эти люди появились не на пустом месте, они являются наследниками исторически длительной и во многом объективно обусловленной традиции.

Из-за относительно холодного климата в средневековой России прибавочная стоимость была существенно ниже, чем в Западной Европе. Это обуславливало экономическую слабость, а попытка российской элиты подражать Западу в роскоши оборачивалась изъятием необходимого продукта вместо прибавочного и разрушением экономики. Соответственно, такая элита уничтожалась либо порождённым ею кризисом, либо высшей властью, опиравшейся непосредственно на народ. Это не позволяло создать устойчивые институты, что стало одной из фундаментальных особенностей российского общества, подрывающих его конкурентоспособность (и обуславливающих технологическое отставание), но главное — создало

культурную подозрительность в отношении любой ориентации элиты на Запад.

Между тем технологии, как правило, заимствовались именно там — и формирующийся с середины XIX века слой интеллигенции объективно находился в диалоге с Западом, даже когда отвергал его идеи и ценности, тем самым вызывая культурно обусловленные подозрения у остального общества, включая власть.

Интеллигенция как социальный слой является владельцем фактических знаний и монополистом производства культурного продукта. Её специфика в России вызвана от-

торжением от власти и враждебностью к ней, вызванной прежде всего социальным генезисом: власть была преимущественно дворянской и военной, интеллигенция же формировалась потомками мещан, и потому её представителей крайне неохотно принимали во власть, что порождало и усиливало их взаимную враждебность.

Важную роль играло и общее недоверие царской власти к знаниям и их носителям как таковым. Достаточно вспомнить, что ключевой причиной поражения в Крымской войне было категорическое нежелание Николая Первого учить офицеров даже сугубо военным знаниям, так

как он боялся, что вместе с грамотностью офицеры впитают западный дух вольнодумства и это приведёт к новому восстанию декабристов. Ту же традицию продолжил печально известный указ «о кухаркиных детях», вполне в традициях нынешних либералов ограничивающий получение образования детьми малоимущих, одобренный не кем-нибудь, а лучшим российским императором XIX века — Александром III.

Будучи по своей природе военной, власть отстранялась не только от носителей знаний, но и, по моральным соображениям (а также из нежелания делиться влиянием), от бизнеса, восстанавливая против

себя интеллигенцию и крепнущее по мере развития экономики предпринимательство.

Интеллигенция объединялась с бизнесом, нуждающимся в знаниях и ищущим себе оправдания и развлечения в культуре, а технологии, финансы и моды шли с Запада. Этот формирующийся конгломерат привыкал ориентироваться на Запад и служить ему — в противостоянии с государственной властью.

В феврале 1917 года он, опираясь на Запад, смел империю, однако его политические представители были не более чем обслугой Запада и не смогли удовлетворить ни одну из насущных потребностей общества. В результате эту функцию выполнили большевики, которые смели представителей Запада и ценой чудовищных жертв преодолели кровавый хаос, восстановив, хотя и не сразу, российскую государственность, ориентированную на свои собственные интересы.

Однако это восстановление во многом произошло по старым лекалам отторжения новым «орденом меченосцев» интеллигенции и хозяйственных деятелей, а также веяний Запада как таковых. В результате с исчезновением мобилизующей внешней угрозы уничтожения общественное развитие повернуло на старую колею, и историческая трагедия России воспроизвелась на рубеже 80–90-х годов чудовищным аналогом либерального Февраля 1917 года, который мы до сих пор не можем преодолеть.

Залог будущей победы и возрождения России заключается в общем для нашего народа понимании того, что либерализм несёт нам смерть и открыто жаждет нашей смерти, изощёрённо и разнообразно оправдывая и призывая её, в осознании и неприятии Катастрофы вместо стремления к ней, характерного для либеральных революций февраля 1917 года и августа 1991 года.

Либералы пришли к отрицанию России часто незаметно для самих себя — из-за любви к свободе, стрем-

ления к утверждению суверенитета и самоценности личности, отрицания её подчинения обществу, частью которого она если и не является, всё равно должна быть для собственного гармоничного развития.

Стремясь к свободе, они, прежде всего, опирались на наиболее свободную часть общества; в позднем Советском Союзе таковой была не инженерно-техническая интеллигенция (прикованная к необходимости постоянно зарабатывать себе на жизнь, хотя бы подчинением начальству), а легальный и нелегальный бизнес.

Опираясь на бизнес, либералы при помощи инженерно-технических работников сначала свалили советскую власть, а затем уничтожили этих работников как «средний класс», обрушив их в нищету. После этого оказалось, что для политического успеха надо опираться не просто на наиболее свободный класс предпринимателей, а на его наиболее сильную часть.

Сначала это был просто крупный бизнес, который очень быстро стал олигархическим, тесно сращенным с государством и извлекавшим через государственные механизмы большую часть своей прибыли.

Потом оказалось, что за спиной олигархов стоит не только государство, в конце концов подчинившее их, но и главный субъект современного всемирно-исторического развития — глобальные монополии, оформившиеся к началу третьего тысячелетия со своими политическими и культурными представителями в глобальный управляющий класс.

В результате от службы свободе либералы стремительно и часто незаметно для себя, в силу политической целесообразности, перешли на службу глобальным монополиям. Те, кто не осуществил этот переход, либо лишились влияния и были выброшены с политической арены, либо перестали быть либералами и, осознав, что интересы народа и цивилизации выше интересов от-

дельной личности, в той или иной форме перешли на службу народу.

Современные же либералы ещё на стадии служения олигархии (и тем более сейчас, на службе у неизмеримо более жёстких и жестоких глобальных монополий) растоптали все свои исходные ценности.

Вместо защиты собственности как таковой они стали защищать только собственность своих хозяев, отрицая право собственности для всех остальных (собственно, история российской «приватизации» была ужасна именно отрицанием прав собственности и её разрушением).

Вместо конкуренции они стали под её флагом защищать свободу монополий

Вместо защиты свободы слова они стали защищать свободу слова своих хозяев, разными способами затыкая рты всем остальным (не случайно цензура в явной форме, в виде «премодерации» без внятных обозначенных критериев, существует в Рунете лишь в блогосфере самого либерального медиа — «Эхо Москвы»).

Этот перечень можно продолжать бесконечно, по всем исходным либеральным ценностям.

Эволюция либералов, поставив их во всём современном мире (а не только в одной России) на службу глобальным монополиям, сделала их несовместимыми с самим нормальным существованием и развитием обществ, неумолимо разрушаемых этими монополиями.

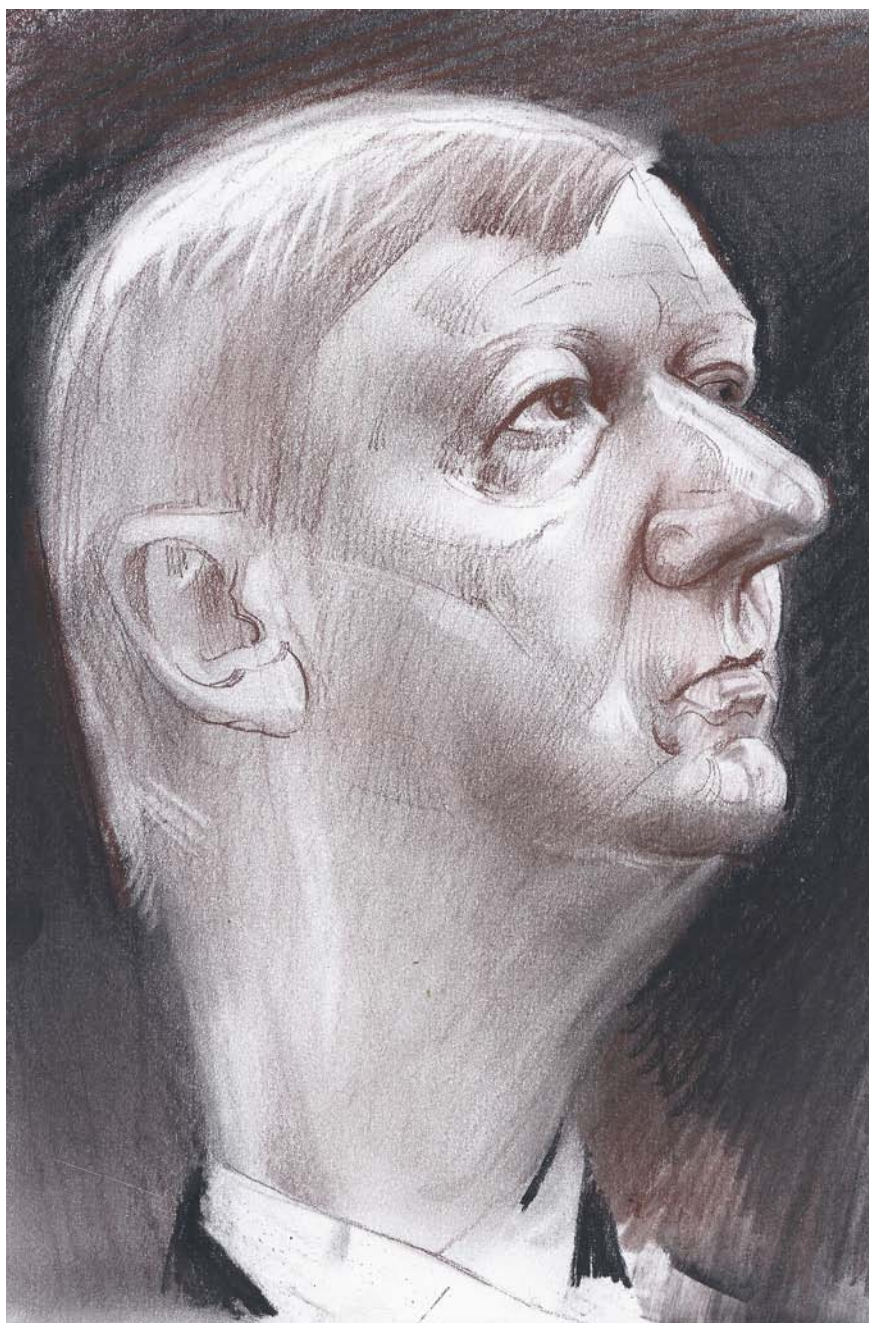
Рассмотрим же этих либералов поближе.

Многих из них я хорошо знаю, некоторых люблю и, к сожалению и ужасу, слишком хорошо понимаю и чувствую каждого из них.

Но понять, вопреки распространённой наивной поговорке, — отнюдь не значит простить.

В наши дни — скорее, наоборот.

Без них, насколько можно судить, наша страна не просто была бы краше, комфортнее, богаче и человечнее: без них миллионы людей жили бы и сегодня.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Всероссийский аллерген

*О том, кто не горит, не тонет
и тени не отбрасывает*

Главная черта Чубайса — целеустремленность. Он вступил в КПСС ещё при жизни Брежнева: по одним данным, в 1977-м, по другим — в 1980 году, то есть в возрасте двадцати двух или двадцати пяти лет, что для научного сотрудника являлось фантастическим успехом, почти невозможным вне номенклатуры.

Вместе с Гайдаром и рядом других либеральных реформаторов он входил в группу молодых учёных, отобранных при Андропове для реализации рыночных преобразований и проходивших для этого стажировку, а на деле — интенсивное обучение при Международном институте системного анализа в Вене. После смерти Андропова, как это бывает, смысл проекта забылся, и контроль за ним был перехвачен западными «учителями»; именно так Чубайс стал Чубайсом, а не Дэн Сяопином.

Чубайс рано осознал ключевую роль денег. По ряду воспоминаний, в середине 80-х он стал лидером ленинградского кружка либеральных экономистов не только в силу возраста (год рождения — 1955-й) или включённости в «программу Андропова», но и потому, что его друг П. Филиппов обеспечил финансирование выращиванием на продажу цветов.

Сам Чубайс отрицал значимость этого фактора и подчёркивал, что сам цветами не торговал. В этом проявилось понимание им второго веления времени: важности правильного имиджа. Недаром, насколько можно вспомнить, именно возглавленное им РАО «ЕЭС России» первым стало платить ключевым СМИ за согласование (и, при необходимости, — вычеркивание) упоминаний «чувствительных» лиц и фактов. Необходимость же фактической цензуры при помощи подбора кадров была провозглашена группой Чубайса ещё в 1990 году.

Наряду с Адамовым и Аксёненко он входил в тройку выдающихся российских государственных менеджеров, которые по своим качествам

настолько превосходили государство, что оно не могло поставить им задачу и им приходилось направлять свою деятельность самостоятельно.

Хотя Чубайс крайне плох как линейный менеджер, он умеет создавать крупные, активные и влиятельные социальные группы, обогатившиеся за счёт проводимых им преобразований и потому являющиеся его социально-политической и, вероятно, экономической базой. Этот образ действия выделяет его из деятелей продолжающейся вот уже более четверти века эпохи национального предательства.

Чубайс не только систематик, вываливающий главное для себя из информационного хаоса, но и отличный индивидуальный психолог: в 90-е ненавидевшие его губернаторы выходили из его кабинета со слезами благодарности, ничего от него не получив.

Обладает прекрасными связями на Западе, прежде всего, с демократической частью американского истеблишмента. С 1992 года простейшим способом втереться в доверие к представителям Запада, будь то политики, чиновники или представители корпораций, — была похвала в адрес Чубайса: она автоматически приносила «знак качества».

Его моральный уровень — выше среднего реформаторского. Представления об избыточной аморальности вызваны эффективными приёмами психологического давления, среди которых важное место занимает демонстративная агрессия. Недаром фраза «Больше наглости!», ставшая неформальным символом либеральных реформаторов, приписывается именно ему.

Чубайс стремится избежать применения насилия, что в 90-е выгодно отличало его от ряда других влиятельных фигур. Провокация в отношении Квачкова (а безумное многолетнее судилище против одного из наиболее уважаемых ветеранов спецназа почти не оставляет места для иных версий) вряд ли организо-

вывалась по его инициативе, хотя он, безусловно, поддерживал её.

Своих сотрудников старается не «сдавать».

Вопреки распространённым представлениям, Чубайс далеко небезошибочен. Он не раз терпел болезненные поражения (стоит вспомнить хотя бы провал концепции «либеральной империи», в рамках которой, насколько можно понять, Россия должна была заняться вытеснением Китая из Средней Азии в интересах Запада), но всякий раз настойчиво продолжал своё дело.

Страх резко повышает эффективность его работы. Испуганный Чубайс — изобретательный боевой робот без тормозов с колоссальным напором, сфокусированный на единственной цели и идущий к ней любой ценой, ассоциирующий её с сохранением собственной жизни.

Провозглашённая публично личная иррациональная ненависть к Достоевскому представляется результатом принципиального отрицания важности не только справедливости, но и всего некоммерческого как такового (включая русскую культуру).

Является и сегодня одним из лидеров либерального клана — вероятно, вторым по значению после Волошина. Похоже, довольно эффективно (в провалах виновен скорее политический порученец Чубайса Леонид «Абазур» Гозман) и при этом полностью оставаясь в тени, координирует удары как официальных, так и оппозиционных либералов по враждебному силовому клану, а в последние годы — и по Путину.

«ПРИВАТИЗАТОР ВСЕЯ РУСИ»

Первым крупным «делом» Чубайса стала ваучерная приватизация, символом которой он остаётся по сей день.

Обещание двух «Волг» за ваучер показало всем, что никаких моральных ограничений больше нет: это был чёткий сигнал, воспринятый всей системой управления. Последо-

вательно, эффективно и сознательно Чубайс выражал интересы доминирующей в каждый момент времени группы интересов: сначала отдавал заводы директорам, потом содействовал захвату производственных активов разнообразными «новыми русскими», потом помогал создавать олигархию залоговыми аукционами (идея вызрела в недрах бывшего международного отдела ЦК КПСС, системно участвовавшего в разнообразном бизнесе), успел поощрить закон о банкротстве, запустивший волну рейдерства еще до дефолта 1998 года.

Уже в июле 1992 года привлек к работе американских консультантов, часть которых баснословно обогатилась, а часть (включая их руководителя Джонатана Хэя, в 2004 году отданного под суд в США за разворовывание американских денег в ходе приватизации) обвинялась в работе на ЦРУ. Учитывая рекомендации, нацеленные на последовательное уничтожение лучших и наиболее значимых российских предприятий, последнее представляется почти очевидным.

Черномырдин и другие «политические тяжеловесы» держали Чубайса за мальчика, взятого на грязную работу, которого можно будет спокойно «сдать». Правовой нигилизм Чубайса был оружием класса партхозноменклатуры, завершающей перестройку приватизацией, и она не понимала, как быстро это оружие повернётся против неё самой.

Но тогда, на первом этапе своей карьеры в правительстве, Чубайс выживал за счёт поддержки Запада и российских спекулянтов; подлинный политический вес он обрёл уже после того, как стал осенью 1994 года первым вице-премьером вместо Александра Шохина (тогда реформаторы, насколько помню, хотели на 20% обвалить рубль для поддержания экономики на плаву, но, поскольку большинство из них «слило» информацию своим банкирам, девальвация составила 38%, что привело к отставке председателя Банка

России Виктора Геращенко, и. о. министра финансов Сергея Дубинина, лишился своих постов и целый ряд реформаторов, включая их тогдашнего лидера Шохина).

Характерно, что к человеку, который после этих событий три дня буквально вымаливал у Черномырдина назначение Чубайса, Анатолий Борисович и сегодня демонстрирует трогательное расположение.

Лобовое столкновение Чубайса и, в целом, клана либеральных реформаторов с Борисом Березовским и «семьей» в 1997–1998 годах, когда эти две силы нейтрализовали друг друга, позволило тогдашнему руководству «Газпрома» сохранить свои активы минимальными ресурсами: достаточно было просто подталкивать сцепившихся «хозяев России».

Ну а затем, помнится, Чубайс с Березовским, как лидеры двух властных кланов, сделали «хозяйном Кремля» консенсусную фигуру — Владимира Путина. Правда, в отличие от Березовского, Чубайс, как человек рациональный, быстро понял, что новый президент набрал собственный вес, и предпочёл не обострять отношения.

КАТАСТРОФА РОССИЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Чубайс возглавил РАО «ЕЭС России» в 1997 году, когда органы власти

окончательно перешли под контроль олигархата и надо было иметь личный финансовый ресурс, чтобы сохранять влияние и самостоятельность. В силу прямого контроля за населением и промышленностью РАО ЕЭС обеспечило «главному ваучеру» не только финансовое, но и социальное влияние: он прямо определял жизнь всего народа, а неплатежи позволяли ему делать это по своему произволу. Контроль же за оставшейся во власти «командой реформаторов» и тесная связь с «семьей» сохраняли его исключительное политическое влияние. Вероятно, Чубайс всерьёз собирался стать президентом после Ельцина (как в первой половине 2000-х он, похоже, грезил о 2008-м и 2012-м годах).

Наведя порядок в РАО и добившись массовыми и часто произвольными отключениями приоритетности платежей за электроэнергию и, вероятно, построив вокруг этого значительные теневые бизнесы (взамен прежних самостоятельных), Чубайс увидел, что огромная и дурно управляемая империя РАО открывает колоссальные возможности для обогащения.

Реформа была его детищем. Смысл стандартен и заимствован у Запада: выделить и приватизировать центры прибыли, дополнительно заработав на стремительном взлёте их капитализации. Центры же убытков, необходимые с технологической точки зрения (и ранее финансируемые в рамках единой системы за счёт центров прибыли), сбрасывались на финансирование государства или за счёт роста тарифов (в нашем случае — на оба источника) и деградировали.

Надёжность системы Чубайса не интересовала, как и технические проблемы (так что лишь в 2005 году его команда на личном опыте осознала невозможность свободного рынка электроэнергии и стала корректировать реформу). Он управлял не системой, а её «реформой» Поскольку все отраслевые специалисты

были против, они были изгнаны на высшем уровне, и либо изгнаны, либо куплены, либо запуганы — на среднем и нижнем.

Как обычно, Чубайс выявил социальные группы, выигрывающие от этих изменений, и решительно сделал их своей опорой, используя сознательную корысть этих групп как таран против разрозненного и неосмысленного стихийного сопротивления. Крупный бизнес он покупал допуском к генерирующим мощностям и возможностью самим продавать себе энергию (которая уже тогда была дорогой), а потребителей — обещанием дешевизны энергии вследствие «растущей конкуренции производителей».

Последнее было откровенной ложью: дешевизна энергии означала снижение прибыли и потому была невозможной в условиях рынка. Простейший способ снижения цены энергии — восстановление энергоёмкости к «запертым» избыточным мощностям Восточной Сибири, стоившее в ценах 2003 года не более 2 млрд долл. (даже при тогдашнем уровне воровства), — Чубайса не интересовал и жёстко блокировался при публичном признании важности этой темы (когда её уже нельзя было замалчивать). Кроме того, такое снижение было невозможно технологически, так как даже в Европейской части России число «узких мест» в сетях с ограниченной пропускной способностью исчислялось десятками (а с учётом «миграции» этих узких мест, в зависимости от изменения структуры потребления по времени года, а также в течение суток — и сотнями), то есть для функционирования рынка (возможности получить купленную энергию) надо было качественно расширять саму сеть.

Якобы конкурентный оптовый рынок электроэнергии был монопольным, просто монополизм естественной монополии заменялся коммерческим монополизмом её представителей и произволом разнообразных администраторов. Дока-

зательство — его дисбаланс (убытки из-за плохого управления) на две трети перекладывался на атомную генерацию, не связанную с РАО, при том что на неё приходилось не более трети поставок. «Рыночная» цена устанавливалась исходя из уровня максимальных издержек.

Проводя «реформу электроэнергетики», Чубайс, насколько можно судить, действовал через своих агентов, десятками внедрённых в госаппарат на разные уровни и знавших, что после выполнения задач по продвижению реформы и даже при увольнении из-за безумия предлагаемых мер им гарантированы теплые места в энергокомпаниях. Поэтому они лгали в лицо своим руководителям (так, помнится, начальник отдела аппарата правительства официально отрицал, что тепловые электростанции производят не только электричество, но и тепло), запутывали их и создавали благоприятный для реформы информационный фон. Через них (а также через либеральных «реформаторов», контролируемых им как главой либерального клана) Чубайс добивался подготовки нужных государственных решений, а затем,

когда эти решения обнажали свой идиотизм и вредность, говорил, что он всё понимает, но вынужден подчиниться государственному бреда, а к разработке реформы имеет лишь страдательное отношение.

Мощная лоббистская кампания сторицей окупилась (даже не только для топ-менеджмента РАО «ЕЭС России») из-за роста капитализации компании после принятия законов о её реформе.

Чубайс был мотором всей «реформы электроэнергетики», задумавшим и исполнившим эту операцию с катастрофическими для России последствиями. Но денег причастные к ней получили очень много, а ведь смысл либерального «реформаторства» заключается именно в максимизации прибыли для самих «реформаторов».

«РОСНАНО»: «ДЖЕНТЛЬМЕН В ПОИСКАХ ДЕСЯТКИ»?

Проект «Роснано» производит впечатление изначально, «в чистом виде», ориентированного на масштабный «распил» государственных средств. Ряд учёных, включая основоположников нанотехнологий в СССР, с иронией отмечали равнодушие этой структуры к перспективным разработкам. В то же время на многих конференциях приходится встречать юных менеджеров из связанных с «Роснано» структур, на прекрасном английском излагающих банальности из учебников по маркетингу.

Похоже, реальной задачей деятельности «Роснано» является не финансирование новых технологий, которые получают рыночный успех, а нечто иное — более традиционное для либеральных «реформаторов».

Убыток государственной «Роснано» в 2011 году составил почти 3 млрд руб., в 2012 г. — 22 млрд руб., а в 2013 г. — почти 40 млрд руб. Всё, что можно сказать критикующим за это Чубайса (включая пришедших в ужас аудиторов Счётной палаты):

«Не завидуйте!» Путин зафиксировал его фактическую неприкосновенность.

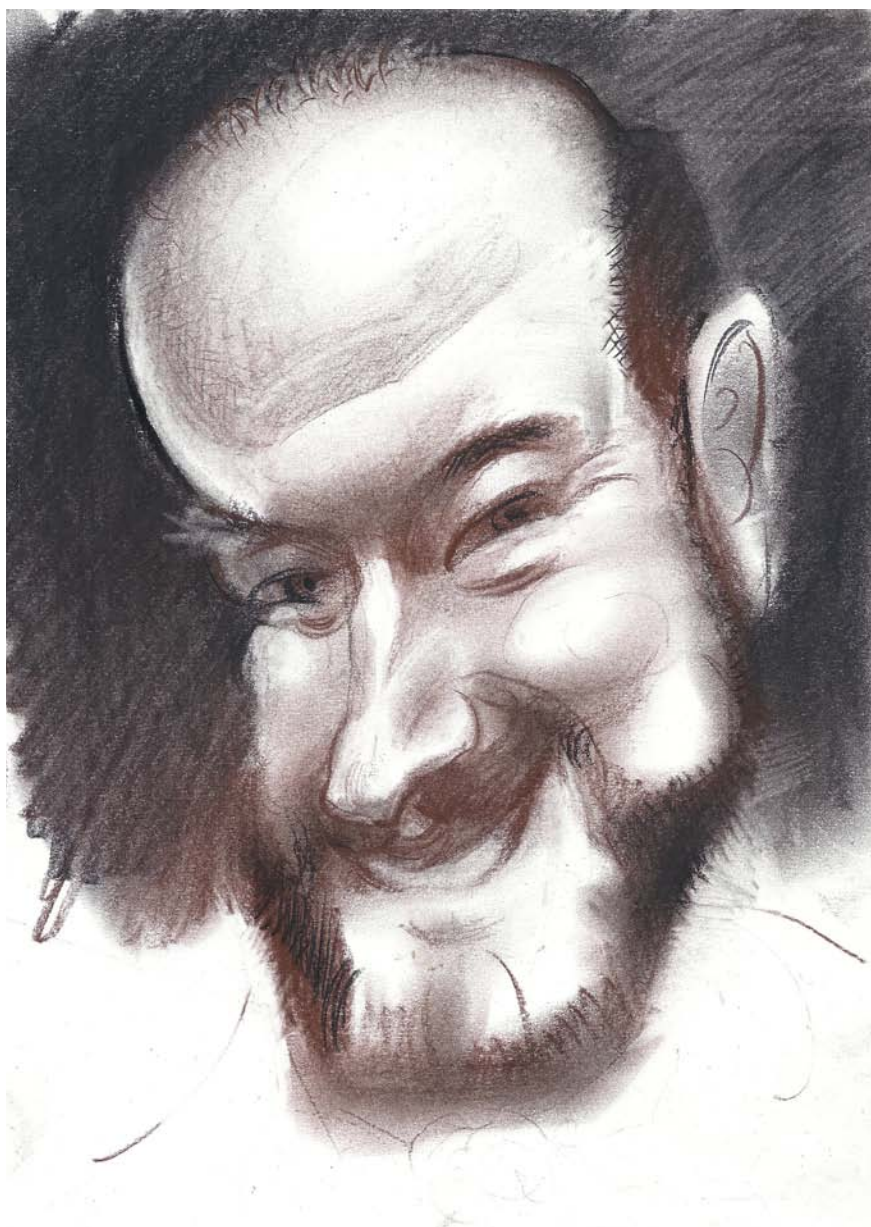
В декабре 2013 года Чубайс возглавил одноименную с «Роснано» управляющую компанию: в отличие от госкомпании та может передавать часть своего капитала «стратегическим инвесторам». Таким образом управление госкомпанией «Роснано» даже формально может во многом подчиниться частным (и не обязательно российским) интересам.

Журналисты подметили, что единственный простой способ психологически «развалить» Чубайса — это удивиться, почему он, с его способностями, еще не стал президентом России. Похоже, это его сокровенная мечта.

Что ж — этим он ничем не отличается от множества россиян, которые, глядя на руководителей страны, задаются естественным вопросом «А чем я хуже?». Как известно, российские мужчины страдают тремя основными болезнями: алкоголизмом, простатитом и мечтой стать президентом, — причем отличаются они прежде всего тем, что первые две поддаются лечению.

Что же касается Чубайса, при проведении в России социологического опроса о том, кого граждане нашей страны считают наиболее ужасным выродком рода человеческого, он, на мой взгляд, вполне может занять почетное второе место после Гитлера. Правда, его карьера, в отличие от прошлого объединителя Европы, еще далеко не окончена и может принести нам немало страшных неожиданностей.

Но всё, что можно пожелать герою этого очерка сегодня, — это крепкого здоровья, которое позволило бы ему прожить достаточно долго для того, чтобы не только увидеть правовую оценку своих «подвигов», но и хотя бы начать нести за них заслуженное наказание.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Стратег либеральной России

*Г-н Волошин в роли кукловода
за ширмой*

ОТ ХУЛИГАНА ДО АДМИНИСТРАТОРА

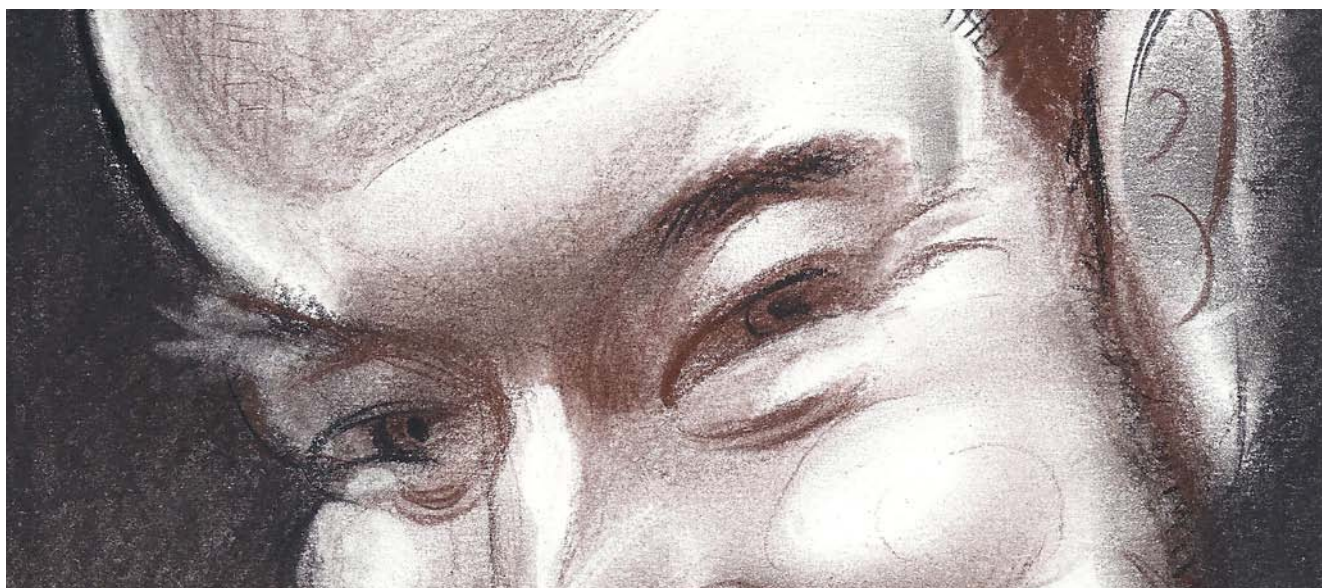
Александр Стальевич Волошин, бывший символом агонизирующей России на мучительном рубеже 1990-х и 2000-х, родился в 1956 году в Москве в интеллигентной семье. Его отец рано умер, и Сашу воспитала мама, преподававшая английский язык в Дипломатической академии. В конце 90-х она считалась одним из лучших педагогов во всей Москве.

В детстве Волошин талантами не блистал, в олимпиадах не участвовал, зато слыл, по ряду воспоминаний, хулиганом. Среди его подвигов (уже в комсомольском возрасте) — езда на спор босым в московском метро до станции «Площадь Ногина» (рядом с ней располагались ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ), что тогда было связано с риском.

Дождавшись 18 лет, женился на своей сверстнице; денег катастрофически не хватало, но Волошин предпочитал жить самостоятельно и снимал комнату в коммуналке; через два года родился сын. Окончив МИИТ, по распределению пошёл инженером на железную дорогу. Вопреки легендам, поездов «Стальевич» не водил, а заведовал лабораторией организации труда; затем возглавил комсомольскую ячейку депо Москва-Сортировочная.

Взявшись за ум, самостоятельный молодой человек понял ограниченность перспектив на железной дороге и пошел учиться во Всесоюзную академию внешней торговли, открывавшую качественно новые перспективы. Решение было принято удивительно вовремя: Волошин окончил вторую alma mater в 1986 году, на заре рыночных реформ — и устроился в конъюнктурный Всесоюзный НИИ Министерства внешнеэкономических связей, где поднялся до заместителя заведующего отделом.

По ряду сообщений, уже там Волошин начал подрабатывать, представляя коммерсантам полезную при организации внешней торговли

автомобилями информацию, и в начале 90-х познакомился с Борисом Березовским, возглавлявшим в то время созданный им альянс AVVA, через который собирал деньги под создание «народного автомобиля»; похоже, это была первая в России «финансовая пирамида». Волошин быстро стал деловым партнёром (разумеется, младшим) Березовского и даже выступал в качестве его личного биржевого агента.

В 1993 году Волошин вместе со своим старшим партнёром возглавил четыре инвестиционные фирмы, бывшие «дочками» ЛогоВАЗа Березовского: три инвестиционных фонда собирали приватизационные чеки у населения, а четвёртая работала на финансовом рынке.

Энергичный Волошин быстро рос; часть создаваемых или возглавляемых им фирм обслуживала интересы структур Березовского. В 1993–1996 годах он возглавлял АО «ЭСТА Корп», которую называли посредником между до сих пор памятным многим своим банкротством банком «Чара» и AVVA Березовского, в акции которой банк вложил в 1994 году основную часть денег, собранных у населения.

В 1995 году Волошин стал вице-президентом, а в 1996–1997-х годах был президентом АО «Федеральная фондовая корпорация» (ФФК),

генерального агента Российского фонда федерального имущества по проведению специализированных денежных аукционов, в том числе — скандальных залоговых. 2% ФФК принадлежали AVVA Березовского. СМИ сообщали, что ФФК лоббировала интересы Березовского и Абрамовича в ходе приватизации «Сибнефти». Видимо, «Сибнефтью» дело не ограничивалось.

Тщательный, работоспособный и изобретательный Волошин ценился Березовским, и в ноябре 1997 года, когда Березовский лишился должности заместителя секретаря Совета безопасности РФ, Волошин был выдвинут им в помощники главы администрации президента.

В то время разгула «семибанкирщины», произвола олигархов, смачно и самозабвенно грабивших страну после сохранения у власти Ельцина, реальная власть принадлежала «семье», а точнее — альянсу «Тани-Вали», как их тогда называли: дочери президента Татьяны Дьяченко и главы администрации Валентина Юмашева, журналиста, когда-то организовавшего написание и издание ельцинской «Исповеди на заданную тему».

Олигархические кланы, ключевые из которых возглавляли Березовский и Чубайс, боролись за власть и «доступ к телу», влияя на президента

прежде всего через «Таню-Валю». В этой хаотической и жестокой борьбе Волошин вёл себя крайне умно: реализуя интересы Березовского, он быстро наладил контакты со всеми значимыми фигурами. Разумеется, он не ограничивался госслужбой — например, участвовал в написании экономической программы продвигавшегося Березовским генерала Александра Лебеда, ставшего губернатором Красноярского края в мае 1998 года.

ОБРЕТЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

После дефолта, когда попытки Березовского усадить в кресло премьер-министра подчинившегося ему Черномырдина провалились, а главой правительства РФ стал Евгений Примаков, Волошин сменил Александра Лившица в качестве заместителя руководителя администрации президента по экономическим вопросам. Ситуация становилась для Березовского критической: он терял власть и нуждался в продвижении наверх «своих» людей, то есть тех, кто не имел собственного аппаратного и политического веса, но безоговорочно исполнял бы его волю.

Пресса смеялась над Волошиным: тот не пытался выглядеть мыслителем, не боролся за попу-

лярность и на фоне величавого Лившица выглядел бледно. Но он был по-настоящему деятелен и сразу начал засыпать Ельцина аналитическими записками, жёстко критикуя правительство Примакова — Маслюкова.

Борьба Волошина с Примаковым дошла до того, что, будучи автором экономической части ежегодного Послания президента Федеральному собранию, Волошин до последнего момента не давал премьеру ознакомиться с его содержанием (которое, разумеется, игнорировало позицию правительства и Банка России, воспроизводя убийственные для страны либеральные мантры).

Агрессивная позиция Волошина (который критиковал правительство при любом случае, включая встречи с делегацией МВФ и подрывая этим попытки правительства получить жизненно необходимое после дефолта финансирование) вынуждала Е. М. Примакова искать поддержку у парламента, что немедленно трактовалось Березовским, «семьей» и олигархией в целом как признак политической игры и попытка «подкопаться» под президента.

Ельцину, впитавшему искусство «сдержек и противовесов» едва ли не с первым стаканом водки, нравилось напряжение между своей администрацией и правительством: в раздорах подчинённых он видел залог сохранения своей власти над ними.

Нормально работать в условиях ведущейся Волошиным фактической войны администрации против правительства, да ещё в условиях смертельно опасного кризиса, было нельзя, — и в декабре 1998 года глава администрации Юмашев был заменён бывшим руководителем Совета безопасности Николаем Бордюжей, идейно близким к Примакову. О влиянии «семьи» свидетельствует то, что сам Юмашев при этом остался в администрации советником.

Замена Юмашева была частью наступления кремлёвских «государственников» на олигархов и обслуживающих их либералов; так, в ян-

варе генпрокурор Юрий Скуратов начал расследование деятельности либералов по организации дефолта, махинаций Березовского с деньгами «Аэрофлота» и «Сибнефти», а также слежки его личной службы безопасности за президентским окружением. В том же январе Примаков призвал обе палаты парламента (где уже зрела идея импичмента Ельцина) и администрацию президента добиться «гражданского согласия» в обществе перед лицом кризиса.

Положение Ельцина пошатнулось: парламента восставал против него, правительство опиралось на поддержку народа и всё более благожелательно воспринималось на Западе, дела ещё не самой президентской «семьи», но уже ближнего к ней круга становились предметом уголовного расследования.

Со всем своим звериным инстинктом власти Ельцин взялся за преодоление кризиса, дистанцировавшись от Березовского, который по его настоянию был снят с должности исполнительного секретаря СНГ (правда, главы государств утвердили отставку Бориса Абрамовича лишь 2 апреля).

Уже 19 марта генерал Бордюжа, как «не справившийся» с внутриполитическим хаосом, был демонстративно заменён на Волошина. С двоевластием в администрации президента было покончено: она вернулась под контроль «семьи». Волошин был главным орудием Березовского, а затем и всей олигархии в их борьбе за власть против Примакова, правительство которого заложило фундамент для экономического роста 2000-х годов. В ходе этой борьбы он обрёл самостоятельность и, видя, как апломб и самомнение Березовского отталкивают от него «семью» и ведут к утрате им влияния, сумел постепенно перейти от него к Абрамовичу, вовремя заручившись поддержкой восходящей звезды российского олигархата. Хотя, с другой стороны, без его поддержки «путь наверх» Абрамовича, вероятно, был бы значительно более тернист.

РОЖДЕНИЕ БОЙЦА

Через месяц после назначения главой администрации президента Волошин был, как на амбразуру дота, брошен в Совет Федерации — добиваться согласия на отставку Скуратова. Это была заведомо провальная, а к тому же ещё и совершенно неподготовленная миссия, завершившаяся кошмаром: после робкой и неубедительной речи от имени президента сенаторы (губернаторы и главы законодательных собраний регионов) не отпустили Волошина с трибуны, а начали задавать ему вопросы, ответы на которые выглядели откровенно жалкими. В итоге Волошин бежал из Совета Федерации, не дождавшись даже голосования, но в результате столь ужасающего даже при воспоминании о нём фиаско родился стойкий и смелый политический боец.

После провала в Совфеде Волошин, по воспоминаниям ряда очевидцев, почувствовал личную угрозу и собрал в кулак все свои силы для решения главных задач: увольнения Скуратова, обуздания губернаторской вольницы, сокрушения Примакова и недопущения импичмента Ельцина.

На следующий же день после его провала в Совете Федерации губернаторы создали политический блок «Вся Россия» — и тут же заявили о намерении объединить его с лужковским «Отечеством» и «Всей Россией» самарского губернатора Титова. Этот блок носил явный антипрезидентский характер и объединял хозяев ключевых регионов — а выборы были уже на носу: в декабре 1999 года.

Для Ельцина складывалась катастрофическая — то есть психологически наиболее комфортная для него — ситуация. И он начал действовать, а Волошин оказался для него таким же идеальным помощником, как недавно для Березовского.

Прежде всего, также на следующий день после волошинского

провала в Совете Федерации, Ельцин своим указом уволил Скуратова по вздорному предлогу (в связи с возбуждением против него уголовного дела). Деморализованный после показа порнографического ролика по телевидению, Скуратов не стал обжаловать ельцинский указ через суд.

Следующим шагом стал выигрыш времени в деле об импичменте: Ельцин неформально предупредил Госдуму, что, если та не откажется от идеи импичмента, он отправит в отставку левых вице-премьеров, а затем и самого Примакова. А для подтверждения серьёзности намерений заменил первого вице-премьера Вадима Густова главой МВД Сергеем Степашиным.

Руководство Госдумы в растерянности перенесло срок голосования по импичменту на 15 мая, дав Волошину время для «обработки» депутатов.

И сразу после майских праздников (перед которыми правительственная делегация во главе с первым вице-премьером Юрием Маслюковым добилась в Вашингтоне поддержки МВФ и Мирового банка) правительство Примакова было отправлено в отставку, что столкнуло Госдуму в интриги, связанные с формированием нового правительства. Вопрос об импичменте был вынесен на голосование, но нужной поддержки не получил.

Ситуация была переломлена всего за три недели, включая майские каникулы. Волошин доказал свою эффективность и реабилитировал себя за провал в Совете Федерации.

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

После смещения Примакова интересы олигархов, единых в ненависти к нему, разошлись — и Волошин оказался в позиции арбитра. Именно он под давлением Чубайса отклонил предпринятую без согласования с остальными попытку Березовского и Абрамовича сделать преемником Ельцина Николая Аксененко

и добился от Ельцина выдвижения Сергея Степашина. При этом Березовский, чьи позиции в «семье» уже сильно ослабли, не стал протестовать из боязни окончательно утратить влияние.

Владимир Гусинский, чьи креатуры не попали в правительство Степашина вообще, объявил информационную войну Ельцину и его окружению. Ответные удары нанесли контролируемым Березовским ОРТ, но финансовое удушение Гусинского провёл, причем с соблюдением приличий, заслушиванием сторон и проведением корректных переговоров, именно Волошин (закончилось оно лишь через год, уже при Путине, памятным и поныне «спором хозяйствующих субъектов»).

В начале августа, вопреки усилиям администрации президента, было объявлено о создании блока «Отечество — Вся Россия» (ОВР) во главе с Евгением Примаковым и Юрием Лужковым, поддерживаемым Гусинским. Объединение губернаторов против президента требовало экстремальных мер, в том числе и для отвлечения внимания от роли в этом процессе Волошина: без его непримиримости к Гусинскому, без его войны против Примакова, без его борьбы с губернаторами в «деле Скуратова» такой блок был бы невозможен.

Вторжение банды Шамиля Басаева в Дагестан снесло правительство Степашина, а назначение и.о. премьера мало кому известного тогда Владимира Путина было заслонено чудовищными взрывами домов. К тому моменту Волошин вызывал раздражение и Березовского (пытавшегося сделать премьером генерала Лебеда), и Чубайса (из-за немотивированной отставки Степашина), но он уже приобрёл собственный вес, а главное — безоговорочно принял предложенную, насколько можно судить, ими фигуру В. В. Путина.

Возникла новая реальность — и Волошин занялся, среди прочего, созданием блока «Единство», при-

званного уравновесить ОВР. Идея принадлежала Березовскому, первоначально назвавшему блок «Мужики!», но от автора идеи при её реализации отстранились как от неприемлемо одиозной личности.

Как только окружению Ельцина стало ясно, что тот сделал окончательный выбор в пользу Путина, Волошин стал энергично и последовательно помогать новому фавориту. Во время избирательной кампании 2000 года Волошин был его фактическим советником и, более того, контролировал все бумаги, связанные как с выборами, так и с обычной работой и.о. президента.

Пришедшие вместе с Путиным «питерские», как правило, не были искушены даже в рутинных управленческих процессах, не говоря уже о головоломных кремлевских интригах, — и Волошин, верно служа новому президенту, стал совершенно незаменимым элементом машины управления, специализировавшимся прежде всего на исправлении чужих ошибок.

Без него было бы невозможным ни создание «вертикали власти», ни схемы «управляемой демократии» (потом ради благозвучия переименованной в «суверенную»).

Несмотря на управленческую чужеродность (Волошин принадлежал к «семье», от которой Путин по мере обретения самостоятельности отстранялся), он всегда входил в круг людей, особо приближённых ко второму президенту России, не стеснявшихся спорить с ним и при этом высоко им ценимых.

Упрямый, жёсткий, работоспособный, не то что забывающий, но попросту и не думающий об обычных человеческих удовольствиях, Волошин был эффективным проводником решений, принимаемых сначала Березовским, потом «Таней-Валей», а затем Путиным. Его называли «закулисным кукловодом», «безжалостным манипулятором с уникальным талантом интригана», который «своим умением выстраивать сложные интриги превзошёл

самого Березовского», но это были обиды проигравших.

К 2003 году В. В. Путин уже решил основные задачи по укреплению власти и окреп в административном плане. Ценность Волошина снизилась, а с другой стороны, пришло время подниматься на новый уровень.

ТЕНЕВОЙ ГЛАВА ЛИБЕРАЛЬНОГО КЛАНА

Сегодняшним миром правят не государства, а глобальный бизнес. Либералы-чиновники — лишь часть либерального клана, реализующего его интересы в нашей стране. Волошин не просто стал наиболее влиятельным либералом России; насколько можно судить, он является связующим звеном наших либералов с неформальными финансово-политическими структурами, действующими на глобальном уровне.

Это не Чубайс, любивший ходить на переговоры от имени России в одиночку и решать вопросы кулуарно, но при этом не скрывающий своих контактов, известных даже журналистам чуть не поименно.

Волошин, похоже, участвовал в решении вопросов, сама формулировка которых остаётся табу до сих пор, — и остаётся неформальным

лидером либерального клана, определяющим его смысл и стратегию. Разумеется, он обладает и формальным влиянием — как член советов директоров различных крупных компаний и (с лета 2010 года) руководитель рабочей группы по созданию международного финансового центра. Но главное, насколько можно судить, связь с глобальными хозяевами российских либералов, созданная не столько оперативными обстоятельствами, сколько чётким стратегическим видением, уникальным в современной России.

Приведу лишь один вероятный пример реализации этого видения.

Катастрофа ЮКОСа началась в феврале 2003 года с обвинения в коррупции, которое Михаил Ходорковский публично бросил путинскому окружению в присутствии самого президента. Знающие Ходорковского не могут себе представить, чтобы он, при всём его апломбе и самоуверенности, сделал это без предварительного согласования в президентской администрации — намёк на что содержится и в одном из его интервью.

В то время богатейший олигарх России мог согласовывать свои действия с единственным человеком в администрации президента: с её

главой. Логика которого, если это согласование действительно имело место, ослепительна.

Если в столкновении олигарха с президентом побеждает олигарх — Россия получает слабого президента, как во время второго срока Ельцина, что комфортно для олигархов и обслуживающих их «либеральных реформаторов».

Если же побеждает президент, поражение олигарха выглядит как гонение на бизнес, президент портит репутацию на Западе и нуждается для поддержания отношений с ним в либеральном клане, который становится незаменимым и гарантирует своё будущее.

Да, после ареста Ходорковского Волошин, не желая портить либеральную репутацию, ушёл в отставку, но хлопотную и мучительную административную работу «по 25 часов в сутки» он сменил, насколько можно судить, на стратегическое и интеллектуальное лидерство.

Главная особенность Волошина — ясное, незамутнённое стратегическое мышление. В любой ситуации он скрупулёзным анализом выявляет ключевое звено и концентрирует на нём все силы, проявляя феерическое упорство и неизменно изобретательность.

Единственный подлинный стратег в современной России, он отличается предельно простым и демократичным стилем общения. Не прощая глупости и разглашения информации, конфиденциальность которой, на его взгляд, собеседник должен понимать, он с охотой делится ею с известными и понятными ему людьми.

Если Россия рухнет во власть либерального клана, Волошин вновь будет оказывать определяющее воздействие на нашу судьбу — точнее, на судьбу того быстро сужающегося круга людей, которому удаётся выжить в условиях нового уничтожения нашей страны.

Михаил Ефимович Швыдкой — милейший обаятельный человек, располагающий к себе практически любого собеседника. Приятный во всех отношениях эрудит, всегда готовый поделиться своим опытом и сокровенными чувствами, он завораживает студентов недостижимым для них цинизмом, интеллектуалов — знаниями, а солдафонов — виртуозным матом. Каждый собеседник (если, конечно, Швыдкому это надо) чувствует себя в его присутствии желанным и важным для него человеком и навсегда запоминает вызываемые этим гордость, интерес и умиротворение.

Важнейшая сфера жизни общества — культура — несёт на себе его неизгладимую печать: далеко не все сознают, что его влияние на жизнь нашего общества превышает влияние большинства премьеров и сопоставимо с влиянием президентов.

КУЛЬТУРНЫЙ РОСТ

Наш герой родился в 1948 году в Киргизии в райцентре Кант, где на базе эвакуированной в 1941 году Одесской авиашколы было создано Фрунзенское военное авиационное училище (сейчас на его инфраструктуре развёрнута знаменитая российская авиабаза).

Отец, Ефим Абрамович, с 12 лет работал на шахте в Донбассе, в 30-е годы был председателем колхоза, затем — партийным работником районного уровня, воевал еще на Финской, в Сталинграде был тяжело ранен и долго лечился, но остался в армии и служил в Канте. Мать, Марина Юлиановна, одесситка, окончила мединститут в Уфе и по распределению поехала в Кант работать хирургом в больнице.

Уже в 10-летнем возрасте Швыдкой жил в коммуналке в Москве и до сих пор помнит тогдашнюю цену детских ботинок.

При этом маленький Миша славился прекрасными сочинениями, занимался в театрально-поэтическом клубе, записался в киностудию

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Хозяин российской культуры

*О г-не Швыдком и его «заслугах
перед Германией»*

*Когда помотришь ты в глаза Швыдкому,
Возникнет вдруг — неясно, почему? —
Желание участвовать в погромах
И покупать плохую хохлому.*

Олег Бородин

при Дворце пионеров, отлично играл на пианино, был душой почти любой компании, в 9-м классе организовал джаз-банд — и в итоге шокировал учителей, поступив в ГИТИС.

По его воспоминаниям, решение было случайным: мол, просто экзамены в ГИТИСе проходили раньше. Но в то время выбор между «физикой» и «лирикой» носил принципиальный характер: физика и математика служили государству, а творчество давало свободу. Возможно, сыграло роль и неизбежное сравнение фигур отца-военного и отца-музыканта.

Вот только простодушные энтузиасты, жаждущие стать звёздами или просто приобщиться к искусству, шли в режиссёры или актёры, а Швыдкой поступил на сравнительно непопулярный театроведческий факультет. Возможно, так было проще, но нельзя исключить, что он уже тогда понимал: у критика больше власти, чем у творца, ибо именно он даёт оценку творцу. И потому, если нужна власть, а не «зияющие высоты» творчества, — нужно быть не режиссёром или актером, а именно критиком.

Швыдкой женился на дочери известного и успешного кинодраматурга; возможно, это помогло ему в 1973 году устроиться во всесоюзный журнал «Театр», где он сделал карьеру, поднявшись к 1990 году с должности корреспондента до секретаря парторганизации журнала (члена райкома КПСС!) и заместителя главного редактора.

Оправдывая свою фамилию (по-украински она значит «быстрый»), Швыдкой хватался почти за любую возможность подработать: писал рецензии, преподавал в вузах, ездил с лекциями по стране, причём благодаря своему потрясающему обаянию завоёвывал почти любую аудиторию. Писал книги и добивался их выхода (что было тогда отнюдь не просто и приносило хорошие деньги), ездил в загранкомандировки и даже читал лекции в США (в частности, курс по русской культуре в знаменитом MIT — Массачу-

сетском технологическом институте). В 1975 году стал театральным обозревателем Всесоюзного радио и телевидения, а в 1977 году защитил кандидатскую и заработал авторитет признанного критика.

КЛЮЧ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: РЕСТИТУЦИЯ

С началом перестройки Швыдкой зорко изучал открывавшиеся перед ним шансы, но, будучи предельно осторожным, начал действовать лишь в 1990 году.

Бизнес как таковой, деньги ради денег Швыдкому были чужды: уже тогда светский лев, он (вероятно, в силу трудного детства) остро нуждался в публичном успехе, во всеобщем внимании и любви. А для гарантированного получения и сохранения всего этого надо было прорваться в истеблишмент, стать частью власти.

Ключом было сотрудничество с Западом и набиравшими силу демократами — и в 1990 году Швыдкой добился публикации в журнале «Театр» революционной для того времени английской пьесы «Московское золото», посвящённой травле ретроградами из Политбюро во главе с Горбачёвым народного лидера Ельцина (тогда как раз вырвавшегося, наконец, из опалы). Даже переводить пьесу было ещё страшно, но Швыдкой, учуяв будущее, организовал гастроли английской театральной труппы в Москве и даже привёз в столицу СССР авторов пьесы.

Так он стал любимцем Ельцина.

Крах Советского Союза превратил нашу страну в добычу для хищников всех сортов, и культура не была исключением: Германия, при поддержке других стран Запада, потребовала «реституции» — возврата художественных ценностей, вывезенных в нашу страну в ходе войны в порядке частичной компенсации за наше культурное наследие, уничтоженное гитлеровцами.

Возврат ценностей, на котором настаивал Швыдкой, по сути дела

означал отрицание законности итогов Великой Отечественной войны и признание советских солдат и офицеров, спасавших культурные ценности от гибели, обычными мародёрами.

Швыдкой воспользовался ситуацией и занялся рассекречиванием фондов спецхранов, в которых с войны осталось значительное число «перемещённых ценностей». Стал режиссёром телефильма о трофейной Бременской коллекции, показанной по Первому каналу в декабре 1992 года; спонсором фильма, обошедшегося, по оценкам, в 17 тыс. долл., стал Инкомбанк Владимира Виноградова. Тот же банк проспонсировал и другой политический проект Швыдкого — каталог «Западноевропейский рисунок XVI–XX веков», преподнесённый тогдашним министром культуры РФ Евгением Сидоровым Борису Ельцину и Виктору Черномырдину в марте 1993 года.

Подарок был ко времени: «Культура» как раз обанкротилась, но Сидоров, познакомившийся со Швыдким в комиссии по реституции, взял его к себе в заместители. Деятельность Швыдкого была кипучей: он занимался даже проблемами инвалидов, не забывая, разумеется, и про себя. В 1994 году Михаил Ефимович защитил диссертацию и стал доктором искусствоведения.

Когда в 1997 году вывоз культурных ценностей из страны был запрещён законом, сторонник реституции министр Сидоров отправился в почётную ссылку представителем России при ЮНЕСКО, а Швыдкой, пользуясь давней симпатией Ельцина, добился создания телеканала «Культура» и возглавил его, став зампредом ВГТРК.

На фоне бесконечных экспериментов созданного Березовским ОРТ и его войн с НТВ Гусинского «Культура» выделялась интеллигентностью при высоком профессионализме, и в мае 1998 года, в премьерство Сергея Кириенко, нынешнего главы «Росатома», Швыдкой возглавил ВГТРК. При этом он так искренне

изображал ни во что не вникающего «свадебного генерала», занятого лишь представительством и личным шоу-бизнесом, что недовольство премьера Примакова политикой государственного медиахолдинга обрушилось на головы его заместителя Михаила Лесина и обозревателя Николая Сванидзе.

Между тем энергия Швыдкого приносила весомые плоды: как сообщалось, перед дефолтом 1998 года он попал в список тысячи наиболее богатых и известных людей России, который в воспитательных целях составлял тогдашний глава Госналогслужбы Борис Фёдоров.

СЛАДКИЕ ДИВИДЕНДЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОРНОГРАФИИ

«Моментом истины» стал для Швыдкого конфликт «семьи» Ельцина, либералов и олигархов с патриотами: чтобы одержать победу и психологически сломать генерального прокурора РФ Юрия Скуратова, тогдашнюю ключевую фигуру, надо было показать компрометирующую его видеозапись народу.

Даже ОРТ Березовского не осмелилось, несмотря на отчаянную политическую нужду (Березовский был одной из мишеней не скрывавшего это Скуратова), показать голого «человека, похожего на генерального прокурора» в компании двух проституток. Эту миссию взял на себя Швыдкой — и вспоминает об этом с гордостью: мол, именно в этом заключается профессионализм, так как общество должно знать правду о своих руководителях. Правда, ни до, ни после подобных устремлений за ним замечено не было — возможно, из-за рудиментарного чувства приличия.

Вероятно, причина была в ином. Как сказал позже сам Швыдкой: «Если бы этого сюжета не было, мы жили бы в другой стране», — управляемой, по всей видимости, патриотами, а не обслуживающими интересами Запада либералами и олигархами.

Так или иначе, выпустив в эфир без какой бы то ни было проверки 50-минутную порнографическую видеозапись, Швыдкой решил исход политического противостояния и определил историю России. Победители были благодарны ему безгранично — и в правительстве Михаила Касьянова он стал министром культуры.

Осенью 2000 года Минкультуры уволил руководство Большого театра, директором которого был назначен бывший коллега Швыдкого по телеканалу «Культура» Анатолий-Тахир Иксанов.

В качестве российского министра культуры Швыдкой проявил себя как убеждённый, активный и последовательный сторонник реституции; в частности, он приложил огромные усилия для передачи Германии исключительно ценной (оценочная стоимость составляла 1,5 млрд долл.) Бременской коллекции рисунков и почти добился этого; чудовищное преступление было сорвано буквально в последний момент.

При этом возврат культурных ценностей, утраченных в ходе войны нашей страной, Швыдкого, насколько можно судить, не интересовал. Уже после него был подготовлен их заведомо неполный каталог, в который вошло 25 тысяч единиц; возвращена лишь 51 из них.

Важным достижением Швыдкого стало возвращение в Германию уникальных витражей Мариенкирхе XIV века. Ценность их такова, что немцы приняли закон, гарантирующий любому обеспечившему их возвращение лицу не только огромную денежную премию, но и право проживания в Германии. Интересно, воспользовался ли этой возможностью Швыдкой? Орден «За заслуги перед Германией» он получил лишь в 2010 году.

Оформленный в качестве «жеста доброй воли» возврат витражей стал возможен, так как запрет на реституцию не распространялся на собственность религиозных общин. Их реставрация обошлась Эр-

митажу в 400 тыс. долл., но немцы оплатили лишь 300 тыс.

Разумеется, работа не отвлекла Михаила Ефимовича от шоу-бизнеса. Беспрецедентный случай: в 2001 году действующий министр стал вести авторское ток-шоу «Культурная революция», был участником и соведущим массы разнообразных программ. Насколько можно судить, это принесло ему хороший официальный доход.

После отставки Касьянова Швыдкой возглавил федеральное Агентство по культуре. Дело в том, что в результате административной реформы министерствам оставили лишь разработку политики, а деньги передали агентствам. Огромный авторитет и связи Швыдкого привели к тому, что возглавляемое им агентство стало едва ли не более влиятельным, чем формально руководящее им Министерство культуры.

Напряжение нарастало, и уже летом 2005 года министр культуры РФ Александр Соколов публично обвинил подведомственное ему агентство Швыдкого в коррупции «на всех этажах». Швыдкой через суд потребовал от Соколова публичных извинений, но вскоре отозвал свой иск, объяснив отступление тем, что министр «не обвинял конкретных должностных лиц... и не предъявлял им конкретных претензий, а высказал общее оценочное суждение».

В течение 2005 года Швыдкой был посредником между правительством и руководством Большого театра, энергично и изобретательно отстаивая проект его капитального ремонта, — и в итоге победил. «Скажите Путину, что на эти деньги я построю в Москве три таких театра!» — воскликнул потрясенный аппетитами агентства Швыдкого крупнейший в мире специалист по театральным технологиям Тадео Накашима. И действительно: первоначально на реконструкцию Большого театра требовали 1 млрд долл., затем довольствовались 600 млн (потом сумма, насколько можно понять, выросла) — в то время

как реконструкция миланского «Ла Скала» стоила 72 млн долл., лондонского «Ковент Гарден» — 350 млн долл., а уникальная реконструкция Московского кремля — 312 млн долл.

Реконструкция Большого театра вошла в историю России в силу своей феноменальной скандальности (доходило до опасений в том, что Большой театр попросту «сложится» как карточный домик) и подозрений в чудовищной коррупции. Инвесторы менялись, руководители реконструкции ходили на допросы, как на работу, результат вызвал сильнейшие нарекания артистов, но к этому Швыдкой формально уже не имел отношения.

А летом 2006 года, когда Эрмитаж признал исчезновение из его хранилищ более 200 ценных экспонатов, Швыдкой всеми силами старался смягчить скандал и защищал директора музея Михаила Пиотровского.

Когда в 2008 году после избрания президентом Дмитрием Медведевым правительство РФ возглавил Путин, функции Агентства по делам культуры были возвращены министерству, а Швыдкой стал спецпредставителем президента России по международному культурному сотрудничеству в ранге посла по особым поручениям и президентом Академии российского телевидения (последнюю должность ему любезно уступил Владимир Познер).

Если уход с административного олимпа и уменьшил влияние Швыдкого на российскую культуру, то лишь самую малость. Насколько можно судить, его железный авторитет, подкреплённый многочисленными единомышленниками и лично обязанными ему деятелями, расставленными на самые разнообразные места, позволяет Михаилу Ефимовичу и сегодня уверенно направлять развитие отечественной культуры вне зависимости от сменяющих друг друга политиков и администраторов.

Это делает Швыдкого одним из ключевых членов либерального клана и участников современной политики как таковой.

«ЗАДАЧА И СОДЕРЖАНИЕ ИСКУССТВА — ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ»

Насколько можно судить по словам и делам Швыдкого, данный тезис является его фундаментальным убеждением.

Именно поэтому в 2005 году он как глава Роскультуры, в отличие от своего начальника министра Соколова, защищал от обвинений в порнографии постановку в Большом театре омерзительной оперы «Дети Розенталя» композитора Леонида Десятникова с либретто Владимира Сорокина.

Именно поэтому Швыдкой проводил телевизионные ток-шоу на такие темы, как «Беспризорность — это плата за свободу» (в которой он страстно убеждал телезрителей не возмущаться детской беспризорностью, а считать её нормой свободной, демократической жизни), «Без мата нет русского языка», «Для нас важнейшим является

американское кино» (что особенно цинично в устах человека, отвечающего за развитие российского кинематографа).

Именно поэтому на «Эхе Москвы» он говорил об уместности повтора его передачи 2002 года с говорящим названием «Русский фашизм страшнее немецкого».

Во время руководства Швыдкого на ВГТРК из эфира исчезли все общественно значимые программы, например, «Соотечественники» (об участии русских в государствах постсоветского пространства). Автор программы Татьяна Фурман была уволена задним числом и на прощание тяжело оскорблена; в её адрес на пресс-конференции было сказано: «А вот эта — вообще никто!»

«Возглавив культуру», Швыдкой прославился финансированием за государственный счёт откровенно антироссийских фильмов, направленных на грубое переписывание истории и на унижение нашей страны.

Наибольшую известность получил фильм «Сволочи» — агитка, в которой чекистские изверги забрасывали в немецкий тыл малолетних беспризорников, обрекая их на верную смерть. Это выдавалось за исторический факт — притом что руководители снявшей её студии заранее получили официальное письмо из ФСБ о том, что содержание фильма является наглой ложью. Более того, вскоре после премьеры выяснилось, что подобной практикой занимались как раз фашисты, но для очернения и дискредитации нашей Родины Минкультуры Швыдкого с лёгкостью (и, вероятно, с удовольствием) пренебрегло историческими фактами.

За деньги России был профинансирован омерзительный и лживый фильм «Мазепа», где Пётр Великий был представлен маньяком и гомосексуалистом. «После того как Лужков даже направил Швыдкому пушкинскую «Полтаву», Михаил Ефимович, давно имеющий в кругу друзей шутовское прозвище «Чего изволите?», краснел, бледнел и даже не выпустил «Мазепу» в российский прокат», — писал критик Щербаков в феврале 2006 года. Но свой вклад в воспитание русофобии на Украине, чудовищные плоды которого мы видим сейчас, Швыдкой внёс — из российского бюджета, то есть из нашего кармана.

Профинансировал он и фильм «Полумгла», в котором русские варвары чудовищно издеваются над несчастными немецкими военнопленными. Поразительно, что сценарий, по которому был снят фильм, носил принципиально иной характер и воспевал любовь представителей разных народов, так что сценаристы даже отозвали свои имена из титров этого чудовищного произведения.

Фильм «Четыре» показывал деревенских бабушек с голыми грудями в качестве участниц дикой оргии, разрывающих на части жареную свинью (вероятно, для «правильной», русофобской ориентации мусульман).

Этот список можно продолжать почти бесконечно.

В книге с весьма спорным названием «Михаил Швыдкой лучше Геббельса» Борис Петров исчерпывающе характеризует его деятельность: «Он занят... трансформацией всей российской культуры, которая выросла на православной традиции и никогда не сможет преобразиться в рынок, где торгуют любыми ценностями».

Недаром Швыдкой стал единственным россиянином, включённым английским Art Review в список ста наиболее влиятельных в мире деятелей искусства. Вероятно, были учтены и его заслуги в деле разгра-

бления России в виде реституции, но, как говорят, более всего понравилось британцам ключевое высказывание министра культуры: «Мы хотим сделать Россию частью западного мира».

Как уже сделали, например, Эстонию и Болгарию.

Культура народа определяет не только его образ жизни, но и мировоззрение, и идеологию, а следовательно — целеполагание. Она является основой его идентичности, и разрушение культурных ценностей российского общества является важнейшим стержневым элементом кропотливой, хотя и весьма энергичной работы по уничтожению даже не России как государства и не русских как народа, но всей нашей цивилизации, сформированной именно русской культурой. Деятельность Швыдкого, насколько можно судить, идеально вписывается в общую канву либеральных усилий по лишению России исторической памяти и превращению нас даже не в «иванов», а в «адольфов, не помнящих родства». Это действительно великий по масштабам и результатам своей деятельности человек, влияние которого по-прежнему исключительно велико.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Кудринская петля

**«Лучший министр финансов»
как спонсор американской
экономики**

КАРЬЕРА «ЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖЕРА»

Алексей Леонидович Кудрин родился в 1960 году в Латвии, где служил его отец, потом вместе с семьёй переезжал в Монголию, в Читинскую область и в Архангельск, где закончил среднюю школу. После школы два года работал автомехаником и инструктором в лаборатории Военной академии тыла и транспорта в Ленинграде. Вероятно, это позволило ему избежать армии и поступить в итоге в Ленинградский госуниверситет. В 1988 году защитил кандидатскую диссертацию по экономике. Войдя в круг реформаторов (в 1989 году Гайдар познакомил его с Чубайсом), в октябре 1990-го он стал зампредом в Комитете по экономической реформе исполкома Ленсовета.

Он быстро взобрался по аппаратной лестнице, добившись управления финансами города, и стал одной из ключевых фигур команды Собчака, доведшей, насколько можно судить, богатый и развитый Ленинград до едва не блокадного состояния (в ярком контрасте с Москвой) и с треском проигравшей выборы 1996 года.

Уголовные дела, связанные с руководством финансами Санкт-Петербурга, были закрыты в основном уже в 2000 году: похоже, Кудрин спрятался за спину ставшего президентом Путина.

А в 1996 году он нашел пристанище в Москве: возглавив администрацию президента, Чубайс назначил его руководителем Контрольного управления, а возглавив Минфин — своим первым заместителем. Кудрин был верным членом «команды молодых реформаторов», доведших страну до катастрофического дефолта 1998 года, — и, похоже, извлек урок из безнаказанности его организаторов.

Он был уволен лишь в середине января 1999 года, причём с предельным аппаратным гуманизмом — «в связи с переходом на другую работу»: заместителем Чубайса в тогда ещё не уничтоженное «главным ваучером» РАО «ЕЭС России».

После изгнания Примакова, стабилизировавшего Россию и ставшего после этого опасным для либеральной камарильи, Кудрин немедленно вернулся на «свой» пост в Минфине, а после инаугурации Путина возглавил Минфин, став ещё и первым вице-премьером.

Был министром финансов более 11 лет; тесные связи с Путиным обеспечили ему исключительное влияние.

Личная некомпетентность (насколько можно вспомнить, Путин как-то в прямом эфире «поймал» его на незнании величины дефицита бюджета) не играла роли: Кудрин был

лоялен, входил в команду и, похоже, стал для Путина главным экономистом, чье мнение было окончательным. Насколько можно вспомнить, это про него впервые была сказана сакраментальная фраза: «Единственная должность, с которой нельзя уволить, — друг президента» (хотя либеральная пропаганда, конечно, сделала всё для забвения этого).

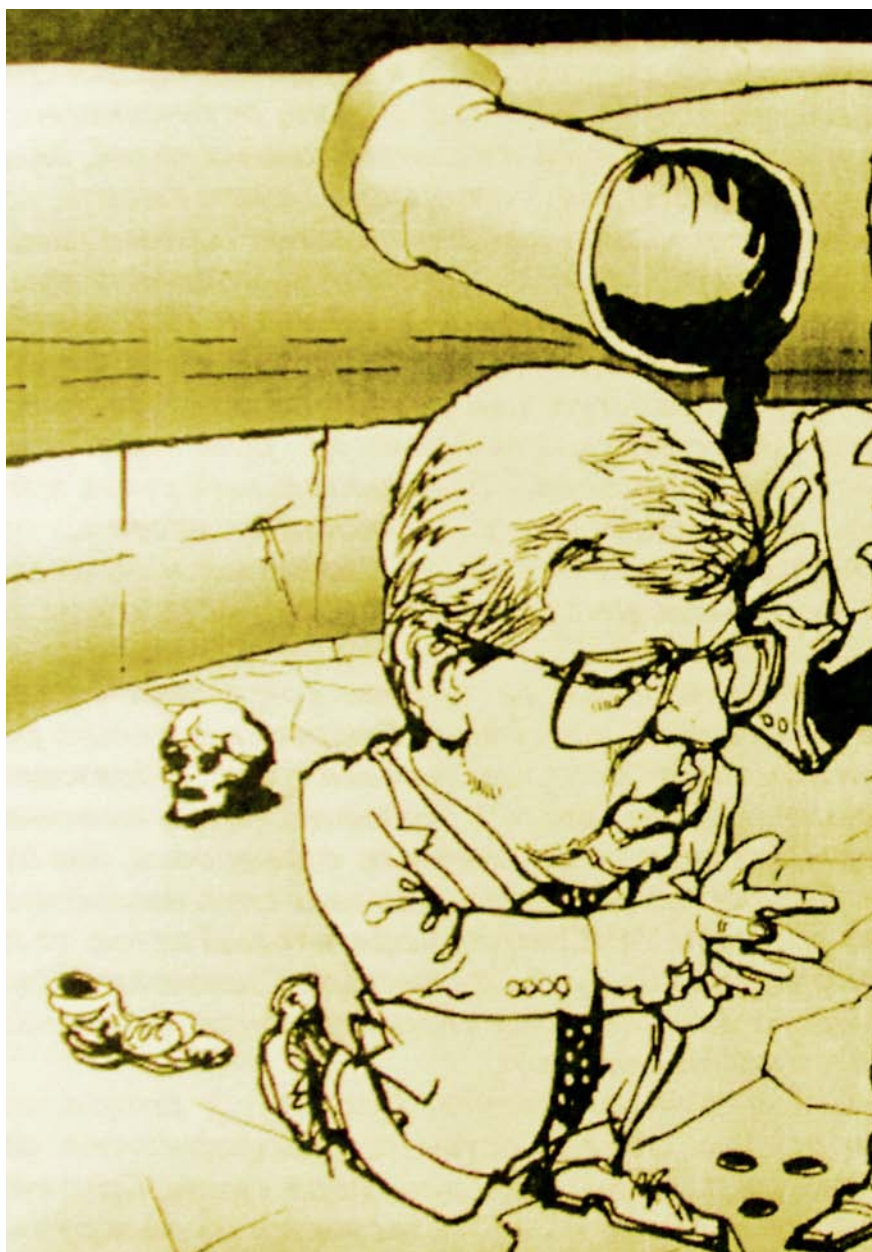
Кудрин укрепил традицию Чубайса, при котором Минфин был «правительством в правительстве» и во многом более влиятельным, чем само правительство, так как мог заблокировать любое начинание.

Несмотря на отсутствие скандалов, вроде связанных с Шуваловым, Кудрин представляется одним из богатейших чиновников России. Когда в середине нулевых фотографии его жены опубликовал французский гламурный журнал L'Officiel — «самое авторитетное издание в мире, отражающее модные тенденции», как скромно значится на его сайте, — торговцы оценили только надетое на жену Кудрина в его годовой доход. А она скромно подчеркнула, что фотографируется только в своих вещах.

Кудрина обвиняли в лоббировании «КИТ Финанс» в кризис 2008–2009 годов и расшифровывали это название как «Кудрин и Тинтякова» (его вторая жена). Даже верный либерал-деморосс Владимир Милов недоумевал: «Много непрозрачности в определённых действиях министра (Кудрина). Это, например, беспрецедентные траты на спасение... «КИТ Финанс» — 130 млрд руб... Он ни дня не работал нигде, кроме государственной службы. Несколько месяцев провел в РАО ЕЭС, но это тоже государственная корпорация. Но живёт он хорошо, и его личные финансовые возможности большие... Я его ни в чем обвинять не хочу, но объяснить нужно». Последний раз Кудрин «объяснялся» (на мой взгляд, издевательски бессодержательно) не далее как в январе 2015 года.

А в сентябре 2011 года, через день после публичного отказа Медведева бороться за власть со своим благодетелем Путиным, Кудрин отказался от места в будущем правительстве и на следующий же день был с треском уволен Медведевым. Формальной причиной отставки стало нежелание финансировать обороноспособность России, естественное для либерала; реальной — похоже, были нежелание напрямую подчиняться новому премьеру и стремление к своей политической игре.

Вероятно, принимая эти мотивы и оставаясь благодарным за прошлые заслуги, Путин объявил, что Кудрин «остаётся в команде». Для президента Кудрин, как главный экономиче-

ский авторитет (своего рода Гайдар для Ельцина), — готовый «запасной премьер», а сам Кудрин, похоже, мечтает в случае удачи сам проскользнуть к реальной власти от имени Запада и либерального клана.

Надо отдать Кудрину должное: пока ему удаётся сочетать эти противоречивые позиции. Усугубление кризиса, вызванное в первую очередь реализацией его политики и рекомендаций, ведёт его к власти — сначала руками Путина, а затем, возможно, и его могильщиков.

СТЕРЖЕНЬ ЛИБЕРАЛЬНОГО КЛАНА

Почётный профессор Высшей школы экономики, Бурятского и Дагестанского госуниверситетов, Алексей Кудрин важен как человек, ставший после публичного фиаско Медведева «лицом» либерального клана.

Кудрин сегодня — наиболее последовательный, уважаемый и влиятельный либерал, занявший идеальную политическую позицию: находясь вне власти, он публично критикует её и зарабатывает популярность. В то же время он во многом по-прежнему определяет политику этой власти — как через идеологическое влияние, так, вероятно, и через своих прямых ставленников, обязанных нынешними постами и благополучием лично Алексею Леонидовичу.

И никого в политическом руководстве России, похоже, не волнует, что либералы давно высмеяны даже Соросом как «рыночные фундаменталисты», а либерализм прямо противоречит интересам России.

России нужно энергичное и активное государство, а либерализм оправдывает лень и некомпетентность чиновников стремлением к минимизации госвмешательства в экономику.

Либералы рассматривают государство в качестве не ключевого организатора развития и структурообразующего элемента рынка, а как непримиримую противоположность последнего. Они не при-

знают, что госрегулирование — единственный инструмент обеспечения развития и свободы, в том числе экономической.

России нужно восстанавливать систему соцзащиты, чтобы повысить ёмкость внутреннего рынка и восстанавливать человеческий капитал, а либерализм уничтожает её, даже захлёбываясь от денег. Ведь он — единственная религия, снимающая с сильных ответственность за слабых и этим узаконивающая их безответственность.

России надо модернизировать реальный сектор, развивать высокие технологии, а либерализм требует уничтожения необходимого для этого протекционизма, чтобы превратить страну в колонию глобального бизнеса и не дать возникнуть его конкурентам.

Либерализм — это пропаганда государства как «ночного сторожа», с соответствующими уровнями ответственности, активности и эффективности, но почему-то с головокружительными доходами и богатствами. Это «приватизация для своих» с тотальными нарушениями закона и продажей по бросовым ценам, это инсайдерская игра чиновников на регулируемых ими же рынках и безнаказанность самого наглого воровства.

Вся деятельность Кудрина в той степени, в которой она не вызвана некомпетентностью, подчинена, насколько можно судить, интересам либерального клана, то есть глобального бизнеса. Поэтому речь идёт не об отдельных ошибках и даже не о неверной стратегии, но, вероятно, о принципиально враждебных России целеполагании и системе ценностей, несовместимых с самим её существованием.

НАЛОГОВОЕ ПОДАВЛЕНИЕ РОССИИ

Превращение бюджета в инструмент разрушения нашей страны не должно заслонять других достижений Кудрина.

Именно при нём прошла налоговая реформа, ставшая важным фактором блокирования развития сильнейшей «подняться с колен» страны.

Вопреки мировой практике введена плоская шкала подоходного налога в 13%. То, что он ниже налога на прибыль, стимулирует потребление в ущерб инвестициям.

Во всём мире от прогрессивной шкалы подоходного налога отказались лишь Боливия да Эстония. Похоже, именно они служат либералам в качестве идеала российского будущего.

Единая ставка налога для бедных и богатых игнорирует то, что богатые имеют больше возможностей влиять на государство, чем бедные. Большие возможности означают и большую ответственность, которая должна выражаться и в налоговой сфере.

Но оплата труда облагается не только подоходным налогом, но и обязательными социальными выплатами, которые носят омерзительный классовый характер. Они регрессивны: чем меньше зарабатывает человек, тем больше он платит. В результате «выводить из тени» имеет смысл лишь высокие доходы: налогообложение остальных запрети-тельно высоко.

Это делает саму честность привилегией имущих. Бедные же (в том числе и значительная часть т.н. «среднего класса») выталкиваются либералами в «теневую», криминогенную экономику и обрекаются на жизнь в страхе уже по самому факту относительно низкого дохода. Это тоталитарный подход, который закрепляет бесчеловечность либерального государства.

Россия превращена в налоговый рай для миллиардеров (включая самих либеральных реформаторов) и в налоговый ад для остальных, и это представляется заслугой министра финансов Кудрина.

Снижение налога на прибыль в 2002 году, которым до сих пор гордятся либералы, сопровождалось отменой льготы на инвестиции и потому стимулировало переориентацию денег с инвестиций на потребление и бегство за рубеж, что резко затормозило рост инвестиций.

Отказ от учёта горно-геологических условий при налогообложении

недропользования принёс гибель мелким и средним компаниям, работающим в худших условиях, и сверхприбыли — крупным корпорациям, контролирующим «лакомые» куски.

ХОЗЯИН ЛИБЕРАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Главным результатом работы Кудрина во главе Минфина представляется создание уникального механизма, при котором деньги налогоплательщиков не направляются бюджетом на нужды страны, а выводятся за рубеж и вкладываются в ценные бумаги стратегических конкурентов России.

При этом расходы бюджета беспощадно урезаются (вплоть до систематической гибели больных детей «из-за нехватки бюджетных средств»), а Россия продолжает занимать под более высокие проценты как на внутреннем, так и на внешнем рынке, что с коммерческой точки зрения представляется откровенным грабежом.

Вице-премьер Аркадий Дворкович выразил суть этой политики в чеканной формуле: «Россия должна платить за финансовую стабильность США» — и Кудрин заслужил восторг Запада.

В 2003 и 2006 годах английский журнал *Emerging Markets* назвал его лучшим министром финансов года: сначала в Центральной и Восточной Европе, а затем и на всех развивающихся рынках (в 2006 году Кудрин добился досрочной выплаты 22 млрд долл. внешнего долга России — и миллиардного штрафа за это). В 2004 году он получил от журнала *The Banker* титулы «Мирового министра финансов года» и «Министра финансов стран Европы», а в 2010 году лучшим министром финансов года назвал его журнал *Euromoney*.

Но «петля Кудрина» не сводится к простому выводу денег России на службу её стратегическим конкурентам.

Этот вывод стал важным фактором искусственного создания в России жестокого «денежного голода», приведшего даже в «тучные» для бизнеса нулевые годы к за-

предельной дороговизне кредитов. В итоге успешные корпорации были вынуждены кредитоваться не в стране, а за рубежом, принимая на себя валютные риски (что стало важным фактором зависимости России от Запада и нанесло нам огромный ущерб в ходе нынешнего кризиса и кризиса 2008–2009 годов).

Удивительно, но внешний долг корпоративного сектора России (с учётом, разумеется, банковского мультипликатора) примерно соответствует средствам, выведенным за границу возглавляемым Кудриным Минфином!

Таким образом, либералы вынудили российский бизнес заимствовать за границей свои же деньги, уплаченные им государству в виде налогов!

Это действительно петля, душащая Россию и сейчас, а Кудрин не просто затянул её на горле нашей Родины, но и «обосновал» её необходимость своим друзьям из высшего руководства.

БЮДЖЕТ ПРОТИВ РАЗВИТИЯ

Бюджетная стратегия Кудрина на деле сводилась к сокращению непроцентных расходов бюджета. Самоустрашение государства из жизни общества и снятие с него ответственности рассматривались как высшая цель экономической политики.

Главными приоритетами бюджета, как показывает опыт его исполнения, при Кудрине стали (и остаются сейчас) «замораживание» денег налогоплательщиков и спекуляции с госдолгом.

Расходы бюджета, несмотря на избыток средств, планировались по печально известному «остаточному принципу» (после выплат по сделанным займам, в первую очередь — внешним), без интереса к реальным нуждам общества, которые могли быть выше или ниже предусмотренных сумм.

Попытка перейти к расчёту потребности экономики в деньгах была сделана ещё в Бюджетном кодексе, предусматривающем разработку минимальных социальных стандартов, но правительство и не пыталось выполнить его требования.

Это ведёт к нереалистичности бюджета: никто не то что не знает, но даже и не интересуется реальными потребностями страны в деньгах. Соответственно, непонятно, являются ли расходы государства избыточными, адекватными или недостаточными.

Предоставление регионам финансовой помощи ориентировано на мифический показатель «среднероссийской бюджетной обеспеченности», а не на потребности регионов и их населения.

Финансовая помощь регионам ориентирована на текущее выравнивание их обеспеченности, но не на преодоление диспропорций в их развитии. Поэтому разрыв между регионами лишь растёт и увеличивается их общая потребность в финансовой помощи.

Это подрывает возможности развития: фискальная нагрузка на успешные регионы возрастает, убеждая их в бессмысленности работы, «так как всё равно всё отберут», а аутсайдеры приучаются к иждивенчеству.

Вся тяжесть реформ перекалдывается либералами на регионы. Правительство не заботится об их состоянии, что погружает российские субъекты Федерации в бюджетный кризис и ведёт к уничтожению не только социальной сферы, но, в ряде случаев, уже и транспортного сообщения.

Влияние Кудрина колоссально и сейчас. Хотя оно, вероятно, и слабее, чем у стратега либерального клана Волошина, оно нацелено на конкретно экономические вопросы, и потому заметней.

Наблюдатели шутили, что для прошлого руководства Банка России «Нет бога, кроме Чубайса, и Кудрин пророк его». При нынешнем руководстве минувшей осенью призыв Кудрина к освобождению курса рубля прямо предшествовал его катастрофическому краху, — вероятно, потому, что был воспринят руководством Банка России как подлежащий беспрекословному исполнению приказ.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Маньяк либерализма

Об особенностях патологии
2-на Коха

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПИНОЧЕТУ

Альфред Рейнгольдович Кох презентует себя в качестве потомка немецких колонистов, бежавших из раздираемой войнами и болезнями, голодающей скученной Европы второй половины XVIII века осваивать нетронутые чернозёмы необъятной Новороссии по приглашению Екатерины Великой. Его отец, Рейнгольд Давыдович, с началом войны был переселён из Краснодарского края в Казахстан. О предках матери в биографиях не упоминают: кому интересны эти русские?

Сам Альфред Кох родился в 1961 году. В 1969 году его семья переехала из Зырянска Восточно-Казахстанской области в Тольятти на строительство ВАЗа. Отец продвинулся в заводское начальство, и Алик входил в «золотую молодежь» города, но, по воспоминаниям, «выбирал друзей попроще, чтобы доминировать над ними». Поступил в спасающий от армии Ленинградский финансово-экономический институт: не из лучших, но позволяющий войти в круг «хозяев жизни», да еще и по модной специальности «экономическая ки-

бернетика», — не в первой столице, так во второй. Поступил легко: похоже, «запасные части (дефицит, которым заведовал на ВАЗе его отец. — М. Д.) сыграли не последнюю роль».

Кандидатская «Методы комплексной оценки территориальных условий размещения промышленных объектов», написанная на материалах ВАЗа, понравилась Чубайсу, но его кружок уже сложился, и ключевые роли были разобраны. Однако уже тогда эрудиция Коха, как вспоминают, произвела на Чубайса оглушающее воздействие. Чубайс стал относиться к нему как к источнику новых, разнообразных, всегда интересных знаний. При столкновении мнений Кох обычно «передавливал» Чубайса.

В 1987 году, после защиты диссертации, Кох устроился младшим научным сотрудником в НИИ, разработывавший новые материалы для судостроения. Среди инженеров экономист не мог выстроить карьеры, и в 1988 году он перешёл в Политехнический институт ассистентом кафедры. Должность не соответствовала учёной степени кандидата наук, но не была связана с ответственностью и позволяла искать новые возможности.

Лишь в 1990 году, продемонстрировав красивую концепцию развития, что тогда было редкостью (по другой версии — по протекции Чубайса; возможно, верны обе), Кох стал председателем исполкома Сестрорецкого райсовета Санкт-Петербурга. Должность дала ресурс: Кох стал устраивать для реформаторов выездные семинары в домах отдыха под Сестрорецком и, став полезным, вошёл в команду. Тогда же познакомился с Гайдаром.

Уже в апреле 1991 года, когда страна корчилась после павловского обмена денег (Кох гордился, что делал всё для его срыва, подписывая разрешения на обмен любых сумм, — по его уверениям, бесплатно, из ненависти к государству, частью которого он был) в первом скачке розничных цен, Кох в группе из 12 либералов прослушал установочный курс в чилийском «Институте свободы и развития» Серхио Кастро — одного из «чикагских мальчиков», обслуживавших Пиночета.

Но в Чили Кох как руководитель районного центра, не интересующийся макроэкономикой, был на вторых ролях, и на аудиенцию с Пиночетом его, несмотря на позитивное отношение к американскому палачу Чили, не взяли.

Зато дома его ждало повышение: в августе 1991 года Кох стал первым замдиректора фонда Ленинградского госимущества, а с 1992 года — зампредом Комитета по управлению госимуществом Санкт-Петербурга.

НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ: МЕСТЬ ненавистной стране?

С началом приватизации Кох был взят Чубайсом в Госкомимущество и в августе 1993 года стал заместителем «главного ваучера»: приватизировал реальный сектор. Похоже, американские «эксперты» нацеливали приватизацию на уничтожение ключевых отраслей — в первую очередь в сфере ОПК. Борьба с директорами предприятий, хотевших просто владеть ими, велась изощённо и была бескомпромиссным столкновением интеллектов и воли. На острие этой борьбы и находился «Алик» Кох.

Другой его задачей, по-видимому, была передача передовых оборонных технологий странам НАТО.

По свидетельству журналиста Олега Лурье, «закрытый» отчёт Счётной палаты РФ по 1992–1995 годам указывал на «захват иностранными фирмами контрольных пакетов акций ведущих... предприятий оборонного комплекса и... целых его отраслей. Американские и английские фирмы приобрели контрольные пакеты акций МАПО «МиГ», «ОКБ Сухой», «ОКБ им. Яковлева», «Авиакомплекс им. Илюшина», «ОКБ им. Антонова»... «Сименс» приобрел более 20% Калужского турбинного завода, производящего уникальное оборудование для атомных подводных лодок. Россия не только утрачивает право собственности на... оборонные предприятия, но и теряет право управления их деятельностью в интересах государства».

Согласно совместному письму ФСБ и СВР, «приватизация предприятий ОПК

привела к массовой утечке новейших технологий, уникальных научно-технических достижений практически даром на Запад. В целом Запад приобрёл в России столь большой объём новых технологий, что НАТО учредило для их обработки специальную программу».

Со своими задачами Кох справлялся настолько успешно, что в марте 1995 года, накануне презентации Потаниным в правительстве идеи «залоговых аукционов», он стал первым зампредом Госкомимущества. «Залоговая приватизация» — раздача лучших предприятий России для создания олигархии как коллективного заложника Ельцина, вероятно, казалась слишком грязной даже титулованным реформаторам: для этого им понадобился Кох.

Он руководил залоговыми аукционами как и.о. председателя Госкомимущества (Чубайс тогда избирался в Госдуму, куда и ушёл, уступив пост А. И. Казакову, неформальному «кадровику» своей команды).

По данным Счётной палаты, Чубайс и Кох организовали получение приватизационными структурами западных льготных кредитов более чем на 2 млрд долл., следов которых найти не удалось ни самой палате, ни Минфину.

За проданные в 1993–1995 годах военные предприятия и технологии бюджет получил жалкие 450 млн долл. К январю 1996 года распродажа страны была в целом закончена, и Чубайс покинул правительство, начав подготовку к переизбранию Ельцина при помощи консолидации созданной им олигархии.

По данным ФБР, на которые ссылается Лурье, Чубайс как раз тогда создал механизм вывода из страны приватизационных миллиардов и «отмывания» их части для финансирования спасения Ельцина. Для этого в январе 1996 года на Барбадос — тогда один из наиболее удобных мировых офшоров — прибыли Кох и старый соратник Чубайса Константин Кагаловский со своей женой Натальей Гурфинкель, затем «засветившиеся» в скандале с «отмыванием» российских денег через Bank of New York. В декабре 1998 года эта история аукнулась Коху: при прибытии

в Нью-Йорк его виза была аннулирована, а сам он был выдворен из США в связи с запретом въезда в страну.

Но прежде, помнится, Кох заработал прозвище «недостреленного»: когда правительство обсуждало нехватку денег в бюджете, он встал в зале, громко прося слова, прошел к столу заседаний и торжественно поклялся получить недостающие средства форсированием приватизации. «Если не соберём этих денег, — расстреляйте меня!» — выпренне обратился Кох к растроганному Черномырдину.

Конечно, несмотря на форсирование приватизации, обещанных денег бюджет не получил, зато в сентябре 1996 года вовремя подсутившийся Кох возглавил Госкомимущество уже на постоянной основе — и его влияние при поддержке Чубайса стало расти.

В декабре 1996 года Кох стал членом совета директоров ОПТ, в январе 1997 года — зампредом комиссии правительства по обеспечению доходов бюджета за счёт приватизации, в феврале — зампредом комиссии по управлению и приватизацией ОПК, в марте — вице-премьером (с сохранением руководства Госкомимуществом): уже не исполнителем, а полноправным членом «команды молодых реформаторов».

КРУШЕНИЕ «КРЕСТНОГО ОТЦА» РОССИЙСКОЙ ОЛИГАРХИИ

Кох стал исполнителем скандальной сделки с блокирующим пакетом «Связьинвеста»: обещанный за бесценнок Борису Березовскому и Джорджу Соросу, он был передан структурам Владимира Потанина, стратегического союзника Чубайса. С точки зрения борьбы доминировавших тогда олигархических кланов, Березовского и Чубайса, это было разумно: усиливать позиции основного конкурента не имело смысла.

Но по-чубайсовски откровенное и неотвратимое в своей логичности нарушение договорённостей вызвало ответный удар Березовского.

Детская на фоне их остальных свершений, копеечная шалость: получение гонорара за ненаписанную книгу

о приватизации (с претенциозным заголовком «Распродажа советской империи»), — была предъявлена в качестве обвинения. Ничтожный на фоне активов, которыми распоряжались либералы, гонорар — по 90 тысяч долларов каждому из пяти «соавторов» — был головокружительным на фоне тогдашней кромешной нищеты (хорошая однокомнатная квартира в Москве стоила около 20 тысяч долларов) и, главное, понятным для людей.

В результате Чубайс осенью 1997 года попросился в отставку, а в марте следующего года, перед назначением «козлом отпущения» за последствия либерального беспредела никем не воспринимавшегося всерьёз Кириенко, ушёл с госслужбы.

Одной из первых жертв «дела писателей» стал Кох, также ушедший со всех постов в августе 1997 года. Накануне объявления об увольнении он бежал с семьёй в США, — якобы «в отпуск». Винить его за это не стоит: через несколько дней был убит глава питерского Комитета по управлению госимуществом Михаил Маневич. Говорят, именно по этому поводу один высокопоставленный правоохранитель, перечитывая личное дело убитого, меланхолично обронил сакраментальное: «Некоторым можно спасти жизнь, лишь вовремя посадив их».

Побочным эффектом свары вокруг «Связьинвеста» стало отвлечение сил обоих олигархических кланов от «Газпрома», на который они нацелились летом 1997 года; в итоге он не достался ни Березовскому, ни Чубайсу и остался формально государственным.

Как вспоминают, уже 1 сентября 1997 года Чубайс устроил своего друга «Алика» главой совета директоров американской управляющей компании Montes Auri («Золотые горы»), где Чубайс держал свои деньги в качестве частного инвестора. В США Кох намеревался остаться всерьёз и надолго, не собираясь возвращаться в Россию. Именно к этому периоду его биографии относится печально известное интервью русскоязычной американской радиостанции WMNB 23 октября 1998 года.

WMNB: Высказывается мнение, что в России катастрофа и её экономическое будущее призрачно. Как вам кажется?

Кох: Мне тоже так кажется.

WMNB: Не видите света в конце туннеля?

Кох: Нет.

WMNB: Как вы прогнозируете экономическое будущее России?

Кох: Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле — копать), которые только изобретать умеют. Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств.

WMNB: И как долго это будет длиться?

Кох: Я думаю, в течение 10–15 лет... Вы понимаете... В течение 70 лет, когда формировалось мировое хозяйство, Россия, вернее, Советский Союз находился как бы в стороне, развивался отдельно, по каким-то своим законам. И мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза.

И оно самодостаточно, там есть достаточные ресурсы, все есть. И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна. (*Смеется.*) В мировом хозяйстве нет для нее места, не нужны её алюминий, её нефть.

Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому, я думаю, что участь (России) печальна, безусловно.

Кох радостно, по-детски счастливо смеялся над безрадостным положением России, её унижением и неизбежным, по его мнению, превращением в сырьевой придаток Запада. Сама мысль, что Россия не имеет никаких перспектив и никому не нужна, насколько можно судить, вводила недавнего вице-премьера «этой страны» в состояние безудержного, неконтролируемого восторга. Возможно, он просто считает трагедию России своим личным достижением.

11 сентября 1997 года генпрокурор Скуратов заявил о проверке сообщений, что Кох, возглавляя Госкомимущество,

получил 100 тысяч долл. за другую ненаписанную книгу о приватизации. 1 октября прокуратура Москвы возбудила уголовное дело против Коха за злоупотребление служебным положением. А в ноябре были опубликованы подробные данные о «деле писателей» и о том, что 60% гонорара были выплачены Чубайсу, Бойко, Мостовому, Коху и Казакову еще в июне. Чубайс заявил, что 95% сумм авторы планировали пожертвовать в организовавший их финансирование фонд, но это звучало так нелепо, что больше, похоже, не использовалось защитой. Вышло, что Чубайс солгал — и никто почему-то этому не удивился.

А Кох? Кох представил налоговикам копии документов по книге, чем подлил масла в огонь: посредником между ним и швейцарским издателем оказался зампред правления ОНЭКСИМ-банка, а владельцем щедрого издателя — сотрудник швейцарской «дочки» ОНЭКСИМа.

В мае 1998 года прокуратура обвинила Коха в квартирных махинациях: в декабре 1993-го он на деньги спецфонда Госкомимущества купил трёхкомнатную квартиру тогдашней рыночной стоимостью более 100 тысяч долл. за... 2280 долл. (не за метр, а за всю квартиру!). Ему помогла фирма, в уставный фонд которой Госкомимущество внесло несколько зданий в Москве. Схожие обвинения были предъявлены многим чиновникам Госкомимущества, включая трёх зампредов. Дело было закрыто по амнистии в декабре 1999 года, но все чиновники Госкомимущества, включая Коха, признали себя виновными.

В ноябре 1999 года прокуратура возбудила против Коха уголовное дело относительно залогового аукциона по «Норильскому никелю». Следствие пришло к очевидному выводу: Кох помог ОНЭКСИМ-банку получить акции «Норникеля» по заниженной цене. Но и это уголовное дело было закрыто по амнистии.

Позднее, в августе 2003 года, депутат Госдумы от «Яблока» Алексей Мельников заявил о получении им копии внутренних документов ОНЭКСИМ-банка об открытии Коху 1 сентября 1997 года

«разрешения на расходы» в 6,5 млн долл. По мнению Мельникова, Кох умышленно нарушил методику определения стартовой цены акций «Норникеля» и занижил её почти вдвое: с 310 до 170 млн долл., после чего без оснований отстранил от участия в залоговом аукционе конкурента ОНЭКСИМ-банка — банк «Российский кредит».

Но государство осталось глухо к обвинениям: похоже, при проведении залоговых аукционов такие махинации были правилом, а не исключением.

МОГИЛЬЩИК «СВОБОДЫ СЛОВА»

Приход Путина к власти на время вернул Коха «в обойму» сильных мира сего. Вероятно, главную роль в этом сыграли протекция Чубайса и нарастающий конфликт второго президента России с Борисом Березовским, несколько переоценившим свою роль в новой «вертикали власти».

В мае 2000 года Кох был введён в совет директоров ОАО «Усть-Луга», а уже 10 июня — в совет директоров ОАО «Газпром-медиа». Это было вре-

мя разгрома медиа-империи Гусинского, пытавшегося под прикрытием «свободы слова» заняться привычным шантажом власти: в конечном счёте — на её же деньги.

Такая наглость оправдывала себя в «лихие девяностые», но с новым «хозяином Кремля» она не прошла. Кох стал исполнителем разгрома «старого» НТВ и умирения его пытавшихся взбунтоваться журналистов, подтвердив, что в России нет носителей более тоталитарного сознания, чем либералы.

Он с явным упоением сводил старые счёты: во времена «семибанкирщины» не допущенный к залоговым аукционам Гусинский использовал мощь своей пропаганды не только против Чубайса, но и против всей его команды, в которой «Алик» Кох играл одну из первых скрипок. «Как тонко он может обставить собственное банкротство как банкротство свободы слова в России», — сказал Кох в начале 2000-х о Гусинском.

В сентябре 2000 года «мастер на все руки» обосновал позицию власти в отношении медиаимперии Гусин-

ского: «Поскольку «Газпром» является главным кредитором НТВ... оно должно достаться «Газпром-медиа», но не для того, как утверждает... Гусинский, чтобы выполнять команды Кремля, а... потому, что мы хотим возврата своих инвестиций и не хотим убытков...» Он выразил готовность лично управлять телекомпанией, хотя и оговорился: «Хотелось бы привлечь профессиональных менеджеров».

Разумеется, в апреле 2001 года акционеры НТВ по инициативе «Газпром-медиа» избрали председателем совета директоров НТВ не кого-либо из «профессиональных менеджеров», а именно Коха. В открытом письме он немедленно обвинил лидера «гусинского» НТВ Евгения Киселёва во лжи и в уклонении от встреч. В тексте, который может быть адресован любому либералу, в том числе и ему самому, Кох справедливо вопрошал: «Вы говорите, что служите свободе слова. Но разве ей можно служить ложью?.. Хотите, я скажу, чего вы боитесь? Вы боитесь правды».

«Правильная и справедливая борьба не может быть стилистически позорной. У вас пропал стиль. Это начало конца. Этот ложный пафос. Эта фальшивая пассионарность. Это фортиссимо. Надрыв. Это всё стилистически беспомощно. Флаг из туалета... Это просто плохо. Плохо по исполнению. Это бездарно. Бетховен, сыгранный на балалайке, — это не Бетховен. Какая гадость эта ваша заливная рыба. Киселёв на операторской лестничке, произносящий гневную филиппику лоснящимися от фуа-гра губами. Визг. Как железом по стеклу. Пупырышки. Я это чувствую. А вы? Надо взрослеть. Надо стать. Надо проветрить. Проветрить. Помыть полы. Отдохнуть. Своим враньём вы оскорбляете мой разум». (Последняя фраза, похоже, так понравилась Коху, что он использовал её и в дальнейших своих филиппиках.)

В сентябре Кох пытался запустить на НТВ телешоу под характерным названием «Алчность», но после трёх выпусков уступил проект другому ведущему, сославшись на занятость, — и 12 октября ушел с должности гендиректора «Газпром-медиа», обвинив

своих благодетелей из «Газпрома» в «подковёрных интригах».

ВЫПАДЕНИЕ ИЗ КОНТЕКСТА

Кох пытался остаться на плаву — и в конце февраля 2002 года Заксобрание Ленинградской области избрало его членом Совета Федерации. Но фигура была слишком одиозна, избрание было оспорено в суде. Побарахтавшись, Кох сдался, отказавшись от возделенной должности, но сослался не на процессуальные нарушения, которые ставились ему в вину, а на «слухи о якобы заплаченных парламентариям деньгах», то есть о взятке, что, учитывая его репутацию, правдоподобно.

Однако «Алик» рук не опустил — и в конце апреля 2003 года возглавил предвыборный штаб СПС, обещая «партии олигархов» третье место — не просто за проходное место в списке, но и зарплату в полмиллиона долларов в год. Кох показал себя «многостаночником»: объявил, что возглавил штаб СПС и по Санкт-Петербургу, а также партийную газету (уволив её редактора), где печатал свою книжку «Ящик водки», выписывая себе гонорары.

Внутрипартийная комиссия СПС возложила личную ответственность за провал либералов (которые больше никогда не вернулись в Госдуму) на «эффективного менеджера» Коха — наравне с политтехнологом Мариной Литвинович.

Эксперты меланхолично назвали причиной поражения кромешное воровство: по их оценкам, было украдено до двух третей предвыборного бюджета, то есть от 12 до 26 млн долл. (а функцией Коха была не только организация, но и управление финансами). Скандала это не вызвало: ведь что может быть естественней, чем реализация либералами собственных либеральных ценностей?

После краха СПС Кох издаёт глянцевого журнала «Медведь». Полагая себя писателем, пишет яркие заметки в фейсбуке, пропагандируя либерализм с изощрённостью, которой позавидовал бы и Геббельс.

В апреле 2014 года он заявил, что не вернётся в Россию из Германии из-за обвинения в контрабанде культурных ценностей — картины, оцененной им в 18 тысяч руб. (возможно, так же, как был оценен «Норильский никель»). Либеральная тусовка, напрягая силы, не устаёт переживать эту невосполнимую утрату.

Сам же Кох живет в наиболее комфортных для себя условиях и с удовольствием отводит душу в адрес России, которую ему пока не удалось разрушить, но, похоже, он полон надежд.

Его жизнь удалась: сбылась мечта либерала.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Либерализм плохо совместим с разумом: понимая цели глобальных монополий, трудно быть исполнителем их планов. Это дело — для маньяков, а их интеллект односторонен и ущербен.

Тонко понимая и чувствуя детали, Кох патологически не способен воспринимать происходящее в целом. Это сделало его незаменимым в ходе реформ, когда либералам надо было крушить целое, прикрываясь решением частных проблем. Интеллект, наблюдательность и чувство стиля расплющены у него поразительной морально-этической глухотой и откровенным самодостаточным эгоизмом. Это не столько ум, сколько хаотичная и запутавшаяся в себе эрудиция, которую Чубайс, гений железной поверхностности, путает с глубиной — абсолютно неизвестным ему явлением. Недаром и немолодой уже Кох зовёт себя «Аликом» — инфантилизм никуда не делся.

После убийства Немцова Кох участвовал в либеральных «гонках на лафете», торжественно возгласив свое трепетное опасение стать следующей жертвой — вместе с Гудковым-младшим и Ксенией Собчак, которую он успел обозначить соучастницей убийства: мол, принцесса питерского клана, уличив Немцова в трусости, тончайшим психологическим расчётом выманила того из уютного безопасного Израйла в отвратительную

Москву под пули киллеров... А заодно пообещал «очередную волну роста цен» и начало массовых политических репрессий уже в августе 2015 года, нефть по 20 долларов за баррель (разумеется, из-за политики Путина) и полный отказ Европы от российского газа уже через пять лет.

Похоже, ему и сейчас, как в приватизацию, действительно безразлично, какую ахинею нести: тогда нужно было «дербанить» страну и раздавать её куски в правильные руки, а сейчас — плевать в опасно для Запада задумавшуюся о своих правах и интересах Россию.

В полемике Кох с удовольствием использует и шокирующую оппонента грубость, и по-чубайсовски наглуго ложь (на чём его неоднократно ловил, например, Илларионов). При этом он патологически искренен: эдакий вечный младенец российского либерализма, устами которого глаголет истина, разоблачающая не только его, но и весь либеральный клан. Подобно немецким солдатам, без всякого стеснения раздевавшимся у деревенских колодезь догола, чтобы вымыться на июльской жаре 1941 года, Кох не сдерживает самопроизвольного потока своей искренности. Его хамство удивительно органично. Именно поэтому он войдёт в историю.

В январе 2002 года, подтверждая сказанное в упомянутом выше интервью, Кох назвал русский народ «так называемым».

Чубайс не случайно назвал Коха «истинным патриотом России»: «Алик» действительно воплощает собой либеральное понимание патриотизма.

Комментируя теракт 11 сентября 2001 года, Кох отметил: когда перед тем в Москве взрывали дома, у него не было такого чувства сопричастности. И объяснил: просто в Нью-Йорке у него «все улочки родные». А в Москве — нет, и для либерала это нормально...

Глядя на либералов, даже удалившихся от дел, совсем не похожих на гитлеровских мясников, не стоит забывать, что эти люди сделали с нами, а также, что они ещё хотят сделать — и сделают, если их не остановить.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Грефоводник

Исполнитель либерального приговора России

Герман Оскарович Греф родился в 1964 году в селе Панфилово на севере Казахстана в семье немцев, высланных из Донбасса в 1941 году (так что возникший во время его реформаторства яр-

лык «немецко-чеченский фашист» неверен). Когда ему было полтора года, отец погиб, мальчика воспитывали мать с бабушкой. Учился средне, на тройки и четвёрки, но отличался настойчивостью и сумел поступить

в МГИМО, бывший тогда главным гуманитарным вузом огромной страны (в СССР это было возможно), откуда был отчислен после первого курса. Согласно официальной биографии, тогда 17-летний юноша стал юристом-консультантом районного сельхозуправления.

Служил в спецназе внутренних войск, среди функций которого — конвоирование опасных заключенных, поиск беглых, подавление бунтов. Как отслуживший в армии, без экзаменов попал на рабфак Омского университета и поступил на юридический факультет, где стал комсоргом и начальником студенческого оперотряда. Окончив вуз в 1990 году, Греф поступил в аспирантуру Ленинградского госуниверситета, но диссертацию не защитил: для карьеры в новые времена она была уже не нужна.

Научным руководителем Грефа оказался Анатолий Собчак, и в 1991 году аспирант ЛГУ стал юристом-консультантом Комитета экономического развития и имущества администрации Петродворцового района Санкт-Петербурга, а в 1992 году — возглавил Комитет по управлению имуществом этого района. В 1994 году стал заместителем председателя Комитета по управлению городским имуществом (КУГИ) Северной столицы, управлял всей недвижимостью города.

После победы Яковлева над Собчаком Греф проявил инициативу и, как один из идеологов реформы ЖКХ, поднялся на новую ступеньку карьерной лестницы, став первым зампредом КУГИ, хотя либеральная реформа привела к обычным результатам (квартплата выросла вдвое без улучшения обслуживания). После убийства руководителя КУГИ Михаила Маневича Греф занял его пост, став вице-губернатором.

Многочисленные обвинения Грефа в преступлениях, характерных для либеральных реформ, не имели последствий; так, дело о незаконной передаче за взятку Сенного рынка в центре Санкт-Петербурга было за-

крыто после убийства единственного свидетеля.

За пять дней до дефолта 1998 года по рекомендации Чубайса был назначен первым заместителем министра госимущества РФ.

После отставки Примакова Греф вышел на новый уровень: стал членом коллегии представителей государства в «Росгосстрахе» и «Транснефти», коллегии Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, советов директоров «Аэрофлота» и «Газпрома», председателем совета директоров аэропорта «Шереметьево».

В декабре 1999 года возглавил Центр стратегических разработок, которому Путин поручил разработать стратегию на 10 лет. Титулованные реформаторы, похоже, уклонились от этой чести как от хлопотной и не связанной с материальными выгодами, — а Греф ухватился за шанс выйти на первый план.

И как программа «500 дней» внесла Явлинского в политику, «Стратегия-2010» внесла Грефа в правительство: в мае 2000 года он возглавил созданное специально «под него» Министерство экономического развития и торговли.

ВЛАСТЕЛИН РЕФОРМ

ЦСР собрал подавляющее большинство квалифицированных экспертов России, но их труд пропал впустую.

Пример — работа над банковской реформой. Почти все специалисты страны представили аргументированные предложения, которые были отброшены, и текст писался «с чистого листа» одним человеком, не знавшим даже, какие в России есть виды банковских лицензий. Абсурдность результата вызвала категорический протест руководства Центробанка, и этот раздел был исключён из стратегии.

Она была непроработанным, бесвязным, не структурированным набором необоснованных требований. Приписанное «Коммерсантом» премьеру Касьянову резюме «Гора

родила мышь. Хорошо, что не таракана» воспринималось как мягкая и взвешенная оценка.

Правительство так никогда и не утвердило её.

Тем не менее ряд её положений был продавлен либералами в виде отдельных реформ, нанесших России огромный ущерб.

Ключевой механизм грефовой «стратегии» — прекращение оттока капитала из страны за счёт улучшения инвестиционного климата, хотя при сильном оттоке капитала такое улучшение либеральными рецептами невозможно (оно напоминает лечение таблетками головокружения, вызванного потерей крови из-за разрыва артерии). Оздоровить инвестиционный климат можно лишь мерами госрегулирования, в первую очередь — модернизацией инфраструктуры, что противоречит интересам глобального бизнеса и потому отвергается либералами.

Беспомощный лепет о снижении по непонятным причинам оттока капитала служил простым прикрытием основного и единственного проработанного инструмента обеспечения экономического роста: сокращения на четверть госрасходов — прежде всего за счёт социальных расходов регионов.

Отказ государства от социальных обязательств, «социальный дефолт» в качестве стержня стратегии придавал ей характер социального геноцида и делал необходимым её условием либеральную диктатуру.

Стратегия требовала отказа от нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, что вскоре привело к уничтожению системы стандартизации, разрушению системы контроля качества продукции. Требование присоединения к ВТО, главным лоббистом которого был Греф, исполнено — на вполне колониальных условиях — и резко затормозило экономику, сменив уверенный инвестиционный рост спадом.

Обещание «устранить препятствия для банкротства неэффективных предприятий» вылилось наряду

с «дебюрократизацией» экономики, мотором которой также был Греф, в создание идеальных условий для безнаказанного рейдерства, разгул которого уничтожил само представление о праве собственности.

«Легализация экспорта капитала» обернулась отменой валютного регулирования, сделавшей Россию беззащитной перед колебаниями мировой конъюнктуры. Как не вспомнить олигарха Бендукидзе, для которого главным правом человека и критерием демократии было право свободного вывоза миллиона долларов!

Реформа естественных монополий, намеченная в «стратегии» Грефа, была реализована в катастрофе электроэнергетики и менее известной дезорганизации железнодорожных перевозок.

Реформа ЖКХ привела к ужасному росту тарифов при дезорганизации отрасли.

Реформа трудовых отношений лишила трудящихся реальных возможностей защиты своих неотъемлемых прав.

Урезание социальной помощи было реализовано в виде людоедской монетизации льгот, пенсионной реформы, а также разрушения образования и здравоохранения.

В первых вариантах проекта «стратегии» Греф прямо указывал на необходимость преодолеть тенденцию формирования «социального государства». Попытка отмены Конституции, закрепляющей социальный характер государства, провалилась: прямые саморазоблачительные формулировки были изъяты из текста, но идеология была реализована.

Наконец, судебная реформа, насколько можно судить, сформировала административный контроль за судами и привела к разложению последних, по сути, лишив россиян доступа к правосудию.

Греф был мотором практически всех либеральных реформ и по должности, и в силу личных предпочтений.

При создании Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) он старался нахватать

как можно больше функций, чтобы предельно нарастить своё влияние. В результате сформированное им ведомство оказалось громоздким монстром, неуправляемым из-за объёма своих функций (только вначале их было 159, а число департаментов превышало 50).

Неуправляемость МЭРТа была вызвана и объединением разнородных, не связанных друг с другом функций (например, регулированием внешней торговли и обеспечением северного завоза), а также объединением задач, выполнение которых требовало разных типов управленческой организации. Их объединение обеспечило организационную несовместимость соответствующих контуров управления, перманентный внутренний конфликт и, как следствие, — утрату управляемости. МЭРТ напоминало Курчатова, которому поручили бы сделать атомную бомбу за три года... при условии одновременной работы регулировщиком уличного движения.

Неработоспособность усугублял непрофессионализм, ставший визитной карточкой «грефства»: сам министр экономического развития был юристом, пенсионными делами ведал М. Дмитриев, до 1997 года учававший в банки, реформированием естественных монополий — А. Шаронов, занимавшийся социальной политикой, а стратегическими вопросами развития — А. Дворкович, анализировавший бюджет. Вероятно, это не случайно: разрушительная суть либеральных реформ в России исключает их проведение специалистами.

ХОЗЯИН НАРОДНЫХ ДЕНЕГ

В 2007 году Греф внезапно возглавил Сбербанк, уйдя, по примеру Чубайса, из правительства в крупную госкомпанию. Вероятно, ему наскучила аппаратная борьба, и он захотел стать полновластным хозяином большой структуры, обеспечивающей ему легальное богатство и не административное, но социально-политическое влияние.

Сбербанк, пронизывавший повседневную жизнь большинства россиян и имеющий отделения во всех мало-мальски значимых населённых пунктах, соответствовал этой цели не меньше, чем РАО «ЕЭС России».

Реформа Сбербанка вызвала многочисленные скандалы; так, проведённый в условиях кризиса, ничем толком не обоснованный и мало кем замеченный ребрендинг стоил 20 млрд руб.

Греф резко повысил оплату топ-менеджмента Сбербанка и в 2013 году стал, согласно данным Forbes, пятым по уровню оплаты менеджером России.

При жесточайшем урезании остальных издержек заметная часть старых сотрудников была уволена, а их место заняла молодёжь (вероятно, согласная на меньшие зарплаты), старание которой, помнится, не слишком часто подкреплялось профессиональными знаниями. Сотрудница, написавшая в соцсети: «Если в чистом поле воткнуть табличку с надписью «Сбербанк», у неё сразу соберётся очередь пенсионеров», — была уволена, но эта шутка, как представляется, чётко отразила состояние Сбербанка в ходе реформы.

Повышение комиссий за платежи населения при широком внедрении оплаты в автоматах и интернет-банкинга и закрытии множества отделений было призвано сократить расходы. Возникло ощущение, что Сбербанк, зарабатывая основные деньги на корпоративных клиентах и финансовых операциях, стремится под сурдинку разговоров о «клиентоориентированности» максимально сократить живое общение с населением, рассматривая его разве что как источник подлежащих сокращению издержек.

В кризис 2008–2009 годов кредиты Сбербанка стали роковыми для ряда бизнесменов. Классический пример — МАИР, от которого структуры Сбербанка, насколько можно понять, потребовали досрочного возврата кредита; дело кончилось уничтожением бизнеса, ликвидацией

массы рабочих мест и уголовным преследованием создателя МАИР Макушина, вынужденного бежать из страны. О степени нелепости обвинений свидетельствует отказ Кипра выдать его России — второй за всю историю отношений наших стран.

В результате прибыльность Сбербанка выросла, но отношение к нему, насколько можно судить, ухудшилось. Ситуацию усугубили истории о частых «технических сбоях» в автоматах оплаты Сбербанка и даже в его интернет-банкинге, ведущих к финансовым потерям клиентов. Возможно, это связано с большим объёмом операций — однако про другие банки подобного слышать не приходилось.

Памятная либеральная инициатива о загоне всей России в 28 огромных мегаполисов, дошедшая до правительства, была вызвана, похоже, стремлением Сбербанка к сокращению издержек. Ведь чем меньше населённый пункт, тем ниже рентабельность расположенного в нём отделения Сбербанка (в малых поселениях они могут быть и убыточны). А лишить население Сбербанка в силу его уникального положения нельзя. Значит, для максимальной эффективности Сбербанка всё население страны должно быть собрано в огромные мегаполисы.

Рассмотрение этой идеи дискредитировало аппарат правительства, но она была рождена, вероятно, не злым либеральным умыслом, а лишь стремлением Грефа минимизировать издержки Сбербанка без оглядки на чьи бы то ни было интересы и ценности. Хвост машет собакой...

ЧЕЛОВЕК ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕИ

Греф имеет репутацию твёрдого рыночника, даже на фоне Кудрина производящего впечатление человека, не отягощённого экономическими знаниями, что, безусловно, укрепляет его либеральные убеждения.

Например, когда он взялся было за стимулирование инвестиций, для него оказалось неожиданно

стью как отсутствие уже готовых крупных инвестиционных проектов (в 2006 году им просто неоткуда было взяться), так и то, что на их подготовку нужен минимум год.

А в июле 2013 года, когда коррупция, монополизм, отказ правительства Медведева от развития и колониальные нормы ВТО доламывали хребет российской экономики, когда промышленное производство снижалось, а торможение роста ВВП обещало перейти в его спад, Греф заявил: «У России одна из самых лучших в мире среди всех стран макроэкономических ситуаций».

Как сообщают знающие его люди, не имея экономического образования, Греф не любит и не может вести аргументированный спор. Слепая вера в абсолютную самоценность частной собственности, необходимость ухода государства из экономики, избыточность социальной помощи населению и нетерпимость к возражениям весьма успешно заменяют ему знания.

Греф вспыльчив; так, на заседании правительства он требовал строго наказать за экстремизм сжегших его чучело людей, протестовавших против преступного запихивания России в ВТО на заведомо кабальных условиях. Во время визита в Брюссель он при подчинённых устроил выволочку главе российской делегации при Еврокомиссии Фрадкову, что «аукнулось» ему в премьерство последнего. Правда, рассказы об обещаниях Грефа «повесить на верёвке» подчинённых сопровождаются ритуальными заявлениями в его вежливости.

Когда Путин в 2003 году вместе с ним встречался с папой римским, одни медиа называли Грефа протестантом, а другие — католиком.

На Петербургском экономическом форуме 2012 года вполне невинный вопрос внезапно спровоцировал Грефа на скандальную откровенность, раскрывшую категорическую неприемлемость демократии не только для российских реформаторов, но и для современных либералов в целом.

«Вы говорите страшные вещи, — ответил Греф. — Вы предлагаете передать власть в руки населения... Как только люди поймут основу своего «я» и самоидентифицируются — управлять ими, манипулировать станет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемы, когда они имеют знания. Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую, получать непредпарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины СМИ, занятых построением и сохранением (социальных) страт? Как в таком обществе жить? Мне от ваших рассужде-

ний становится страшновато; честно говоря, мне кажется, вы не вполне понимаете, что говорите».

Тогда некоторым казалось, что слова Грефа — недоразумение или просто проявление его личной, как говорят американцы, «альтернативной одаренности».

Но теперь, после украинской катастрофы и заявлений о признании Крыма по-прежнему «частью Украины», нет сомнений: это не случайность, а честное выражение либеральных, демократических, европейских ценностей в их нынешнем виде.

И новые «хозяева жизни» так самодовольны и так презирают людей, что не считают нужным скрывать свое отношение к нам.

Набиуллина родилась в Уфе в рабочей семье: отец, Сахибзада Саитзадаевич, был водителем на автобазе, мать, Зулейха Хаматнуровна, — аппаратчицей на приборостроительном заводе. Но район, где она жила, — улица Зорге — считается элитным.

Круглая отличница не получила золотую медаль — похоже, из-за негласных квот на их выдачу, по которым татарам в Башкирии их давали скупно.

По ее словам, поступила на экономический факультет МГУ «наугад», но признала верными слова сокурсника о себе: «стипендиантка Карла Маркса, любившая марксистско-ленинскую политэкономия, свято верившая в идеалы коммунизма, один из первых студентов, принятых в партию на курсе (это на идеологическом тогда факультете!) ... Образцово-показательный советский человек».

Закончив МГУ с отличием, Набиуллина поступила в аспирантуру и вышла замуж за преподавателя кафедры, на которой училась, — Ярослава Кузьминова, оставившего жену с двумя детьми (после неприятностей по партийной линии он перешел из МГУ в МФТИ). Это обеспечило Набиуллиной сохранение в Москве.

Но свое будущее она обеспечила, став аспиранткой будущего гуру российских либералов Евгения Ясина, — хотя диссертацию, вопреки ряду сообщений, так и не защитила: реформы лишили науку роли «социального лифта».

Близость к Ясину (в том числе через мужа, который считался его «паладином») позволила ей в 1991 году стать сотрудником аппарата Научно-промышленного Союза СССР — предшественника Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). В 1994 году Ясин перевел её в созданный им Экспертный институт РСПП, откуда она вместе с «шефом» перешла и в Министерство экономики РФ.

С его подачи в 1995 году стала секретарем комиссии по экономическим реформам, возглавлявшейся Чубайсом, но карьера шла туго: Набиуллина была лишь исполнителем. Только в 1997 году, из-за жесточайшего дефицита кадров

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Дорогая «ОТЛИЧНИЦА- ТИХОНЯ»

Набиуллина против экономики России

у либералов, она стала замминистра — и уже в следующем году вылетела с госслужбы после дефолта, вызванного воровством реформаторов.

Важным фактором её ухода стало, похоже, нескрываемое равнодушие к нуждам страны. Когда после дефолта оказалось, что Россия платит десятки миллионов долларов штрафов за неиспользуемые из-за лени реформаторов международные кредиты, возглавлявшая аппарат соответствующей правительственной комиссии Набиуллина,

помнится, назвала эти штрафы не заслуживающими внимания «копейками». И это тогда, когда Россия на грани банкротства вымаливала у кредиторов те же десятки миллионов! Такая простота была чрезмерна даже для «политических вегетарианцев» правительства Примакова.

Набиуллина «приземлилась» в Промторгбанке олигарха Хаки Бендукидзе. В отличие от ярких либералов её не вернули во власть после отставки Примакова.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ НА АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ОЛИМП

Звёздный час Эльвиры Сахибзадовны настал в конце 1999 года: похоже, с подачи всё того же Ясина она стала заместителем Грефа в созданном «под Путина» Центре стратегических разработок. Когда Греф стал министром экономического развития и торговли, никогда не возражавшая ему Набиуллина стала его первым заместителем, но вновь на посту не удержалась.

В 2003 году в подготовленном ею проекте рутинной программы социально-экономического развития премьер Михаил Касьянов с изумлением обнаружил односторонний раздел, предлагавший уничтожить аппарат правительства в его тогдашнем виде — как инструмент согласования позиций ведомств и контроля за ними в интересах правительства как целого. Указывалось, что министерства должны нести ответственность не перед аппаратом, а перед «всем обществом в целом», то есть ни перед кем.

Смыслом новации (частично реализованной в катастрофической административной реформе 2004 года, последствия которой аукаются нам по сей день) был выход министерств из-под контроля правительства и превращение в конгломерат независимых ни от чего ведомств, творящих без связи друг с другом всё, что взбрѣдет им в голову.

Премьер в этой схеме лишился власти, и Касьянов, среди других замечаний, тактично указал на недопустимость этого, после чего, доработав программу, министерство оставило неприемлемый раздел без изменений.

Касьянов встретился с руководством мятежного ведомства: Грефом, а также готовившими проект программы Набиуллиной и Дворковичем. Он ещё раз обосновал свою позицию и, вместо ожидавшихся возражений, вновь получил заверения в лояльности и в изъятии из проекта соответствующего раздела.

Когда в представленном в правительство третьем варианте программы

он вновь сохранился в полной неприкосновенности, Набиуллина вторично с треском вылетела из органов исполнительной власти (уволить Грефа мог лишь президент). Но из-за вежливости Касьянова «волчий билет» Набиуллиной вновь не был выписан, и она возглавила захиревший Центр стратегического развития. Сидела в нем тихо, внимания не привлекала, старательно выполняя «чёрную работу» для либерального клана.

Она могла стать автором грузинских реформ: когда после захвата Саакашвили власти Грузию посетили либералы во главе с Грефом, среди них была и Набиуллина. Они хотели вместе с Бендукидзе создать программу реформ, но, похоже, тот решил не делиться лаврами.

С 2005 года Набиуллина возглавляла экспертный Совет по реализации национальных проектов, с помпой провозглашенных Медведевым (наиболее запомнился проект «Доступное жильё», прозванный по его результату «Недоступное жульё», что не мешает Медведеву, а вероятно, и Набиуллиной публично гордиться им до сих пор).

В 2007 году, когда Греф переместился в Сбербанк, Набиуллина по его совету (после прохождения программы Госдепартамента США по обучению лидерству иностранных кадров) заняла его место.

Стиль её управления вызвал шок даже у страдавших от грефовской неуравновешенности. Фаворитизм и институт «любимчиков» стал фирменным знаком Минэкономразвития РФ — с понятными управленческими последствиями.

Хотя человеческие качества Эльвиры Сахибзадовны понятны из того, что, по ряду сообщений, после её увольнения в 2003 году подчинённые на радостях закатали банкет.

Набиуллина проводила предельно либеральную политику — возможно, из-за отсутствия интеллигентской привычки обращать внимание на реальность, расходящуюся с обеспечиваемой карьеру идеологией. В этом отношении либерализм заменил марксизм-ленинизм — похоже, как средство

продвижения «наверх», содержание которого не имеет значения.

Высшая школа экономики, и так получавшая львиную долю бюджетных денег на разработку реформ, с возвышением Набиуллиной упрочила своё положение. Не только потому, что её ректор был мужем министра: она исходно создавалась как центр подготовки либеральных кадров и исследований, обосновывающих уничтожающие Россию либеральные реформы.

Министерство Набиуллиной породило ряд скандалов. Так, с 2008 по 2011 год она вместе с министром образования РФ Андреем Фурсенко и гражданином Израиля Игалем Эрлихом входила в совет директоров «Российской венчурной компании», создававшей «национальную инвестиционную систему». Эффективность использования 30 млрд руб. бюджетных денег довела до проверки Генпрокуратуры, которая выявила вывод средств в США, в том числе — на счета фиктивных компаний.

Расходы на собственные нужды РВК за 2007 год составили 107 млн руб., из них на зарплату 35 сотрудникам — 36 млн руб. В 2008 году они выросли до 290 млн руб., вдвое превысив расходы Роснауки на реализацию федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса РФ на 2007–2012 гг.».

Генпрокуратура убедилась, что РВК не была заинтересована в реализации венчурных проектов: размещение средств бюджета на депозитах давало ей более высокую гарантированную прибыль. «Государство не получило от этих проектов прибыли и инноваций» — в том числе «в связи с отсутствием должного контроля» со стороны Набиуллиной, но для неё «оргвыводов» не последовало.

А ведь, помимо РВК, Набиуллина входила в советы директоров «Газпрома» и РАО «ЕЭС России», а также в попечительский совет пресловутого фонда «Сколково», о котором сейчас стараются не вспоминать.

Впрочем, оставались без последствий и сообщения о безобразиях,

творимых в самой системе Минэкономразвития РФ.

Характерна жалоба сотрудников подведомственного Росреестру (подчинённого Минэкономразвитию) ФГУП «Земля» на нецелевое использование 19 млрд руб. (около половины бюджета Росреестра), проходящих через организуемые им конкурсы по госзакупкам. В жалобе указывалось: «Руководители ФКЦ «Земля» выписали себе за создание неработающего сайта премии по 1 150 000 рублей, а рядовым сотрудникам — по 1 тысяче рублей».

Жалоба осталась без внимания, и воровство, похоже, успешно продолжалось.

Создавая миф о своём скромном образе жизни, Набиуллина умудрилась прославиться феерическими требованиями к служебной мебели. Она желала иметь стол с художественной инкрустацией, а кресло — с золотыми гвоздиками (не цветами). Получившее огласку техзадание предусматривало: «Стол... цвета «мраморная вишня» должен быть изготовлен из массива итальянского ореха, иметь вставки шпона и кожи ручной работы. Он должен быть инструктирован способом маркетри Луи XIV (техника, предполагающая создание мозаики из разноцветного дерева), а также украшен его фурнитурой, ручками и декоративными элементами из состаренной бронзы с позолотой... Каркас кресла должен быть выполнен из массива бука, а само кресло — из кожи Narra-Lux (особый вид замши). Подлокотники... кресла должны быть также из массива бука с кожаными накладками и окантовкой золотыми гвоздиками».

Самый серьёзный скандал чуть не разразился вскоре после назначения Набиуллиной. 31 октября в Москве её служебная «Ауди А8» протаранила «Жигули», отлетевшие на 30 метров. Пассажиры «Ауди», женщина и мужчина, уехали с места трагедии. Вдова погибшего водителя «Жигулей» изумилась пропаже из дела фотографий и подписанной участниками схемы происшествия, которую заменили на противоположную, а водитель «Ауди» заявил, что ехал со скоростью

20 км/ч. «Новая газета» обещала расследовать дело, но скандал сошел на нет — возможно, потому, что потенциальным фигурантом был не сын С.Б. Иванова, а член либерального клана...

САМАЯ ДОРОГАЯ ЖЕНЩИНА РОССИИ

Готовность Набиуллиной «тихо тянуть лямку» понравилась Путину и, перейдя из премьеров в президенты, он забрал её с собой: в мае 2012 года она стала его помощником, а весной 2013 года возглавила Банк России. К тому времени её банковский опыт сводился к году пребывания в банке Бендукидзе.

Предшественник Эльвиры Сахбазовны Сергей Игнатьев тоже не был банкиром, но он старательно учился у команды профессионалов, собранных Виктором Геращенко. Набиуллина не показывала склонности к учебе, да и из команды Геращенко остались немногие.

Жёсткое закрытие неплатёжеспособных банков оправданно в том числе и кризисом, но сейчас, насколько можно судить, оно напоминает не только оздоровление банковской системы, но и рейдерство.

В конце 2013 года руководство Банка России объявило о фактическом уходе с валютного рынка и снятии с себя ответственности за стабильность рубля. Эти идеологически верные заявления (так как с точки зрения глобального бизнеса, которому служат либералы, государство должно дать свободу его спекуляциям) уже в январе 2014 года привели к девальвации рубля и паническому бегству капиталов (20 млрд долл. за месяц!). Ведь неадекватность регулятора — угроза нормальному бизнесу.

Вынужденно вернувшись к своим конституционным обязанностям по поддержке рубля, Набиуллина сделала работу Банка России на валютном рынке полностью прозрачной. Доведя до абсурда принцип «транспарентности», она формализовала деятельность Банка России и опубликовала её правила. В итоге валютные спекулянты, заранее зная все шаги Банка России, вели беспроигрышную игру, перека-

чивая в свои карманы международные резервы, сжимавшиеся как шагреновая кожа. В начале ноября из-за короткой недели (одним из рабочих дней которой было праздничное для половины страны 7 ноября) активность обычных участников валютного рынка резко упала, создав идеальные возможности спекулятивной атаки. Поскольку Банк России продолжал действовать по инструкции, спекулянты обвалили рубль.

Либералы воспользовались паникой и объявили об уходе Банка России с валютного рынка: курс рубля-де должен определяться свободной игрой рыночных сил, балансом спроса и предложения. Винить одну Набиуллину не стоит: похоже, она дисциплинированно исполнила команду «старшего» по либеральному клану — Кудрина, призывавшего именно к этим мерам.

По степени разумности они напоминали утверждение, что единственным путем спасения капусты является запуск в огород голодных козлов, но Набиуллина, производящая впечатление бессмысленно зазубривающей слова профессором аспирантки, вряд ли способна на самостоятельные шаги.

А либеральный клан к тому времени уже, похоже, начал сознательно дестабилизировать положение в России, чтобы довести людей до отчаяния и обеспечить свержение Путина в интересах глобального бизнеса, — и Набиуллина стала его инструментом.

Как и на Украине, главный инструмент разрушения хозяйственной жизни (после присоединения к ВТО на заведомо колониальных условиях) — запредельное повышение ставки рефинансирования.

В ночь с 15 на 16 декабря, не в силах бороться против стимулируемых им же самим валютных спекулянтов, Банк России поднял ставку с 10,5 до 17,0%. Само принятие решения ночью — признак паники.

Скачок процентной ставки, как и в прошлые разы, в 2014 году стал для спекулянтов сигналом к атаке, а Банк России подыграл им, сократив свое присутствие на рынке. Серия «технических ошибок» на ММВБ (ответственный за её соответствующий

сектор Роман Сульжик уволился после появления в соцсетях его фотографий в обнимку с американским сенатором Джоном Маккейном на киевском Евромайдане) усилила падение рубля, которое стало катастрофическим: рубль упал вдвое за 3 часа. Курс евро превысил 100 рублей, ряд обменных пунктов прекратили продажу валюты. Эта вакханалия сопровождалась издевательскими призывами к россиянам держать деньги в рублях. Еще в начале 2014 года высокопоставленные либералы грозили, что купившие доллар по 35 рублей пожалеют об этом, — и некоторые им верили!

Сверхжесткая финансовая политика поддержала рубль, но (как и снижение процентной ставки Банка России) ударила по экономике: кредит, как и в 90-е годы, сделан запретительно дорогим для всех, кроме валютных спекулянтов. Легальный бизнес был подорван, возникла угроза хозяйственного коллапса вроде грозившего России между дефолтом 1998 года и созданием правительства Примакова.

Вышедшие из кровавых 90-х либералы мечтают ввергнуть Россию обратно в то время, когда им принадлежала полнота власти, спекуляций и грабежа нашей Родины. В области, контролируемой Банком России, они это сделали.

Банк России отказывается от современных технологий стабилизации валютного рынка. В начале 2010-х безупречно рыночная Великобритания с конвертируемым фунтом стерлингов предупредила, что при дестабилизации еврозоны может ограничить движение спекулятивных капиталов, но либералы считают это недопустимым для России.

Все развитые страны на нашем этапе развития финансовой системы разделяли инвестиционные и спекулятивные деньги (не давая направлять средства для модернизации реального сектора на фондовые и валютные спекуляции): собственно, благодаря этому они и стали развитыми! США отменили это разделение в 1999 году, а Япония — годом позже. Но российские либералы не заикаются об этом: «что позволено Юпитеру, не позволено быку».

А Набиуллина бесстыдно снимает с себя ответственность за стабильность валюты, попирая и Конституцию, и закон о Банке России.

Не желая признавать ответственность Банка России за экономическое развитие, Набиуллина намерена отвечать на инфляцию, не подозревая, похоже, что в России она определяется произволом монополий, а не денежной массой.

Еще бы! — ведь об этом вряд ли написано в «экономиксе» для американских первокурсников!

Между тем в 2014 году финансовая политика ужесточилась втрое, а инфляция выросла почти в два раза.

Намерение Набиуллиной отвечать не за определяемый ею курс рубля, а за инфляцию, к которой она не имеет отношения, напоминает намерение гинеколога лечить головную боль.

Не понимая, что валютный курс — не столько индикатор состояния экономики, сколько инструмент, определяющий это состояние, руководство Банка России порождает ощущение своей невменяемости. Недаром В.В. Герашенко на вопрос, что бы он сделал на месте Набиуллиной, ответил: «Застрелился».

Но эта невменяемость, похоже, небескорытна.

В конце октября никто не мог представить повышение Банком России ставки на 1,5 процентных пункта: все помнили, как в марте оно вызвало атаку спекулянтов, провал рубля и валютные потери.

Но перед принятием решения рубль резко укрепился: похоже, какой-то крупный спекулянт узнал о нем заранее и сыграл на опережение, совершив ошибку вместе с Банком России. Признак преступления налицо. В любой развитой стране это вызвало бы шок, и нацбанк первым инициировал бы расследование, чтобы обезвредить инсайдера. Но Набиуллина не проявила активности, а нарушение закона, которое не преследуется, является нормой.

Возглавляемый Набиуллиной ЦБ РФ производит впечатление последовательного врага и разрушителя России, несовместимого с сохранением нашей страны и общества.

Копирующая политику не только 90-х годов, но и украинских властей, доведшую страну до Майдана и прихода к власти нацистов, Набиуллина стала самой дорогой женщиной в истории: в 2014 году она обошла России в 124 млрд долл. сокращения международных резервов, за январь-февраль 2015 года — еще в 25 млрд, и эта цена продолжает расти с каждым днём.

Владимир Познер — патриарх российской журналистики. Его авторитет почти абсолютен, мнение вызывает интерес и пользуется уважением, а право судить, «что морально, а что аморально; что этично, а что неэтично» (как показано в культовом фильме «День выборов») не оспаривается.

Он не скрывает: «В России меня держит только работа. Я не русский человек, это не моя родина... я не чувствую себя здесь... дома — и от этого очень страдаю. Я чувствую в России себя чужим. И если у меня нет работы, я поеду туда, где чувствую себя дома».

На вопрос, какой период истории России он предпочел бы для жизни, Познер отвечает: «Никакой... Российские времена почти всегда оставались тёмными, тяжёлыми и страшными, мне... не хочется туда. Даже в русских народных сказках не нахожу близких... персонажей... Единственный человек, перед которым преклоняюсь, — Пушкин, однако он... нерусский. И дело даже не в происхождении, а во внутреннем складе... В нём столько силы, юмора, блеска! Эфиопская прививка... сильно сказывалась».

Каким же образом «властелином дум» нашего общества стал человек, считающий себя чужим ему и «очень страдающий» в нём? Считающий «неживыми» и «ненастоящими» персонажей сказок, которые выражают архетип народа, полагающий полностью русского по культуре и воспитанию Пушкина «нерусским» просто потому, что он «светел и оптимистичен, хотя порой и трагичен»? Озаглавивший статью «Российское стадо вряд ли изменится за время моей жизни»?

И какие последствия это имеет?

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО: «ДИТЯ МИРА»

Познер родился в Париже 1 апреля 1934 года и был крещён в соборе Парижской Богоматери. Отец, уехавший из Петрограда в 1922 году, не хотел обременять себя семьей, и мама-француженка уехала с трехмесячным сыном к родственникам в США, где можно

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

«Физиолог ЧЕЛОВЕКОВ»

Почему нынешние времена стали «временами» Владимира Познера

было найти работу: благодаря Рузвельту они, в отличие от Франции, выкарабкивались из Великой депрессии.

Отца маленький Володя увидел лишь в пять лет, когда тот восстановил семью, которая вновь перебралась во Францию, но менее чем через год Познерам пришлось с трудом возвращаться в США: под немецкой оккупацией отцу находиться было опасно.

В 1941 году СССР, вернув Прибалтику, давал советские паспорта её уроженцам и их потомкам: так дотеле не имевший гражданства отец По-

знера получил в Нью-Йорке советское гражданство как сын уроженца Литвы.

Познер учился в дорогих частных школах, поскольку отец зарабатывал огромные тогда деньги: до четверти миллиона долларов в год. В 1943 году он был начальником русской секции отдела кинематографии Минобороны США. Познер настаивает: «отец не был... агентом», раз «он помогал СССР по убеждению и... бескорыстно». Почему агент не может быть бескорыстным и что плохого в его статусе, неясно, но известен даже «агентурный»

псевдоним «не бывшего агентом» отца Познера — «Каллистрат».

Холодная война вынудила семью, глава которой был гражданином СССР, покинуть США. В конце 1948 года она переехала в советскую зону Берлина: отец был приглашен правительством СССР в «Совэкспортфильм».

Несмотря на советы не покидать ГДР, так как вернувшихся на родину эмигрантов в то время часто сажали, семья в конце 1952 года переехала в СССР. Лишь там, в свои 19 лет, Познер-младший освоил русский язык.

СОВЕТСКОЕ ПРОЦВЕТЕНИЕ: ОТ АГИТПРОПА К «ПЕВЦУ ПЕРЕСТРОЙКИ»

В 1953 году он поступил в МГУ на биолого-почвенный факультет. Сначала его не взяли, но незнакомая женщина предупредила, что причина — национальность. В гостинице «Метрополь» (где скромно жила семья) он накинулся на отца с упреками: «Куда ты меня привёз? В Америке меня били, когда я защищал негров, но тут ещё большие националисты!» — и тот через полтора месяца добился его зачисления.

За это время Познера, владевшего английским, немецким и французским, пытались призвать в армию и отправить в разведшколу, а когда он отказался (ведь недостойный МГУ не может быть достоин работы в разведке), грозили призвать на флот на 5 лет. Затем Познер, по его словам, еще дважды (по совету отца) отказывался сотрудничать с КГБ, хотя и писал «изложения собственных взглядов без называния фамилий», за что его «в Америку не выпускали 30 лет».

В 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодёжи, Познер «общался с американцами... и... почувствовал: с ними мне... проще, лучше их понимаю, скучаю по Штатам, это родное, мой дом там, за океаном». Его намерению бежать в США воспротивился отец.

В том же году Познер женился на дочери секретаря Союза композиторов СССР.

В 1958 году окончил МГУ по специальности «физиология человека» и стал

зарабатывать научными переводами. «Для души» переводил иностранных поэтов, надеясь сделать это профессией. Переводы попали к Маршаку; тот, отметив талант молодого человека, пригласил его стать своим литературным секретарем — отвечать на письма.

Когда Маршак отобрал переводы Познера для публикации, тот отказался от помощи и передал их вперемешку с переводами самого Маршака под своим именем в «Новый мир». Тот отверг все работы; то, что переводы Познера не отличили от Маршака, — признак его высокого уровня. Маршак восхитился проделкой, хотя и возмутился для порядка.

Увидев, что оценивается фамилия, а не мастерство, Познер начал искать другую работу. В октябре 1961 года, благодаря владению тремя языками, он стал сразу старшим редактором в только что созданном Агентстве печати «Новости»; его зарплата сразу выросла с 70 до головокружительных 190 руб. Потом он говорил, что эта работа привлекала его возможностями ездить по стране и заводить знакомства.

В 1965 году Познер стал ответственным секретарем «глянцевого» пропагандистского журнала *Soviet life*, потом был переведен в журнал «Спутник», в 1967 году вступил в КПСС и развёлся. Вновь женился в 1969 году и на следующий год начал вести радиопередачу «Голос Москвы» на США и Англию (вёл её до конца 1985 года).

Познер говорит: «Долгое время я... был убежденным сторонником советской власти, и моё разочарование в ней... происходило... медленно... Первым тяжёлым ударом стал... 68-й год... Постепенно мне пришлось признать себе, что я потерял веру...»

Тем не менее и после «тяжёлого удара» и, вероятно, даже после «потери веры» он был эффективным пропагандистом. Эмигранты и через четверть века вспоминали объяснение им разгрома «бульдозерной выставки» в 1974 году: мол, в СССР земля принадлежит государству, и художники просто нарушили право собственности. «Представьте, что на Вашу лужайку перед Вашим домом пришла бы толпа

и без Вашего разрешения устроила бы выставку, — что бы Вы сделали? Так же поступило и советское государство».

Познер пользовался доверием руководства: «Руководитель Гостелерадио Лапин был классическим антисемитом, но... поручился за меня и отправил на международный телефестиваль на озеро Балатон» в 1977 году. Интересно, делают ли современные «общечеловеки» добро чуждым им (если Лапин и вправду был антисемитом) подчинённым, — но Познер, похоже, об этом не думал.

Освещение Олимпийских игр 1980 года принесло ему медаль «За трудовую доблесть».

5 сентября 1982 года видеосвязь объединила четверть миллиона молодых участников фестиваля в пригороде Лос-Анджелеса с советскими сверстниками в студии Останкино. Вели телемост популярный телеведущий Фил Донахью и Владимир Познер, который был известен в США своей радиопередачей.

Перестройка и «новое мышление» вернули (с личного разрешения Горбачёва) этот жанр, который сделал Познера известным и внутри СССР: в декабре 1985 года он провел телемост Ленинград — Сиэтл «Встреча в верхах рядовых граждан», а через год — телемост Ленинград — Бостон «Женщины говорят с женщинами», где прозвучало знаменитое: «В СССР секса нет». Смех аудитории заглушил продолжение фразы: «А есть любовь». Познер не привлек внимания к этому, обеспечив искажённое восприятие фразы, порочившее СССР.

Телемосты помогли Познеру сделать новый шаг в карьере, перейдя с радио на телевидение и с внешней аудитории на внутреннюю. В 1986 году он стал политическим обозревателем Центрального телевидения, а с 1988 года начал вести «Воскресный вечер с Владимиром Познером» (дожившую в ином формате до настоящего времени).

В 1990 году он опубликовал в США автобиографию «Прощание с иллюзиями», удовлетворив потребность американского общества в подтверждение его правоты. Книга держалась в списке

бестселлеров New York Times 12 недель, что открыло ему перспективы в «земле обетованной» перестроенной интеллигенции — США.

После этого, по словам Познера, не желая терять независимость суждений и тем более — становиться выразителем мнения государства, профессиональный пропагандист в апреле 1991 года уволился с Гостелерадио, вышел из КПСС и уехал в Нью-Йорк, приняв предложение Донахью вести совместную передачу.

Вероятно, принципиальности Познера помогло и ухудшение ситуации в СССР: конфискационный обмен денег конца января 1991 года и трёхкратное повышение цен 2 апреля.

ПЕВЕЦ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ

В 1992 году Познер вошел в жюри основанной Березовским премии в области искусства «Триумф».

После стабилизации России с 1993 года он стал ежемесячно летать в Москву записывать еженедельные программы.

В марте 1994 года, через полгода после расстрела Дома Советов, был награжден орденом «Дружбы народов».

В 1996 году программа «Познер и Донахью» была снята с эфира. Руководство CNBC, по словам Познера, потребовало права вмешиваться в определение тем и персоналий гостей программы, а после отказа не стало продлевать контракт.

В том же 1996 году по тем же причинам закрылась передача «Познер и Дональд Хилл». Попытка вести авторскую передачу не удалась. Оставшемуся без заработка Познеру «в Америке стало как-то кисло», и в феврале 1997 года он вернулся в Россию. Помимо работы на телевидении стал вести программу на «Радио 7 на семи холмах», за которую получил от американского владельца 15% акций этой радиостанции, тогда оценивавшиеся в 350 тыс. долл. Продав их в 2003 году, Познер, по его словам, получил «свой первый миллион долларов».

В 1997 году американское общество «За лучший мир» присудило ему свою золотую медаль, а в конце 1999 года был награжден российским орденом Почёта — «за заслуги в области культуры и в связи с 75-летием радиовещания в России».

С ноября 2000-го Познер вёл ток-шоу «Времена». Интерес к нему уже снижался; в 2005 году на вручении премии «Человек года» в номинации «Телевидение» Познер занял лишь третье место, уступив Канделаки и Малахову. Правда, в 2006 году был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

В июле 2008 года «Времена» закрылись. Вдоволь нажаловавшись на то, что ему «пришлось закрыть программу, поскольку приходилось идти на слишком большие компромиссы» (в США он таких жалоб себе, по-видимому, не позволял), он открыл на том же канале однотипную программу «Познер», выходящую и сейчас.

В том же 2008 году женился в третий раз (второй брак длился 36 лет, с 1969 по 2005 год); через несколько лет юбилейное телеинтервью с ним было названо «В 80 лет жизнь только начинается».

С апреля по июнь 2012 года вместе с Парфёновым на телеканале «Дождь» вёл передачу, по безыскусной традиции названную именами ведущих. После его жалобы в эфире «Дождя» на административную Первого канала (она-де, не даёт ему пригласить Навального) та попросила определиться, и Познер предпочёл «свободному» «Дождю» более выгодный Первый канал.

По словам Познера, ограничения его свободы на Первом канале сводились к неукоснительно соблюдаемой им договорённости с Константином Эрнстом не приглашать нежелательных лиц и правом последнего (которым тот пользовался, похоже, дважды) снимать части передач с эфира.

Когда в декабре 2012 года Познер, критикуя запрет гражданам США усыновлять российских детей, назвал Госдуму «Госдурой», он извинился за выпад, но заявил, что передача шла в записи и, значит, окончательную ответственность несёт Эрнст.

В 2004 году Познер с братом открыли в Москве ресторан французской кухни «Жеральдин»; банк инвестора со скандалом обанкротился в следующем же году.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Одним из проектов, принесших Познеру авторитет в России, стала созданная в 1994 году для объединения интересов телеканалов, телевещателей и телепроизводителей Академия российского телевидения, учредившая премию ТЭФИ.

Её вручению сопутствовали скандалы; так, в 1997 году, перепутав конверты, её с шутками вручили погибшим журналистам. Познер, будучи президентом академии, получал премию в 1998, 2001 и 2004 годах, не ощущая конфликта интересов.

В 2007 году НТВ и ТНТ, бывшие учредителями академии, вышли из неё, а в 2008 году от участия в ТЭФИ отказался ВГТРК: «академиков» обвиняли в непрофессионализме, а критерии оценки оспаривались. Это девальвировало премию и поставило под угрозу академию.

В результате в 2008 году Познер снял свою кандидатуру с выборов её главы. Ранее он заявлял, что по уставу академии покинет пост после второго срока, но его кандидатура всё же оказалась выдвинутой (раз её пришлось «снимать»). Его сменил Швыдкой — и Познер получил ТЭФИ ещё в 2009, 2010 и 2012 годах.

ВКЛАД В РАЗРУШЕНИЕ СТАРОЙ МОСКВЫ

В 1997 году Познер со своей второй женой открыл в Москве «Школу телевизионного мастерства» для молодых региональных тележурналистов. На курс принимали до 12 человек.

Распоряжением мэра Лужкова в 1999 году под школу на 49 лет был выделен участок в 20 соток в центре Москвы, на Малой Дмитровке. В семизэтажном доме школе предназна-

чалось 10% площади, инвестору 70%, городу — 20%.

Через два года «в ансамбль комплекса школы» включили соседний дом — памятник архитектуры с мастерскими московских художников. Начался скандал, прошёл ряд акций протеста, и прокуратура Москвы предписала исправить нарушения. В итоге памятник архитектуры включили в здание школы Познера как конструктивный элемент, а жалобы жителей успеха не возымели.

На этом фоне поразительным по цинизму стало в 2007 году участие Познера в социальной рекламе с фразой «Я люблю Москву, которой почти больше нет: тихую, старую, со скрипом снега под ногами». На один из билбордов с его портретом и этой фразой наклеили нецензурное напоминание об участии Познера в уничтожении Москвы, которую он якобы так любит.

ПОЗНЕР И УКРАИНА

В 2013 году Познера признали «человеком года» на Украине — и буквально смешали с грязью за ответ на стереотипный вопрос «Кто для Вас украинцы?»

Познер сказал, что плохо знает украинцев, но знает, что их много было среди надзирателей сталинских лагерей. Для либерала, воспринимающего историю «этой» страны как историю ужаса и террора, восприятие всего через призму «сталинских лагерей» естественно, как и пренебрежение украинцами на фоне его отношения к русским.

Познер похвалил Украину за еду и песни, укорил за отношение к русскому языку и не смог сказать ничего больше.

Естественное для «гражданина мира» отсутствие интереса к Украине вызвало на ней проклятия и клеймение позором, было воспринято (в том числе и либералами в России) если не как сознательное оскорбление, то как недопустимое пренебрежение, породило манифестацию местечковой озлобленной мании величия.

А в 2014 году, в разгар гражданской войны на Украине, рассуждавший до того о «плешином мальчике, кото-

рый хочет войти в историю», Познер заявил: «Не думаю, что правильно... полагать, что за происходящее на юго-востоке... отвечает Путин или русские... Мы не можем говорить о серьёзном российском военном присутствии, потому что, если бы оно было, — для украинской армии всё бы закончилось».

Это вызвало шок среди российских либералов, и они начали проклинать и «люто, бешено ненавидеть» Познера как изменника святому для них делу русофобии. Хотя тот, вероятно, лишь сохранял видимость объективности или демонстрировал лояльность властям РФ для сохранения привычных доходов.

ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ

Больше всего потрясает в Познере — вероятно, по контрасту с выстраиваемым им образом мудрого, взвешенного и объективного патриарха — готовность лгать.

Автор, помнится, испытал шок в середине нулевых, услышав на одной из конференций, как Познер объяснял беды России графой «национальность» в российском паспорте. Он просто не мог не знать, что в российском паспорте, в отличие от советского (а с распада СССР прошло уже более 12 лет), такой графы нет.

Когда надо, уроженец Парижа Познер на голубом глазу заявляет: «Я родился в СССР».

Весной 2014 года, обвиняя наши СМИ в том, что они не представляют противоречащие позиции государства мнения (ведущий Первого канала не мог не знать, что это ложь, хотя бы на личном опыте), Познер предусмотрительно указывал, что «в последнее время почти не смотрел три наших главных телеканала» и потому, возможно, ошибается.

Но той же весной тот же Познер на заседании президентского Совета по правам человека говорил противоположное: «Я внимательно смотрю программы, имеющие отношение к общественно-политической тематике, на Первом канале, на Втором, на НТВ».

Похоже, для него, как и для других либеральных пропагандистов, понятия «правда» не существует: они просто говорят то, что им выгодно.

Важная для Познера (атеиста, крещенного по католическому обряду) тема — обличение православия, «тёмной и закрытой» религии: «одна из величайших трагедий... — принятие православия... Русская православная церковь нанесла колоссальный вред России».

Нападки на православие, с которым неразрывно связана русская культура, органично сочетаются с призывами к легализации наркотиков, включая «тяжёлые»: мол, если они будут стоить гроши, их никто не будет покупать, и всеобщая доступность наркотиков снизит их потребление. При этом По-

знер сам описывает, что наркомафия «подсаживает» людей на наркотики именно тем способом, который он рекламирует: дешёвой раздачей!

Познер умеет обеспечивать себе максимум комфорта. Он встречает новогодние праздники на карибском курорте для миллионеров Сен-Бартс и выбрал себе такое место, потому что Абрамович построил там свой дом.

Его отношение к людям выражает как-то, помнится, трепетно рассказанная им история об отказе знакомому от дома за отпечатки губ, оставленные на бокале. Качества того человека не были интересны, раз он не соответствовал снобистским критериям.

Другой случай разрыва отношений связан с переизданием в России автобиографии «Прощание с иллюзиями». Познер дополнил её главой о Сергее Михалкове, смешав того с грязью и рассказав со слов Маршака, что автором «Дяди Степы» был именно Маршак, полностью переписавший незрелое стихотворение молодого Михалкова.

Сын последнего, Андрей Кончаловский, более полувека бывший приятелем Познера, прекратил общение, удивившись: «Почему Познер дописал главу о Сергее Михалкове, когда того уже не стало? Ведь эта книга... вышла 18 лет назад в Америке, когда мой отец был жив и мог ему ответить».

Возможно, причина была именно в потребности дождаться, когда критикуемый уже не ответит, или в желании скандала для продажи книги.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ

Познер умело создаёт впечатление желания сгладить острые углы и объективно, отстранённо докопаться до «золотой середины». Отстранённость, порождённая, вероятно, отсутствием родины, помогла ему быть преданным власти коммунистом при Брежнев, певцом перестройки при Горбачёве, демократом при Ельцине, иностранцем при раннем Путине, а также, не принимая пропагандируемое близко к сердцу, продлить свою жизнь и работоспособность.

Равнодушие к судьбам чужих для него людей и стран позволяет быть эффективным, умело используя и передёргивание фактов, и натужное морализаторство, и имитацию объективности. Анализ его «творческой лаборатории» дан Сергеем Смирновым в книге «Времена лжи с Владимиром Познером»: «Каждая глава посвящена определённой передаче. Дается подробный разбор: о чём говорили, как говорили, где звучит откровенная ложь, где передёргивания потоньше, где умелая подмена понятий, а где беспардонное затыкание рта».

Один из действенных приёмов Познера как пропагандиста — демонстрация личного раскаяния. Он каялся так часто и так картинно, что обогатил фольклор фразой «Лучше Познер, чем никогда».

Характерны его слова, что он долго не мог простить своего отца не только за возвращение в СССР, но и за то, что тот так и не счёл это ошибкой. Похоже, он не мог простить отца и просто за то, что тот не стал каяться и не уподобился своему сыну. А представить, что отец мог делать это не из упрямства, а по убеждениям, действительно считая СССР лучше Запада, Познер, похоже, не в состоянии.

Умело производя впечатление профессионала, он, вероятно, сыграл важную роль в превращении недоверия к власти в неприменный критерий журналистского профессионализма.

Недоверие уравновешенного «патриарха» на уровне журналистской «массовки» вылилось в проповедь враждебности к власти как главного (а то и единственного) критерия профессионализма журналиста.

И вот уже в 2015 году, как сообщалось, при приеме на журфак МГУ отсеивали абитуриентов, не считавших, что Россия незаконно оккупировала Крым и ведет войну против Украины, и в целом не демонстрировавших признаков ненависти к своей стране. Помимо прочего это означало, что либералы требовали совершать для поступления в МГУ уголовное преступление (которым в РФ является отрицание принадлежности Крыма).

Таким образом, журфак МГУ, как и ряд других мест (особенно журфак «вши» — либеральной Высшей школы экономики, где долгие годы профессорствовала пресловутая Альбац), превращён, похоже, в конвейер по воспитанию ненависти и вражды к России под видом «журналистского профессионализма».

А если студент вдруг замечает что-то хорошее, сделанное властью, — поднимается вопль про «нерукопожатность» и «вон из профессии».

Принцип «каждый имеет право на своё мнение по поводу фактов, но никто не имеет право на свои факты» игнорируется: ради пестования ненависти к государству и стране студентов учат, отрицая реальность, иметь «свои факты».

Таким образом, журналисты, завтрашние властители общественного мнения, превращаются во врагов российской государственности.

Им ломают судьбы, а обществу ломают будущее, ибо враждебность критически значимой части молодёжи к основе общества, какой является государство (а не к его порокам), просто не даст стране существовать.

Позиция либералов определена интересами глобального бизнеса, которому они служат. Ради сокращения издержек в условиях глобального кризиса он ставит на слом России по образцу Ливии — чтобы договариваться о получении нефти не с правительством, а с запуганным мзром, например, Сургутом.

А у истоков этого процесса стоит, похоже, сочавшийся объективностью телеакадемик, разъясняющий, что профессионализм требует всего лишь «недоверия» к власти, называемой им в зависимости от аудитории то «плешивым мальчиком», то «Владимиром Владимировичем».

Страдающий в стране, в которой его держит, по его словам, только работа — то есть, по всей вероятности, приносимые ею деньги и власть, которые он, как и многие другие «рукопожатные либералы», не может получить ни в одном другом месте мира. Где они никому не нужны и никому не интересны.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Орден ВЕНЕДИКТИНЦЕВ

*О главном редакторе
радиостанции «Эхо Москвы»*

«Эхо Москвы» — ключевое либеральное медиа. То самое «не только коллективный пропагандист и... агитатор, но и коллективный организатор», о котором писал Ленин.

Оно первым в России создало полноценный интернет-портал, стало вкладывать на него расшифровки стенограмм, вывесило в коридор фотографии спикеров, создало «стену тщеславия» с благодарностями и приветствиями

(от президента США до пожарных), освоило интернет-видео и создало свою блогосферу, ввело регулярные опросы и рейтингование материалов...

Тем более интересен глава «Эха»: напоминающий взъерошенного садового гнома, не выносящий чеснок франкофил, купающийся в скандалах символ российской либеральной журналистики.

МЛАДШИЙ ЧЛЕН ОГРОМНОГО КЛАНА

Отец Венедиктова, офицер-подводник, погиб накануне (или сразу после) рождения Алёши в 1955 году. Дед по отцу был сотрудником НКВД, награждён орденом Красной Звезды за организацию заградотряда. Это роднит Венедиктова со многими либералами — потомками чекистов. Правда, он даже «никогда не говорил с мамой» о гибели отца, и, возможно, это не только тактичность, но и социальный выбор. Возможно, дед и отец, упоминаемые в биографиях поразительно скупы, часто без имён, олицетворяют то, борьбе с чем он посвятил свою постсоветскую жизнь.

Мама, Элеонора Абрамовна Дыховичная, была врачом-рентгенологом. Бабушка, Нина Абрамовна, — советским инженером-конструктором, преподавателем Московского архитектурного института, автором проекта инженерной реконструкции гостиницы «Украина», заслуженным строителем России. Прадед, Абрам Ионович Дыховичный, — известным инженером-конструктором, профессором МГУ.

Братья бабушки — сатирик и драматург Владимир и архитектор, профессор Юрий Дыховичные. Режиссер Иван Дыховичный — двоюродный дядя Венедиктова, а его двоюродный брат Алексей — ведущий на «Эхе». Музыкант Андрей Макаревич, по некоторым данным, — троюродный брат. «У нас огромная семья, огромный клан Дыховичных, — говорил Венедиктов, — и я самым младшим был».

«Огромный клан», да еще и успешно вписанный в советскую элиту, не мог не воспитывать «самого младшего» и не помогать ему даже самым фактом

своего существования. Но Венедиктов гордится: «Я человек, который сам себя сделал», — напоминая олигарха Прохорова, заявлявшего, что он всего добился только сам и честным трудом.

Правда, своим «социальным капиталом» выросший вольной хулиганской жизнью московского двора на Покровских воротах Венедиктов не воспользовался: поступил на вечернее отделение истфака пединститута и работал почтальоном.

Разнося почту иностранным корреспондентам, читал западную прессу, сравнивая её с советской.

В армию не попал из-за ужасного зрения (минус 10).

Окончив вуз в 1978 году, 20 лет проработал учителем истории, из которых 19 — в одной школе, получив звание «Отличник народного образования России». Правда, такое постоянство, возможно, было вызвано интересом к старшеклассницам, описанным им самим.

Обладая недюжинным умом, поддержкой и любознательностью, он, как почти все во время перестройки, интересовался политикой.

В августе 1990 года радиожурналисты Корзун и Бунтман, когда он «по-дружески пришел к ним закусить и выпить» на только что созданную ими радиостанцию «Эхо Москвы», попросили его посидеть под столом (другого места не было) — помочь выводить звонки радиослушателей в эфир.

Продолжая работать в школе, Венедиктов вырос до политического обозревателя.

В переворот 1993 года находился в Белом доме; в 1994 году, проявив мужество и смекалку, спас из дудаевского плена группу офицеров. По его словам, «мы прилетели в Грозный и пошли разговаривать к Дудаеву. Меня пустили к пленным, а те говорят: «Мы никуда не поедем». Их запугали. Я говорю: ... вот микрофон, скажите мне это под запись, я вашим родителям пленку отправлю, раз вы не едете, должен оправдаться перед вашими матерями... 16 человек согласились вернуться с нами. А человек 12 осталось, и... их следы потерялись».

В 1995 году Венедиктов возглавил информационную службу «Эха Москвы», в феврале 1998 года был избран главным редактором — и лишь тогда ушёл из школы.

РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА

Кипучая энергия в сочетании с холодным умом, умело применяемыми эмоциональностью и менторством сделали Венедиктова заметной фигурой российской политики.

За 10 первых лет его работы главным редактором аудитория «Эха» выросла на 20%, несмотря на открытие других «разговорных» радиостанций. В 2013 году выручка «Эха» составила 368,4 млн руб., чистая прибыль — 17,2 млн.

В 2001 году, в ходе разгрома медиаимперии Гусинского, попытавшегося продолжить привычный для него по 90-м годам шантаж власти на её же деньги, «Эхо Москвы» выстояло благодаря филигранной дипломатии Вене-

диктова. Сработали педагогические навыки: либеральное радио сохранило своё лицо (в отличие, например, от реформатированного НТВ и закрытой газеты «Сегодня»).

Компания «Газпром-медиа» к 2002 году довела свой пакет акций до 66,6%. 33,3% были выведены в офшор, акционерами которого были Гусинский, Малащенко, Венедиктов и ряд журналистов.

Умело и терпеливо дирижируя конфликтами, сочетая публичные заявления с неформальными сообщениями в соцсетях и закулисной дипломатией, он добился независимости «Эха Москвы» от формального владельца. Посягавшие на это представители последнего, от Коха до Лесина, теряли должности, что создало Венедиктову репутацию «непобедимого».

Изобретательно и рискованно, постоянно азартно и вместе с тем осмотрительно балансируя на грани фола, нападая на власть ради возможности оказывать ей уникальные услуги и оказывая ей услуги для зарабатывания индульгенции на будущие нападки, Венедиктов развивал радиостанцию, которая переросла в медиахолдинг.

В 2002 году либеральные журналисты НТВ, ушедшие на его клон ТВ-6, остались без работы. Используя их, Венедиктов создал «Эхо-ТВ», транслировавшее в интернет передачи «Эха Москвы» и ставшее партнёром телеканала RTVI, созданного Гусинским в Израиле для эмигрантов. В России RTVI был представлен через кабельные сети и угас к концу нулевых из-за утраты адекватности российским реалиям; в первой половине десятых был выкуплен близким к государству бизнесом, но развить его, похоже, не удалось.

В том же 2002 году Венедиктов возглавил радиостанцию «Арсенал» — запасную площадку на случай реального госконтроля за «Эхом», укрепив свою переговорную позицию. Когда опасность миновала, «Арсенал» был продан скандальному франко-израильскому бизнесмену Гайдамаку, пытавшемуся собрать медиахолдинг на базе газеты «Московские новости».

В 2007 году Венедиктов впервые вошел в совет директоров «Эха Москвы» как владелец 18% акций (возможно, частично номинальный; вряд ли Гусинскому, Малашенко и журналистам вместе принадлежало лишь 15%).

В ноябре 2011 года он принял участие в запуске интернет-портала PublicPost — симбиоза блогосферы и профессиональной журналистики. Но эту функцию уже выполняла блогосфера «Эха Москвы» (другие издания не могли даже приблизиться к её уровню), и проект был закрыт в июле 2013 года (формальной причиной называют матерщину в адрес В.В. Путина).

Похоже, проект был интересен его финансированием Сбербанком. В феврале 2014 года лидер «Альянса зеленых — Народная партия» Олег Митволь попросил МВД и Генпрокуратуру проверить законность вложения Сбербанком в этот портал 20 млн долл.: цена проекта, по его мнению, — 1,5 млн руб. Митволь обвинил Венедиктова в афере, нанесшей ему, как акционеру Сбербанка, ущерб.

Венедиктов заявил, что «перевод средств из Сбербанка не осуществлялся», и пообещал Митволю «большой штраф за клевету». После чего скандал, похоже, «спустили на тормозах».

В декабре 2011 года он при поддержке РИА «Новости» запустил интернет-портал «Дилетант.ру», на базе которого выпускал исторический журнал.

Венедиктов, отдавший преподаванию истории четверть века, занялся интересным делом. Внимание общества к истории обеспечивало спрос. Помощь РИА «Новости» (и заинтересованных инвесторов) — надёжный фундамент.

Но главное — восприятие истории определяет идентичность общества. Управление историей — не только её вульгарное (хотя действенное) «переписывание», но и расстановка акцентов, фокусировка внимания на одних событиях при игнорировании других. Достаточно вспомнить педалирование пакта Молотова — Риббентропа при игнорировании Мюнхенского соглашения. Или «стояния» Советской армии перед Варшавой в 1944 году при игнорировании её измотанности и рас-

стрела повстанцами советских связных. Или мифических «зверств Советской армии» при игнорировании реальных зверств немцев и американцев.

Изменение восприятия обществом истории, как показывает украинская катастрофа, меняет его до неузнаваемости.

Учитывая ненависть к России, демонстрируемую многими постоянными ораторами «Эха Москвы», политическое значение исторических проектов Венедиктова очевидно.

В конце 1999 года он был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени, в 2006 году — французским орденом Почетного легиона, в 2014 году — «Золотым крестом за заслуги перед Республикой Польша».

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ДЕЙСТВИИ

Венедиктов считает себя «махровым реакционером»: «В политике моими идеалами являются Рейган и Тэтчер», развернувшие Запад к ультралиберальным ценностям и завершившие постановку государств на службу не своим народам, а глобальному бизнесу.

Он говорит: «Я предоставляю слово тем, чьи идеи я считаю разрушительными... Либерал — это человек, который осуществляет не свою свободу, а свободу других». Прекрасная декларация в стиле Вольтера: «Эхо Москвы» даёт слово и противникам вроде патриотов Квачкова и Проханова.

«Кроме фашистов», — уточняет Венедиктов; но кто это, он решает сам. Это напоминает Геринга, заявившего, что сам решает, кто еврей, — и, судя по полутора сотням тысяч воевавших за Гитлера этнических евреев (только в советский плен их попало более 10 тысяч), это было политикой.

В соответствии с западными стандартами Венедиктов изображает нейтралитет и объективность. Пропаганда, как положено, ведётся подбором новостных поводов, тем и аспектов рассмотрения.

Оппоненты приглашаются дозированно: те, кто больше не может обосновать свою точку зрения, выставляет себя на посмешище или не воспринимается аудиторией. Нелибералы, способные

доказать свою правоту (и неудобные честные либералы вроде Пионтковского), отсеиваются как неинтересные слушателям. Порой против них организуются провокации с дикими обвинениями, исключаящими сотрудничество (так, автор в далеком 2008 году отреагировал в ЖЖ на внешнезапную неадекватность сотрудников «Эха» — и был обвинен Венедиктовым в оскорблении его «девочек»).

Венедиктов трактует оппонирование любой власти как едва ли не главный (и точно неотъемлемый) признак журналистского профессионализма.

Речь не о поиске истины, служении обществу или отражении реальности. Либеральный «профессионализм» запрещает журналисту поддерживать власть, даже если та права. Ведь глобальные монополии — хозяева современных либералов — по своей природе враждебны государственности. Это вынуждает либералов «оппонировать» всякой «власти» как силе, своим существованием мешающей их хозяину и потому подлежащей уничтожению.

Либерализм сделал свои интересы профессиональным стандартом. Ряд авторитетных вузов (не только пресловутая «вша» — Высшая школа экономики, сделавшая профессором одиозную либералку Альбац), по сути, калечит целые поколения, вбивая в сознание журналистов необходимость вражды к государству как условие принадлежности к профессии.

Это требует искоренения логического мышления, но это либеральной реформой образования и ЕГЭ делает государство. Результат — вера многих молодых журналистов в самые бредовые измышления вроде того, что «в 2008 году кровавый маньяк Путин вероломно напал на маленькую беззащитную Грузию», или что «Россия осуществляет военную агрессию, чтобы вернуть под власть олигархов народ Украины, мужественно сражающийся против кремлевских фашистов за свою свободу и демократию», или что «малайзийский «Боинг» над Украиной был сбит по прямому указанию опьяневшего от крови Путина», или что «Немцова убил Путин, потому что тот мешал ему воровать».

Агрессивная неадекватность заметной части журналистов, воспитанных на либеральных стандартах, проповедующих «Эхом Москвы» и Венедиктовым, — инструмент разрушения в интересах глобальных монополий не только «власти», но и скрепляемого ею общества.

Важно, что, говоря о враждебности «любой» власти как критерии профессионализма, либералы имеют в виду российскую власть. «Власти» стран Запада, в том числе враждебных России, для них обычно объекты не «оппонирования», но поклонения. Об их ошибках и пороках если и говорится, то вскользь, чтобы, показав объективность, перейти, насколько можно судить, к главному: смешиванию с грязью своей страны и народа под видом критики государства. Хотя, похоже, либералы чужды России, считая Родиной другие места.

Выделяя «оппонирование всякой власти» как критерий профессионализма, либеральные журналисты обычно оппонировать не «всякой», а именно российской власти — и в том, в чём она полезна обществу. Неэффективность, а то и порочность власти — лишь повод для нападок на Россию, каким при Советской власти был коммунизм, а при царской — самодержавие.

Разумеется, такая редакционная политика за четверть века принесла плоды.

Характер воспитанной ею аудитории таков, что в откликах на эфир, помнится, обычно присутствовали угрозы. Поэтому бегство из России со ссылкой на них ведущей «Эха Москвы» Жанны Немцовой (после убийства её отца, либерального политика, в 90-е около месяца считавшегося «наследником» Ельцина) странно: реагируй она на обратную связь, привыкла бы к угрозам.

В Москве доля «Эха» в 2014 году составила 7,1% радиослушателей, а у занявшего второе место «Русского радио» лишь 4,8%, но по России оно 11-е с 3,3% (первое — «Европа плюс» с 8%). «Эхо» слушают прежде всего мужчины старше 55 лет, из-за чего 70% рекламы — лекарства и БАДы. Поэтому доля «Эха» в Москве на рынке радиорекламы (по оценкам, лишь 2,4%) почти вдвое ниже доли по числу радиослушателей.

Как отмечают на самом «Эхе», «болото застоялось», но для политического влияния Венедиктова его достаточно.

«СЛУШАЙТЕ РАДИО: ОСТАЛЬНОЕ — ВИДИМОСТЬ»

Слоган «Эха Москвы», на диво, точно отражает мироощущение либералов. Ведь всей повседневной практикой окружающий мир постоянно разоблачает либерализм, обнажает его лживую и античеловеческую сущность, демонстрирует несовместимость обслуживаемых им интересов глобальных монополий с нормальностью.

Чтобы оставаться либералом в условиях либерального блокирования социально-экономического развития России, либерального уничтожения здравоохранения и образования, либерального поощрения произвола монополий и этнической преступности, надо зажмурить глаза. И, значит, признать окружающий мир пустой «видимостью», а реальностью — лишь медиасферу «Эха».

В результате последнее стало монопольным творцом мира либеральной тусовки. И этот монополизм, как любой, идёт к разращению и деградации. Прежде всего через неформальный запрет на критику. Почти любая внутрелиберальная критика «Эха» и Венедиктова вызывает испуганные протесты: мол, вы играете на руку душителям свободы слова из Кремля! А с другой стороны, похоже, ее карает и сам Венедиктов, ограничивая доступ критиканов к «свободе слова».

Самоочевидный факт — то, что либералы в российском обществе обладают наиболее тоталитарным мышлением, — подтверждается, например, тем, что блогосфера «Эха Москвы» является единственной медиаплощадкой России, где существует цензура.

Конечно, редакция опровергает это, ссылаясь на премодерацию, но блогеры указывают на конкретные случаи, когда их посты не допускались до публикации на их страницах. А модераторы «Эха Москвы», когда им не удавалось отмолчаться, невразумительно заявляли, что пост противоречил «редакционной политике», но в чём именно, сказать не могли.

Либерал Яковенко обвиняет «Эхо Москвы» (правда, в её же блогосфере такие обвинения допускаются): «С сайта «Эха» из-за цензуры был вынужден уйти... Пионтовский, незадолго до убийства... Немцова «Эхо» подвергло цензуре его блог».

Запрет на критику порождает убежденность в безнаказанности, а затем — трамвайное хамство. «Не нравится — слушайте другое радио!», «Аптека за углом!» и другие хамские формулы стали нормой общения Венедиктова (и не только его) с радиослушателями (и не только с ними).

Воинствующая безграмотность при безудержном апломбе — стиль «Эха».

Помнится, зампред «Мемориала», «профессиональный историк», кавалер «Ордена заслуг перед Республикой Польша» Петров накануне 65-летия Победы обвинил сталинский режим в аресте

1,5 млрд чел. только «с июля 1937-го по ноябрь 1938 года», причем на многократные уточнения потрясённой ведущей продолжал яростно настаивать (правда, говоря «полторы тысячи миллионов», — возможно, он забыл, как будет «миллиард» по-английски и тем более по-русски) и требовал от смеющихся сомневаться «читать документы, которые изданы в Международном фонде демократии». Правда, потом ведущей всё же удалось привести его в чувство, и он поведал уже о 1,5 млн человек. Другой «эксперт», помнится, порадовал сообщением о работе фондовой биржи в КНДР и, снисходительно объяснив поражённой ведущей, что фондовый рынок есть везде, пообещал показать северокорейские котировки.

Что уж говорить о ставшей символом «Эха Москвы» протееже Венедиктова Рябцевой, которая ошарашила даже Шендеровича заявлением, что в России живет 8 млн человек. Реакция Шендеровича тем более значима, что эти слова соответствует его подходу (как и многих других либералов) к разделению россиян хоть и не на «арийцев» и «унтерменшей» или «гоев», но на «людей» и «нелюдей» или «протоплазму».

Невыносимость деградации для профессионалов проявилась в уходе с «Эха» одного из его основателей Корзуна. Но то, что кажется безграмотностью, на деле — способ заглушить чужое мнение.

Яковенко пишет: «Практически все молодые журналисты «Эха»... вместо того, чтобы выявлять... «особое мнение» гостя, либо предъявляют публике своё «особое мнение», либо откровенно мешают гостю говорить... Сотрудница «Эха» активно мешают гостю, которого пригласили, чтобы он высказал своё мнение, это мнение высказать. Вместо этого занимается самоутверждением за счёт гостя».

Но идея, что не-либералов зовут на «Эхо» для выражения их мнений, на мой взгляд, ошибочна: скорее их приглашают для дискредитации их мнений. А то, что при их запутывании и «опускании» журналистка тешит самолюбие — лишь бонус. Правда, иногда ведущие начинают, как Рябцева,

верить, что их дело — «битый час вынуждать человека признать, что в нём нет дела, а есть только слова». Возможно, потому, что для большинства либералов это именно так.

НЕЗАМЕНИМЫЙ ПОМОЩНИК ВЛАСТИ

Секрет успеха Венедиктова не только в том, что «Эхо Москвы» служит для Запада знаком сохранения в России свободы слова. Периодически он выполняет важные для власти деликатные функции.

Это может быть снятие конфликта между главой Следственного комитета и главредом «Новой газеты», журналиста которой тот вывез в лес, как возмнившего о себе опера.

Или содействие переориентации протестующих 10 декабря 2011 года с площади Революции на безопасную для власти Болотную.

Или интервью украинским СМИ перед крымским референдумом, что всё решено и вопрос состоит лишь в недопущении кровопролития. Или публичная поддержка погрома здравоохранения Москвы.

Влияя на либералов, а во многом и управляя ими, Венедиктов имеет бесценный для власти манипулятивный ресурс.

И, предоставляя его, может чувствовать себя неуязвимым.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИКТАТОР

Эпатаж Венедиктова подчёркивает неуязвимость: смотрите, мне позволено всё, трепещите! Заяви другой о сексе со школьницами во время педагогической работы (и тем более как о чём-то нормальном и само собой разумеющемся), допусти он декларации в стиле «Воспитывать молодую сотрудницу сексом» или сообщи о поощрении им приказом сексуальных домогательств, — поднялась бы буря негодования.

Но демонстрация хамоватой резкости и аляповатости на грани безумия прикрывает гибкий и разносторонний ум.

Рябцева точна: «Он играет дурачка, от которого никто не ждёт нападок.

А внутри он собран и всегда готов уколоть... Никто не знает его истинных мотивов... У него во всем есть цель...»

Умело провоцируя скандалы и затем регулируя их, Венедиктов не даёт забыть «Эхо Москвы».

Пестуя представления о своём могуществе, он манипулирует именами президента В.В. Путина и его чиновников, но и демонстрирует наличие качественной инсайдерской информации, что важнее, инсайдерского её понимания, а также постоянно участвует в мероприятиях на высоком уровне.

Он пользуется абсолютным уважением и авторитетом в коллективе — все понимают: «Эхо Москвы» — это прежде всего он. Венедиктов правит железной диктаторской рукой, принимая все значимые решения. Не случайно в гостевой висит его огромный фото-портрет с кожаным бичом.

Он полностью ассоциирует себя с «Эхом». И жёсткий, порой истеричный и непредсказуемый стиль часто сочетается с мудростью, человечностью и даже трогательностью.

Но, как и многие другие либералы, Венедиктов, похоже, не представляет, что быть патриотом России можно бескорыстно. Защищая Макаревича после его выступления, де-факто поддержавшего нацистскую хунту, Венедиктов выразил убеждение, что возмущаться этим можно лишь «по заказу, или за деньги, или за желание получить лишнюю звёздочку на погон».

Фаворитка, хвастающаяся отношениями с ним почти так же, как тот хвастается отношениями с В.В. Путиным, поведала: «Он мне... рассказывал, что у него есть чёрный список врагов. И в ближайшие 20 лет будет каждому из них мстить и вычёркивать, кому отомстил... Уверена, что половина... уже вычеркнута».

Итак: Венедиктов собирается «мстить врагам» до 80 лет! Возможно, ему больше нечем будет заняться.

Да, сегодня положение «Эха Москвы» непоколебимо.

И если либералам удастся уничтожить Россию, оно лишь окрепнет. Но если Россия выстоит — сохранить его не удастся.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Либеральная принцесса

*Знает каждый, знает вся,
Как много тратит Ксения Собчак!*

КВН-2004

В ТЕНИ РОДИТЕЛЕЙ

Ксения Собчак родилась в ноябре 1981 года в Ленинграде в семье только что поженившихся преподавателей ЛГУ. Для обоих брак был вторым, оба после рождения дочери добились новых высот. Доцент юрфака ЛГУ Анатолий Собчак на следующий год со второй попытки стал доктором юридических наук (хотя в диссертации было так много ссылок на Ленина, что ВАК отправил её на переработку). Людмила Нарусова была редактором издательства и типографии, работала в библиотеке, в 1981 году стала ассистентом, а затем — и доцентом университета культуры и искусств.

В биографиях Собчак особо упоминаются её крёстные — похоже, для развеивания слухов, что её крёстным отцом был В.В. Путин.

В детстве занималась фортепиано, балетом при Мариинском театре и живописью при Эрмитаже; отдельно ей преподавал прославленный композитор Успенский. Училась в школе с углублённым изучением английского, окончила школу при педуниверситете.

Собчак говорила: «У меня аттестат без четвёрок. Либо пятёрки с плюсом за гуманитарные предметы, либо тройки с минусом за точные науки». В интервью к своему 33-летию признавалась: «Может, не вспомню всю таблицу умножения».

В 1988 году её отец, завкафедрой юрфака ЛГУ, вступил в КПСС (покинул её через год столпом демократического движения). Собчак вспоминала: «Мне было 7–8 лет, именно на этот возраст пришлось... политические перемены... И в моём... детском восприятии, политика — ...занятие, которое украло у меня папу».

С 1991 года Собчак как дочь демократического мэра Санкт-Петербурга везде ходила с телохранителями, стесняясь их.

Заслуживший репутацию авторитарного демагога, Собчак довёл второй город России до разрухи. Эта участь не была predetermined: достаточно сравнить Санкт-Петербург с Москвой, которую, не допустив бесплатной приватизации «по Чубайсу», спас Юрий Лужков. Город на Неве мог (и должен был) стать для Северо-Запада тем же, чем Москва для страны. Москвичи, посещавшие его при Собчаке, возвращались в шок; автор помнит предновогодний Невский, занесённый снегом, с одной (!) автомобильной колеёй.

А у дома Собчака в центре города, по рассказам петербуржцев, отапливалась мостовая — и либеральные реформаторы гордились роскошью, резко контрастировавшей с разрухой, во многом вызванной ими.

Двоюродная сестра вспоминала о Собчак: «Она была... смелой, непокорной, с сильным характером... Прислушивалась только к мнению отца... Обладала обострённым чувством справедливости. Когда ей было семь лет... купили у цыган жвачку, а это оказались конфеты. И Ксюша не побоялась, пошла разбираться, что было не так уж безопасно. Когда от неё отмахнулись, она стала кричать перед прилавком: «Люди, не покупайте! Это обман, это несправедливо!»

Мать, отношения с которой Собчак характеризует как «любовь-ненависть», отмечает: «читала много книг... В детстве мы вместо сказок читали ей Плутарха, Тацита, «Жизнь двенадцати цезарей» Светония... Наказания на неё не действовали, только убеждение».

СМИ отмечали, что Собчак с детства помнит В.В. Путина, который был близ-

ким сотрудником её отца. О преданности Путина Собчаку свидетельствует то, что, когда победивший его Яковлев позвал Путина в команду, тот ответил: «Лучше быть безработным, чем предателем», — понимая, что «безработным» означает «под уголовным делом».

СИМВОЛ ВУЛЬГАРНОСТИ

С 16 лет Собчак стала жить отдельно от родителей и, стремясь ко взрослой жизни в своём понимании, приучилась к клубам.

Первые скандальные даже по тем временам публикации, рисующие образ потрясающей пошлости и отвратительной, на физиологическом уровне, вульгарности, появились о Собчак в конце 90-х. Нарусова попросила оградить свою «несовершеннолетнюю дочь от травли и клеветы», но известность была приобретена и росла от скандала к скандалу. Собчак добилась статуса «светской львицы», завсегдатая «статусных вечеринок» и «русской Пэрис Хилтон». Самореклама через скандальные подробности личной жизни на полтора десятилетия, похоже, стала основным способом продвижения (писали даже, что она заявила о желании стать валютной проституткой).

Только по данным «Комсомольской правды» (на 2010 год) и только в «женихах» Собчак успели походить бизнесмены Лейбман («которого у Ксюши увела Анастасия Волочкова») и Шустерович (свадьба с которым, сорвавшись в последний момент, заслонила скандалы с его участием), Умар Джабраилов, певец Тимати, режиссёр её программы, гендиректор «Серебряного дождя», бизнесмен Малис. В ноябре 2011 года ей в эфире Первого канала признался в любви руководитель департамента культуры Москвы Капков, с которым она, как писали, «встречалась» около года.

В 1998 году она поступила на факультет международных отношений СПбГУ, в 2001-м — перевелась в МГИМО, в 2004-м стала магистром. В 2005 году Нарусова сообщала о её учёбе в аспирантуре — без последствий.

Ещё до окончания МГИМО в 2004 году Собчак пошла на теле-

видение: работать по специальности для неё, по её словам, «было бы мелко».

Правда, по её воспоминаниям, она пришла на телевидение раньше: «Мне было 18. Я приехала покорять Москву. Не прошла кастинг в программу «Афиша»... Я тогда не смогла справиться с текстом, запиналась бесконечно. Рыдала два дня. Потом пошла дальше по кастингам... И вот меня взяли вести «Дом-2». Я была счастлива». Возможно, неточность допущена интервьюером — Романом Супером с «Радио Свобода», сообщившим в 2014 году на «Снобе» со ссылкой на жену директора СВР Фрадкова, что тот два года живет в индуистском ашраме, превращая себя в подобие дерева.

Негодование, вызванное демонстрацией пошлости, предельного цинизма и эгоизма, презрения к окружающим как высшей доблести и моральной ценности быстро сделали Собчак известной. Её обвиняли в том, что она, используя имя и связи родителей, «стала эксплуатировать низменные человеческие страстишки» в телеэфире «для саморекламы и утоления неуёмного тщеславия». Шоу «Блондинка в шоколаде» ругали за то, что Собчак в нём «пропагандирует своё социальное превосходство, занимаясь на глазах у миллионов зрителей «высокобюджетным» шопингом».

Наибольшее негодование вызвал «Дом-2», активно, энергично и изощённо внедрявший в сознание молодежи тупость, пошлость, идеологию «потреблятства» и саморазрушающий эгоизм (не говоря о половой распущенности, напоминающей скорее животный мир, чем человеческий). Даже Собчак признавала, что в нём бывают «моменты пошловатые и даже вульгарные», тем не менее подчёркивая: «Для меня важно... подтягивать людей до себя. Я... учу ребят... Благодаря мне они взрослеют».

«Подтягивание» (или «опускание»?) многомиллионной молодёжной аудитории до уровня Собчак вызвало требование депутатов Мосгордумы закрыть «Дом-2», так как действия, в частности, Собчак, могут быть квалифицированы как «организация занятийprostitu-

цией другими лицами», «сутенёрство» и «сводничество».

По её мнению, «депутатам... не дала покоя моя популярность. Вот они решили урвать от неё кусок, но я стояла своё право на завоёванную мной славу». Ни качество этой «славы», ни последствия для воспринявших её ценности молодых людей «Ксюшу» не волновали; мысль о каких-то ценностях, кроме «славы» и денег, похоже, для неё недоступна.

Вероятно, Ксения убеждена: быть недовольным её хамством может лишь клинический неудачник, который ей просто завидует.

Успешно гоняясь за популярностью, Собчак не могла игнорировать моду на политическую активность: после Марии Гайдар, устраивавшей дебаты в рамках «Демократической альтернативы», в мае 2006 года она объявила о создании на свои средства и под своим лидерством молодёжного движения «Все свободны!». Собчак возвестила: «Борьба за права может быть весёлой. Мы хотим вести её свободно и непринуждённо», — на чём всё движение и кончилось.

В 2008 году группа родителей обвинила «Дом-2» в разрушении детской психики — и суд, наконец, запретил трансляцию передачи вне установленного законом времени с 23.00 до 04.00.

В июле 2008 года в прямом эфире радио «Маяк» Собчак изошла оскорблениями, угрожая своими связями и заявив, в частности: «Мужика давно не было у этой вашей ведущей Кати Гордон? Мне кажется, у неё критические дни». Ведущая резонно ответила в блоге: «Где бы ты, страшное существо, тусовалось, если бы не твой папа... и его... друзья?» После чего была уволена за непрофессионализм — мол, нельзя комментировать эфир вне его.

В начале 2010 года Собчак проиграла суд модели Родионовой, возмущённой хамством при вручении премии «Серебряная калоша»: после выхода фотоальбома, в котором та снялась обнажённой, Собчак объявила её победительницей в номинации «Голые и смешные». Моральный ущерб был оценён в 20 тыс. руб., но адвокат Добровинский назвал поражение Собчак шагом «в борьбе

за то, чтобы сломать некий синдром безнаказанности, сложившийся у некоторых российских медиаперсон, которые позволяют себе беспрестанно хамить и поливать грязью окружающих и при этом... создавать иллюзию своей... неприкосновенности и независимости от российских законов». В СМИ предполагалось, что «примеру Родионовой могут последовать и другие... оскорблённые Собчак люди», но большинство судиться с ней, похоже, побрезговало.

Уровень Собчак был таков, что на Украине аналог передачи «Давай поженимся», которую она начала вести на канале СТБ в сентябре 2011 года, закрыли уже в конце месяца.

Но это было выгодно: только за кризис с сентября 2008-го по сентябрь 2009 года доход Собчак, по данным Forbes, составил 1,2 млн долл. В 2015 году он был оценён тоже в 1,2 млн (5-е место среди российских звёзд).

Купив в феврале 2010-го менее 0,1% акций «Евросети» за чуть более 1 млн долл., в 2012-м она продала их за 2,3 млн. В июне 2010-го вложила 17 млн руб. в открытие с успешными московскими рестораторами кафе в центре Москвы, через полгода открыла совместный ресторан.

Нельзя, правда, исключить возможности того, что основная часть её богатств связана с лоббизмом, с использованием её связей и происхождения некоторыми из сблизившихся с ней бизнесменов, плативших подарками и высокооплачиваемыми выступлениями отнюдь не за интимные услуги.

ЛИЦО ЛИБЕРАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Собчак поддержала протест против итогов выборов в декабре 2011 года, «оседлав волну» общественного движения. 10 декабря она, как и ряд других шоуменов, успела на Болотную, а 24 декабря выступила на проспекте Сахарова, став самым узнаваемым лицом «белоленточного протеста».

Считающая русских «быдлом», а Россию — «страной генетического отребья», Собчак точно выразила дух либерального клана: «Я не считаю, что Путин... корыстолюбец. Гораздо

хуже: у него есть своя система ценностей».

7 февраля 2012 года MTV запустил программу «Госдеп с Собчак», но снял её с эфира после первого же выпуска о том, «Куда ведёт нас Путин». Гендиректор MTV заявил, что «зрителю MTV не очень интересна политическая окраска шоу, он жаждет развлечений», — притом что, по правдоподобным (из-за интереса к протесту) словам Собчак, аудитория шоу была вдвое выше, чем у других передач. Кроме того, его посмотрело около 100 тыс. пользователей интернета и прокомментировало большинство телекритиков.

Вероятно, шоу закрыли из-за намерения Собчак пригласить Навального.

Уже 9 февраля Собчак стала директором спецпроектов журнала «Сноб». Программа стала выходить на его интернет-портале, а со 2 марта — на телеканале РБК; в конце мая, похоже из-за событий 6–9 мая, её закрыли — но она успела получить премию как «Лучший проект в области политических медиа» (председателем жюри был единоросс Плигин, председатель Комитета Госдумы по госстроительству).

В том же феврале 2012 года на телеканале «Дождь» стало выходить ток-шоу «Собчак живьём». Она взяла интервью у Фридмана, Ходорковского (первое интервью после его освобождения, по словам Собчак, — по его желанию, так как всё время его заключения она постоянно писала ему и поддерживала его), Васильевой, Чичваркина, Полонского, Лукашенко и Саакашвили. Она говорила про себя как интервьюера: «Я — провокатор и очень этим горжусь... Есть... способы заставить человека сказать то, к чему он не готов... Я за то, чтобы поставить человека в неудобные рамки... с первого вопроса».

Осенью 2014 года Собчак в рамках этого подхода, по сути, уволила помогшего ей помощника Лукашенко: «Бывшая «светская львица»... вела себя... развязно. Как будто она — звезда, а перед ней чуть ли не мальчик. Шутила (ей казалось, видимо, что умно) на тему непростой личной ситуации Александра Григорьевича — у него ратёт внебрачный сын Коля».

В марте 2012-го она с группой либералов была обвинена в уничтожении камеры и избиении двух репортеров Life News, пытавшихся снимать их в ресторане Собчак (через полгода дело было закрыто «по примирению сторон»).

В начале апреля её освистали на вручении кинопремий «Ника». Со ведущий попросил её воздержаться от политических дискуссий на празднике, но та, заявив: «У нас свобода слова. И я имею право задавать вопросы, которые считаю нужными», — спросила Чулпан Хаматову, получавшую приз за помощь больным детям, стала бы та агитировать за В.В. Путина, если бы не занималась благотворительностью (подразумевалось, что это занятие делает её зависимой от властей). Аудитория, критично относившаяся к В.В. Путину, не простила ей бессмысленного глумления над уважаемой и, в отличие от Собчак, помогающей людям актрисой. Многие полагали, что выпад был вызван не политической ролью, которую она примеряла на себя, а завистью к Чулпан Хаматовой.

В апреле же на созданном по инициативе Саакашвили «Первом информационном кавказском» телеканале Собчак запустила программу «Главная тема», существовавшую до июня.

6 мая на Болотную Собчак не пошла: как потом заявила, знала, что демонстрация будет нацелена на радикализацию. Возможно, слух о её участии в тусовке либералов в ресторане по ходу колонны протестующих и её тосте: «Мы должны выпить за этих людей, готовых отдать свои жизни за нашу власть!» — распускали её фанаты или даже она сама.

8 мая, в предпоследний день «протестных гуляний» оппозиции, она присоединилась к ним, была задержана с Навальным и оштрафована на тысячу рублей.

В мае её отстранили от ведения церемоний присуждения юбилейной премии «Муз-ТВ» и премии ТЭФИ. Помимо политических причин, вероятно, сыграл роль и скандал, устроенный ею на церемонии «Ника».

На волне протестов «гонимая властями» Собчак стала главным редактором

глянцевого женского журнала SNC (ранее известного как Sex and the City). Утратив эту должность в декабре 2014-го — вероятно, потому, что в октябре того же года стала главным редактором фундаментального журнала о моде L'Officiel, — осталась в составе редакции.

Накануне Марша миллионов 12 июня у неё (как и у ряда других оппозиционеров) прошёл обыск. По словам адвоката Резника, причиной было предположение, что у неё живёт либеральный оппозиционер Яшин. Было изъято более 1 млн евро, 480 тыс. долл. и 480 тыс. руб.; когда не было выявлено уклонения от уплаты налогов, деньги вернули.

Через неделю после обыска Собчак и Яшин объявили, что их связывают близкие отношения (об их расставании стало известно в декабре).

Некоторые аналитики предположили, что либералы сумели на время внушить Собчак абсурдную и иррациональную мысль о причастности В.В. Путина к смерти ее отца.

Свой уход с «Дома-2» 1 июля 2012 года она объяснила «завершением... этапа развлекательного телевидения», Навальный — подчинением оппозиционерам: «Иначе мы бы не разрешили ей ходить с плакатом». Похоже, это главный вклад либеральной оппозиции в оздоровление общества.

В июле после трёх сезонов Собчак перестала вести шоу «Топ-модель по-русски» на «МузТВ». «Это политическое решение... до декабря я была желанным гостем... теперь передо мной закрыты все двери», — заявила она и в сентябре возобновила на «Дожде» третью версию «Госдепа», закрыв её в апреле 2013 года.

По данным ВЦИОМа, в сентябре 2012-го Собчак вызвала негативную реакцию лишь у 44% россиян, что напоминало второе рождение.

Когда после обыска депутат Госдумы Илья Пономарёв призвал Ксению Собчак дистанцироваться от оргструктур оппозиции, чтобы не бросать на неё тень своими миллионами, та заявила, что не претендует на руководство. И через три месяца выдвинулась на организованных аппаратом Навального выборах в Координационный совет

оппозиции. Из 32,5 тыс. голосов уступила лишь самому Навальному, Быкову и Каспарову.

В рейтинге самых влиятельных женщин России 2012 года «Эха Москвы», РИА «Новости», «Интерфакса» и «Огонька» Собчак заняла 14-е место, в 2014-м — 22-е.

1 февраля 2013 года вышла замуж за актёра Виторгана.

С ноября 2013-го «изгнанная отовсюду» Собчак открыла шоу «Сделка» на телеканале «Пятница», затем стала вести на нём же шоу «Битва ресторанов».

В январе 2014 года, когда кошунственный опрос «Дождя» о том, лучше ли было сдать Ленинград фашистам, чтобы избежать жертв блокады, вызвал бурю негодования, Собчак заявила, что опрос не может быть аморальным — им может быть лишь ответ. Когда в соцсетях ей, извинившись перед её мужем, стали задавать аморальные вопросы (обычно задаваемые, похоже, проституткам), она на время успокоилась.

В декабре 2014 года на пресс-конференции В.В. Путина она заявила, что в Чечне не работают российские законы, а Кадыров угрожает родственникам террористов, но это почти не вызвало интереса.

Скандал с переодеванием в одежды православного священника также не привлёк внимания к Собчак, которая всё больше воспринимается едва ли не как современница Пугачёвой.

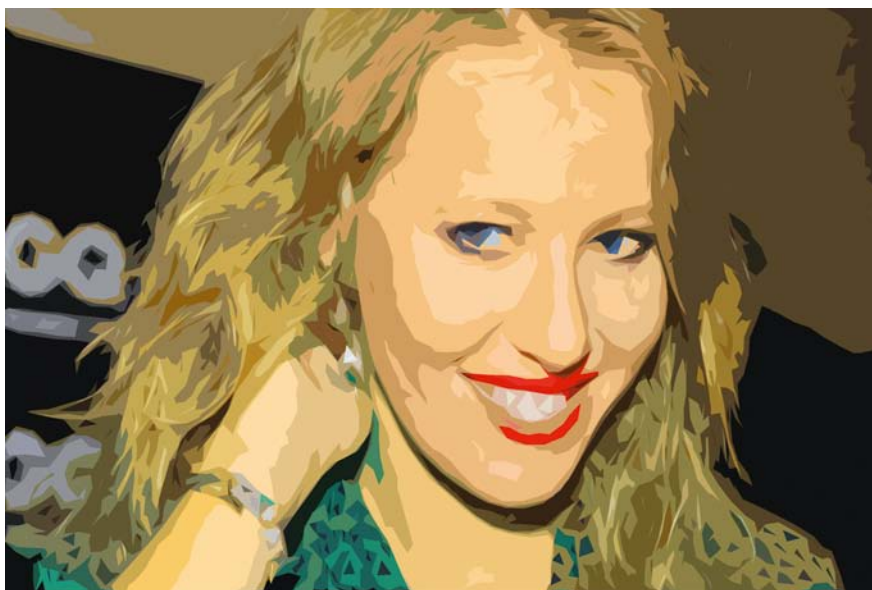
В феврале 2015 года она устроила скандал на программе НТВ «Список Норкина»: когда военные журналисты оспорили её бред о том, что на Донбассе воюет армия России, Собчак впала в бешенство и обвинила их в лизоблудстве.

На вопрос о её источниках информации она стала истерически кричать, что ей затыкают рот и не дают сказать ни слова, — а когда ведущий начал призывать её к порядку, стала грозить уходом.

Правда, не ушла — вероятно, эфир для неё тем ценнее, чем меньше она интересна, — а продолжала скандалить, называя программу «пропагандистской». Остановили словоизвержение распоясавшейся либеральной фурии жительницы Донецка, рассказавшие, как «поляки, американцы и фашисты уничтожают мирное население города». Собчак написала в твиттере: «Я в аду», «Меня просто трясёт» и заявила (на фоне своих жалоб на игнорирование федеральными каналами), что больше не будет ходить на них.

Получив приглашение на радио «Комсомольской правды» на дискуссию с военными корреспондентами, перед эфиром Собчак договорилась об отказе переходить на личности — похоже, чтобы нарушить договорённость и обвинить ведущего в жизни его родственницы в Монако. Но её вопли «Монако! Монако!» породили лишь интернет-мем: «Собчак, сделай мне Монако!»

Перейдя от навязывания аморальности к демонстрации интеллектуальности, Собчак всё больше вызывает равнодушие — как, впрочем, и протестуция, и либералы в целом.

МУТНОЕ ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

Данная когда-то «Российской газетой» оценка Собчак как «ухаживаемой, принаряженной, покрашенной пустоты, ставшей по стечению обстоятельств брендом», — ошибка.

За накачанными губками, наивными глазками и демонстрацией пошлости как универсального заменителя морали стоит железный ум, постоянно готовый к борьбе без правил, нацеленный сильной волей на достижение ясных целей.

Считающим Собчак «недоразумением» стоит обратить внимание на её публичные скандалы и оценить, как жёстко, эффективно и окончательно (хотя в основном и отвратительно) расправлялась эта «ксюшадь» со своими соперницами по гламурному цеху. Подобно Екатерине Великой, не соответствующая критериям красоты Собчак неослабными усилиями смогла убедить многих в своей внешней привлекательности. За полтора года она превратила мужа, склонного к полноте, почти в атлета.

Раздражённые резкой сменой образа с публичной «гламурки» на не менее публичную интеллектуалку забывают

или не знают, как страшно принимать подобные решения. Большинство, даже осознав выработанность привычной модели деятельности, боится сменить её, обрекая себя на прозябание. Собчак, исчерпав возможности «порочной девы гламура», сумела сменить имидж так, чтобы он был органичен ей и довольно долго интересен обществу.

У неё, похоже, нет внутренней культуры (откуда той взяться в её семье?) — Светоний вместо сказок не помог. Но она превратила моральную пустоту в источник силы и идеал, эффективно и безжалостно навязываемый растерянным поколением. Детям 90-х, жертвам краха основ жизни, а затем — ЕГЭ, нужно разъяснять азбучные истины, которых они не знают, и на доступном им языке. Собчак делает это, калеча души аморальностью и эгоизмом не по злому умыслу, а из-за равнодушия и ограниченности: она сама — такая же и не подозревает, что нормально — это по-другому.

Предельно искренне звучит её попавшее в интернет (хоть и с пометкой «подлинность записи не подтверждена») в марте 2013 года высказывание (в её доме ремонтникам ради тихого часа запретили шуметь днём, и они начинали работать в 10.00, когда Собчак возвращалась домой со светских тусовок): «Мы не в детском саду. Сегодня в час дня я вам продемонстрирую, что такое, б***ь, вечеринки. У вас не будет тихого часа в любом случае.

Вы должны уяснить и смириться с этой мыслью. С сегодняшнего дня из-за этих мелких пид***ов, б***ь, и гадёнышей, которые тут живут, если вы будете устраивать здесь детские часы, я буду устраивать вам дискотеки ровно в это время... пусть живут со своими детьми в детских домах... И подстраиваться под каких-то гадёнышей я не буду. Почему у меня прав меньше, чем у мелких пид***ов? Я детей не люблю. Мне наплевать на то, во сколько они спят, пусть спят в другом месте. Почему вам маленькие дети важнее, чем я?.. Мне насрать на этого маленького ребёнка, пусть он хоть сдохнет... У меня детей не будет, не надо мне этого счастья».

Остаётся лишь надеяться, что Собчак лгала, обещая своим поклонникам после свадьбы завести детей в 40 лет.

Да, она «в телеэкран... просунулась благодаря... знатному происхождению и по большей части потому, что примелькалась на виповских мероприятиях». Но ослеплённые её хамством и своим естественным омерзением критики не видят остроты конкуренции (даже с учетом её, похоже, абсолютного административного ресурса). Совершенства аморальности и отсутствия нормальных человеческих чувств было мало: нужны были ум, сила воли и чутьё.

«Когда в нулевые... глянцевого журнала и развлекательное телевидение стали единственными социальными лифтами, а деньги оказались национальной идеей, устраивающей всех», — Собчак сумела стать символом этого.

Когда же люди потянулись к знаниям — она стала интеллектуалкой. Навальный, если верить СМИ, отметил: «Золотой лобок России и матёрая интеллектуалка сначала показывала за деньги трусы и что под ними, а теперь надела очки».

Отрицание морали, стремление вслед за собой освободить и всех от «химеры, именуемой совестью», делает её эффективным оружием разрушения России. Прививка эгоизма и самоубийственной вседозволенности, сделанная либеральной принцессой целому поколению молодёжи, может показаться на фоне её предстоящих успехов «невинной детской игрой в крысу».

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Писающий мачо

*Алексей Навальный
как жертва политических
технологий*

ЛБОМ В СТЕНУ

Алексей Навальный родился в 1976 году в военном городке под Москвой. Классный руководитель вспоминала: «Был умный, взвешенный, серьёзный, спокойный, хоть мог и спорить с педагогом».

В мирное время мать была заместителем директора по экономике деревообрабатывающей фабрики,

один из цехов которой занимался лозоплетением; в приватизацию фабрику закрыли, и семья возродила местный промысел с десятком работников. «Золотая» земля Одинцовского района кроилась железом и кровью, а глава района благодарил её за добросовестный бизнес.

Окончив в 1993 году школу в Алабино, Навальный недобрал балл в МГУ, пошел на юрфак Российско-

го университета дружбы народов (РУДН) и переехал в Москву.

Подрабатывал в банке «Аэрофлот» — «писал претензии типа: верните наш миллиард», но в январе 1997 года банк потерял лицензию.

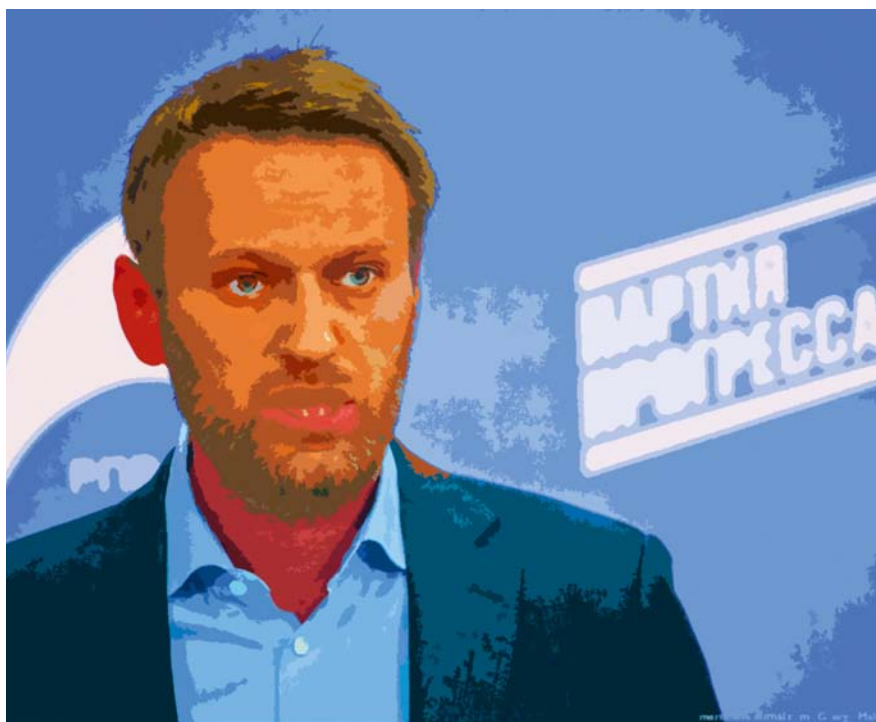
Сунулся в бизнес, но дело не пошло: парикмахерская так и не заработала.

С 1998 году в девелоперской «СТ-групп» Чигиринских ускорял оформление сделок; в удачный месяц получал 4–5 тыс. долл. (начальник департамента Центробанка, выведенного из системы госуправления для обеспечения высоких зарплат, зарабатывал тогда около 1,6 тыс. долл.). Из-за дефолта «удачные месяцы» кончились, и Навальный ушёл.

Окончив РУДН в 1999 году, стал заочно учиться в Финансовой академии при правительстве, по его словам, по специальности «ценные бумаги и биржевое дело» (по некоторым данным, она там отсутствовала). В 2000 году «по специальности» стал играть на бирже и потерял «те немногие деньги», что были, — и занялся логистикой автоперевозок (поиском грузов для грузовиков, порожняком возвращающихся из Москвы). Работа была денежной, но для него слишком «мутной».

Бизнес не удался, образование не дало надежд, и в 2000 году Навальный по объявлению пришёл в «Яблоко». В 2001 году работал в штабе по выборам в Мосгордуму (при этом входил в районный избирком не от «Яблока», а от его тогдашнего злейшего врага — СПС), за 300 долл. в месяц возглавил проводившую акции протеста группу.

Уже в 2003-м руководил всей думской кампанией в Москве. Результат был лучшим среди региональных отделений — и в апреле 2004 года он возглавил аппарат московского «Яблока». В 2005-м создал «Комитет защиты москвичей», боровшийся с точечной застройкой, шёл в Мосгордуму по списку «Яблоко — объединённые демократы». В него входили функционеры СПС, и Навальный познакомился с Никитой Белых и Ма-

рией Гайдар, с которой создал «Демократическую альтернативу» («ДА!») для проведения дебатов на деньги Общественной палаты России и Национального фонда демократии США (по 15 тыс. долл.).

Ведя общественные дебаты, участвовал в скандалах вокруг них: подал заявление на националиста Марцинкевича («Тесака»), после чего тот получил срок, и выстрелил из травматического пистолета в автослесаря Тезиева, якобы подосланного «кремлёвскими структурами».

В 2006 году вошёл в федеральный совет умиравшего «Яблока». Европейский мультикультурализм, насаждаемый его руководством, противоречил реальности и выталкивал замшелых либералов из политики.

В Рунете ещё ходят видеоролики «раннего Навального» с демонстрацией преимуществ мухобойки, тапки и пистолета для разборок с мухой, тараканом и кавказцем. Старые «яблочники» вспоминают, как, не имея аргументов, он мог оборвать коллегу по партии — азербайджанку: «А твоё место — на рынке!»

В 2007 году Навальный обвинил либералов в тоталитарном мышлении и двойных стандартах: мол,

режим В.В. Путина для страны лучше власти либеральной оппозиции. Стал одним из учредителей движения «НАРОД», отстаивавшего демократию для защиты прав русских. Спонсором был политолог Станислав Белковский, известный выдвинутым для разгрома ЮКОСа обвинением Ходорковского в подготовке госпереворота. Он вспоминал, что в 2006–2008 годах передал Навальному «несколько десятков тысяч долларов»; тот признал не более 20 тысяч.

В декабре 2007 года Навальный был исключён из «Яблока» — «за нанесение политического ущерба партии, в частности, за националистическую деятельность». Свою роль, вероятно, сыграли критика им Явлинского и активность, вызвавшая ревность «дуче», как порой звали в демократической партии своего вождя. Навальный не стал оправдываться, а потребовал «немедленной отставки председателя партии и всех его заместителей, переизбрания не менее 70% бюро».

А движение «НАРОД» не состоялось: в 2008 году вошло в «Русское национальное движение» (РНД). Навальный обещал, что РНД пойдёт в Госдуму, убеждал, что национализм

«должен стать стержнем политической системы», но уже вёл другой проект.

ЗОЛОТОЕ ДНО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГРИНМЕЙЛ

Весной 2008 года Навальный купил акции крупных корпораций и в качестве миноритарного акционера стал обвинять топ-менеджмент в злоупотреблениях.

Такие попытки предпринимались и до Навального, но без успеха — из-за меньшей системности и политизированности. Он же привлёк внимание общества, заявив о намерении выяснить, почему нефть крупнейших компаний продаёт трейдер Gunvor и кто его бенефициары. Поскольку владельцем трейдера был ассоциировавшийся с В.В. Путиным Тимченко, удар наносился по В.В. Путину в вероятном ожидании утраты им власти.

Вряд ли этот удар планировал сам Навальный, но он выполнил его артистично.

Проиграв иски о раскрытии информации к «Роснефти» и «Сургутнефтегазу», он добился уголовных дел против одного из менеджеров «Газпрома» и менеджеров «Межрегионгаза», а также отставки директора «ВТБ-лизинг».

В декабре 2009-го «Ведомости» назвали его персоной года, обозрение Stock In Focus — «человеком года», журнал «Финанс» сделал лауреатом пятой ежегодной премии «за защиту прав миноритариев».

А он работал уже в новом качестве: в начале 2009 года его среди других молодых либералов пригласил на подмогу ставший губернатором Кировской области Никита Белых.

Навальный создал Фонд поддержки инициатив губернатора, опозорившийся выпрашиванием у бизнесменов денег.

Состояние «града» Кирова привело одного священника из этого отнюдь не благополучного региона к мысли, что возрождение начинается не с церкви — «ибо если

любоваться куполами, можно переломать ноги». И вот по этому городу Навальный «рассекал» на золотистом «Ламборджини», исчерпывающе разъясняя: «Не мой, дали покататься».

Законность получения адвокатского статуса (по его словам, чтоб снизить налоги) осталась спорной: он так и не сказал, где работал юристом два необходимых года. Но эти подозрения померкли на фоне других скандалов; так, директор «Кировлеса» обвинил его в навязывании невыгодного контракта.

Вокруг Навального начали сгущаться тучи, и его эвакуировали в США. Каспаров, Альбац и Гуриев дали рекомендации, и на вторую половину 2010 года его пригласили на программу Yale World Fellows, по которой в США готовят проамериканских политиков.

Биографии упоминают данный факт мельком или вообще его замалчивают, но это обучение, похоже, стало для Навального судьбоносным. Ключевые элементы «инвест-активизма» точно соответствовали культуре США: одиночка, адвокат, из социальных низов, оборачивающий корпоративные процедуры против корпораций, разоблачающий их боссов, апеллирующий к суду и обществу... Похоже, Навальный приобрел в США системную и долговременную поддержку.

ОТ «ПОПУЛЯРНОГО БЛОГЕРА» — В «БУДУЩИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ»

В сентябре 2010 года президент Медведев после скандалов, инспирированных оппозиционной частью либерального клана, отправил в отставку мэра Москвы Юрия Лужкова. На интернет-выборах мэра Навальный собрал 45%.

В декабре, подхлестнув спадавший интерес к себе, запустил проект «РосПил». Пользователи сайта выявляют (на официальном портале госзакупок) коррупциогенные конкурсы, а сотрудники проекта на основе сделанных волонтерами экспертиз пишут жалобы для отмены

закупок. На нём сразу была выложена информация о подозрительных госконтрактах на 155 млн руб.

Частные пожертвования на проект стали массовыми; это был первый (и пока единственный) успешный сбор крупных средств через интернет. Интенсивность поступления денег создала ощущения организованного финансирования.

В феврале 2011 года он назвал «Единую Россию» «партией жуликов и воров», что стало вторым именем этой политической структуры. Когда партийцы собрались в суд, Навальный провёл в блоге опрос: 96,6% из 40 тыс. поддержали термин.

В марте он обвинил разработанную Высшей школой экономики Федеральную контрактную систему в коррупциогенности. Основания были: система исходила из нелепой «презумпции добросовестности заказчика». Дебаты стали зрелищем Навального либеральным кланом. Он вёл себя уважительно, не высказал очевидных аргументов в свою пользу и был принят статусными либералами. «Прописка» состоялась.

В апреле Deutsche Welle присудила «РосПилу» премию как «наиболее полезному для общества ресурсу», а блог Навального в «Живом журнале» был назван лучшим русскоязычным.

В мае Следственный комитет (СК) возбудил уголовное дело «Кировлеса», а Навальный запустил проект «РосЯма»: пользователи размещали фотографии поврежденных дорог, система генерировала жалобу для передачи в ГИБДД, а при отсутствии реакции — письмо в прокуратуру.

В сентябре 2011 года Навальный учредил Фонд борьбы с коррупцией (ФБК); журнал GQ присудил ему премию «Человек года» как «главному редактору».

Выдвижение В.В. Путина в президенты при переходе Медведева на пост премьера («по-ельцински мощная рокировка») вызвало шок у поставившей на Медведева части элиты и у демократов.

Навальный выдвинул принцип «голосовать за любую партию, кроме

«Единой России», обеспечив рост фракций КПРФ и ЛДПР и, похоже, спасение «Справедливой России», но от авторства отрешивался.

В октябре 2011 года из его взломанной почты узнали, что в январе 2010 Белковский за 50 тыс. долл. заказал ему кампанию против «Русала» Олега Дерипаски, который тогда проводил IPO. Навальный и Белковский назвали это фальшивкой, хотя именно тогда Навальный активно объяснял, почему не надо вкладываться в «Русал». Переписку с чиновниками госдепартамента США, западными фондами, российскими олигархами и политиками он не комментировал.

В ноябре у Навального как адвоката появился второй клиент (первым была семейная фабрика) — бывший адвокат ЮКОСа Ивлев, плативший 10 тыс. долл. в месяц. В 2010 году Ивлев с сыном Ходорковского учредил в Нью-Йорке Институт современной России и помог Навальному подать иск на Кипре против ВТБ с обвинениями на 156 млн долл. (пошлина составила 70 тыс. евро). Навальный признался, что для личных нужд ему надо два-три таких клиента (20–30 тыс. долл. в месяц): «Расходов у меня немного».

После выборов, 5 декабря 2011 года, на митинге протеста, собравшем под дождем от 2 до 6 тысяч человек, он назвал «Единую Россию» партией «убийц». После митинга участвовал в походе к зданию ФСБ и получил 15 суток ареста.

На следующем митинге на Триумфальной площади были применены «пыточные автобусы», где задержанных избивали перед погрузкой в автозаки. Это зверство вызвало негодование и внезапно превратило рядовой митинг 10 декабря, организаторы которого ждали 3 тысячи человек, в старт «белоленточного протеста».

На нём зачитали послание Навального. Amnesty International стремительно признала его узником совести (хотя он находился лишь под административным арестом), а Европейский суд по правам че-

ловека быстро для себя, в декабре 2014 года, присудил ему 26 тыс. евро (что выше сумм, обычно присуждаемых за намного большие нарушения прав).

Навальный окунулся в борьбу за лидерство и отодвинул «людей 90-х» от руководства протестом, демонстрируя презрение к каким бы то ни было правилам. Это было эффективно, но даже демократы задумались: чем он лучше «создателей паханата», отрицающих институты как таковые?

В качестве лидера Навальный выступил на проспекте Сахарова 24 декабря перед примерно 70 тысячами человек и в ряде последующих акций в преддверии выборов президента.

В 2011-м Foreign Policy под 24-м номером включил Навального в список 100 лучших «глобальных мыслителей» — за кампанию повышения прозрачности бюрократии. Financial Times сочла его первым из 25 россиян, представляющих «движущую силу» страны, «Коммерсант Власть» признал его пятым по популярности в мире россиянином (на основе упоминаемости в СМИ), «Ведомости» назвали «политиком года».

В январе Times включила Навального — единственного из России! — в список 100 человек, заслуживающих наблюдения в 2012 году.

24 января 2012 года он объявил о запуске проекта «РосВыборы», который вместе с представителями ряда партий и организаций подготовил от 12 до 17 тысяч наблюдателей.

В апреле Time включил Навального в список 100 самых влиятельных людей мира, а 6 мая, перед инаугурацией В.В. Путина, он стал одним из лидеров протеста.

Претенциозно названный, Марш миллионов вылился в спровоцированные столкновения с полицией. Чрезмерность реакции государства позволяет предположить, что марш был частью операции по срыву инаугурации и госперевороту. Либералы могли не знать об этом, но их миновали репрессии, удалившие из политики единственного соперника

Навального, левого Удальцова (6 мая опережавшего его по упоминаниям в СМИ).

На протестных «гуляниях» оппозиции 6–9 мая Навальный задерживался четырежды и получил 15 суток. Amnesty International вновь стремительно объявила его «узником совести».

В мае 2012-го СК возобновил дело «Кировлеса» (прекращённое в апреле). Злые языки связывали это со сменой министра внутренних дел, из-за чего «прикрытие» Навального якобы дало трещину.

Тогда же было сообщено о запуске проекта «+1% к самоуважению» — банковской карте с портретом Навального, 1% от покупок по которой (за счёт комиссии платёжной системы) пойдёт на нужды ФБК. Но в декабре 2012 года НРБ Лебедева отказался от её выпуска (хотя окружение Навального и в марте 2013 года рассказывало, что карта «находится в разработке»).

29 мая Навальный запустил новый проект — «добрую машину пропаганды» (затем переименованную в «правды»), — нацеленный на далекую от интернета аудиторию.

В конце июня Навальный вошел в совет директоров «Аэрофлота» (его выдвинул бизнесмен Лебедев, контролирующий 15% госкомпании). «Лёша-Аэрофлот» (как его назвали по аналогии с «Пашей-Мерседесом», ельцинским министром обороны) проигнорировал конфликт интересов: как член совета директоров он должен был отстаивать интересы «своего» акционера и компании, в том числе против граждан, которым он служил как общественный деятель. Лебедев заявил, что Навальный и Сергей Алексашенко превратят «Аэрофлот» в одну из самых прозрачных и конкурентных госкомпаний, но в следующем составе совета директоров заменил его годовалым сыном.

В октябре 2012 года аппарат Навального провел выборы в Координационный совет оппозиции (КСО). Попытка объединения либералов,

левых и патриотов, как и прошлые, провалилась из-за сектантства либералов — теперь не «демшизы» или барственных реформаторов, а окружения Навального.

Либералы и раньше полагали, что остальные должны беспрекословно и бесплатно подчиняться их деньгам. Окружение Навального добавило к этому понимание «честных выборов», на фоне которого официальные казались идеалом порядочности.

Правила интернет-выборов менялись задним числом: уже зарегистрированные кандидаты снимались, под страхом внесения в черные списки было введено требование писать «эссе» и проходить странный тест. Организаторы, пообещав регистрацию некоторым радикалам, отказали им. Ради полутора минут дебатов кандидаты в КСО были обязаны явиться в студию в 23.30 и уехать в 2 часа ночи, причём регламента им не сообщали. Им навязывали всё новые правила, тренируя покорность и отсеивая способных на протест. Навальный получил свыше 43 тыс. голосов, но работать в КСО, предполагавший подчинение левых и патриотов либеральному безумию, не смог.

В ноябре (возможно, чтобы отвлечь внимание от краха КСО) Навальный запустил проект «РосЖКХ» для подачи жалоб на ЖКХ. За первую неделю было подано 96 тысяч обращений, но затем его популярность сошла на нет.

В декабре СК возбудил против Навального и его брата Олега уголовное дело из-за перевозки почты (Олег был руководителем департамента «Почты России») по завышенной на 77% цене (19 млн руб. из 24 млн завышения легализовали фиктивными договорами с семейной фабрикой).

В начале 2013 года Навальный уличил главу комиссии Госдумы по этике Пехтина в незадекларированной квартире в Майами. Тот заявил, что у него «практически нет» недвижимости в США, и покинул Госдуму, породив термин «пехтинг».

5 апреля Навальный предложил законопроект, запрещающий чи-

новникам покупать автомобили дороже 1,5 млн руб. за счёт бюджета. Он был отвергнут рабочей группой министра «Открытого правительства», бывшего сотрудника Чубайса по реформе электроэнергетики, ставшего благодаря ей миллиардером, либерала Абызова. В 2015 году идея была принята с повышением лимита до 2,5 млн руб. и раскритикована Навальным за то, что не ограничила право аренды автомобилей (чего не было в его проекте).

В начале апреля 2013 года Навальный провозгласил желание стать президентом России и добиться, чтобы россияне жили «нормально, как в европейских странах».

Между тем частичный анализ работы его ФБК вызвал шок. С начала 2011 года он подал в антимонопольную службу 120 жалоб на закупки мэрии Москвы, и 103 из них на 3,4 млрд руб. (98% суммы) защищали право победителя конкурса передать его субподрядчикам. Выходило, что мэрия стремилась отсекал спекулянтов, а для Навального приоритетом была защита различных «прокладок». Ни одна жалоба не касалась ценовых манипуляций. ФАС отменила торги в 5 случаях — на 7,5 млн руб. Столь низкая эффективность была вызвана, похоже, ориентацией либерального ФБК на защиту интересов не общества, а махинаторов.

ПИК КАРЬЕРЫ: ПОМОЩЬ СОБЯНИНУ

Весной 2013 года распространились слухи о замене премьера Медведева; среди сменщиков называли мэра Москвы Собянина. Его вряд ли привлекала эта перспектива. Управление богатейшей Москвой комфортно: капиталы решают часть проблем сами, готовы на жертвы, а бюджет по лужковской инерции ещё захлёбывался от денег. Премьер же решает бесчисленные проблемы, передавая лавры президенту и принимая ответственность за все провалы министров (которых он не может ни назначить, ни уволить).

Поэтому для мэра Москвы логично нежелание переезжать с Тверской на Краснопресненскую. Возможно, Собянин пошёл на досрочные выборы, чтобы избежать премьерства. Привлечение Навального помогло отвлечь от причины досрочных выборов и обеспечить явку: как гаммельнский крысолов, он привёл на выборы игнорировавших их менеджеров и своих противников, повысив явку до трети избирателей.

Важность Навального для бюрократии показывает то, что его спасали трижды.

«Единая Россия» передала ему нужное число голосов муниципальных депутатов. Но шутка — «Единая Россия» поддержала Навального потому, что суд признал его «жуликом и вором», — была не точна: суд по делу «Кировлеса» приговорил его к 5 годам колонии на следующий день после регистрации.

А вышестоящий суд тут же выпустил его под подписку — на выборы.

Третий раз Навального спасли, когда выяснилось, что он (вместе с Марией Гайдар) в 2007 году учредил в Черногории строительную компанию, не сообщив о ней при ре-

гистрации. Его штаб заявил о взломе сайта налоговой службы Черногории и создании фирмы без его ведома, но налоговики Черногории опровергли этот бред. От «пехтинга» Навального спас глава Мосгоризбиркома, разъяснивший: кандидатам нельзя иметь за рубежом лишь недвижимость и счета, но не бизнес.

Административный ресурс применялся против Навального для привлечения внимания СМИ и мобилизации активистов, но не для срыва работы штаба.

Эффективная кампания Навального официально стоила почти 100 млн руб. и принесла России технологии Обамы 2008 года, а ему — 27,24% (больше остальных кандидатов, вместе взятых). Собянин с 51,37% победил в первом туре без опасения ревности окружения В. В. Путина, набравшего в Москве 48%. С Навальным, похоже, расплатились честно: реальный срок был заменен условным.

Но его сторонники продемонстрировали нетерпимость в духе тоталитарных сект, укрепив производимое им впечатление фюрера.

Видный менеджер Альфа-банка, перешедший к Навальному, создал

в Facebook список его врагов, подлежащих наказанию. Ими были объявлены либералы, помогавшие ему, а затем задумавшиеся о том, что он несёт России. Аргументация исчерпывающе характеризует окружение Навального: «нацмен, платный путинский подхалим, предатель и трус», «полуполяк, полуеврей» (это писал либеральный борец за права человека Левин), «проституирующий ведущий», «демшизоидная проститутка», «известный онанист», «свихнувшийся борзописец», «контуженный военный обозреватель», «дура-экоактивистка», «лесбиянка, журнашлюшка».

Выступив в дни Крыма против России (Навальный считает себя больше украинцем, чем русским), он ухудшил отношение к себе. 13 марта 2014 года его страница в «Живом журнале» была заблокирована за призывы к массовым беспорядкам (обычные оппозиционеры за это могут лишиться свободы).

20 марта 2014 года он через New York Times попросил США ввести новые санкции против близких к Путину чиновников и бизнесменов, включая конфискацию собственности.

Затем он, вероятно, из-за настроений в России, признал Крым принадлежащим ей. Это вызвало не-

годование либералов, и ради их поддержки (а возможно, и денег) он заявил о необходимости повторного референдума.

По «почтовому делу» братья Навальные получили 4 млн руб. возмещения убытка на двоих, по полмиллиона рублей штрафа и 3,5 года лишения свободы, но Олег — в колонии, а Алексей — условно.

После этого симпатии к Навальному пошли на спад. Если в 2013 году к нему, по данным Левада-центра, положительно относилось 30%, а отрицательно — 20%, то в январе 2015 года баланс стал обратным: 17% против 37%.

В июне Чубайс попытался помочь ему дебатами после обвинений, что «идиотский Роснано» существует ради «попила бюджета». Но Навальный не владел фактами и выглядел жалко; попытка помочь обернулась невольным избиением безграмотного популиста.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ ЛИБЕРАЛЬНОГО КЛАНА

Навальный — пример «сделавшего себя» человека, приложившего все силы для завоевания известности и прорыва к власти. Представителю

поколения, опоздавшего к приватизации, без образования и связей, это было особенно трудно.

Он проявил огромное упорство. Не отчаивался, раз за разом сталкиваясь с провалом плохо продуманных (из-за неграмотности) планов, пробовал снова, неотступно и изобретательно, и пробил свой путь.

Он стал голосом и надеждой миллионов стремящихся к цивилизации добросовестных людей, разъярённых безнаказанностью тотальной коррупции, желающих верить в деятельное добро, самим решать свои проблемы и влиять на государство. Всякий раз, когда его проект начинал приедаться, Навальный затевал новый, вновь приковывающий внимание: из миноритария стал борцом с коррупцией при госзакупках, потом — со злоупотреблениями чиновников, а затем — за демократию.

Навальный сам стал проектом, привлекая деньги и передовые политические технологии. Самостоятельный человек всегда совершает ошибки; Навальный после Йёеля и до украинского кризиса не делал ничего лишнего, что можно считать признаком качественного управления.

Обвинения в работе на Запад, при всей обоснованности, скрывают его российскую «крышу», которую можно сравнить лишь с «крышей» Ельцина в 1989–1990 годах, когда он, по некоторым воспоминаниям, управлялся КГБ.

Если либеральный клан, уничтожая Россию политикой 90-х и саботируя попытки В.В. Путина нормализовать положение, добьётся дестабилизации, Навальный станет незаменимым уличным вождем.

За лидерство поборются, похоже, уважаемые Касьянов и Кудрин, а его ждёт участь «головы Гонгадзе». Но дворовая закалка позволяет ему надеяться в хаосе распада России на десятки «недоэстоний» (это суть западного проекта) переиграть своих кукловодов и прорваться к вождельной власти, в чём бы она ни выражалась. Нам же остаётся не допустить этого.

/ Владимир БУШИН /

Ей сверху ВИДНО ВСЁ?

Штрихи к портрету гражданки Хакамады

В нашем доме недавно отказал лифт. Пришлось утром спуститься со своего этажа на своих двоих. Иду... Вдруг на подоконнике между третьим и вторым этажами вижу книги. Сейчас такое нередко бывает: выбрасывают! У меня сердце кровью обливается. Иной раз не выдерживаю, кое-что беру, даже которые у меня есть и ставить их уже давно некуда...

И вот гляжу: «Ирина Хакамада. Sex в большой политике». Почему

секс-то по-английски? Видно, от застенчивости и чтобы не все поняли, а только свои, «продвинутые». Вторая книга — её же «Особенности национального политика. Серьёзные игры». Что за игры? Политика — дело серьёзное. Первую книгу не взял, постеснялся. Как я такой труд домой принесу, как жене или дочери покажу, не говоря о внуках, если они увидят? Не взял. Хотя, судя по тому, что известно об авторе, книга написана со знанием дела.

Взял вторую. И уже дочитываю. Представьте себе, увлекательно, даже много нового, неизвестного мне! Никогда ничего подобного не читал. Правда, нередко хочется возразить, даже опровергнуть, а иной раз просто смех берет. Дело в том, что Ирина Муцуовна Хакамада не шибко грамотна. Не в том смысле, что путает Гоголя и Гегеля, Бабеля и Бебеля. Но не знает того, что, по своему возрасту, образованию и положению, обязана знать.

Однажды корреспондент «Завтра» спросил её: «На телепередаче «Свобода слова» вы сказали, что советская партверхушка наворовала много денег из кредитов Запада. А не хотите поведать, сколько положил в карман ваш соратник Чубайс, когда брал кредиты у МВФ?»

Это было ещё в 2001 году. Тогда, по данным ЦИК, сама Хакамада сидела на мешке, в котором шевелились 19,5 млн руб. Под Немцовым прели 10,3 млн. А Чубайс каждый день пересчитывал свои 57 млн. По нынешним временам это для них — на карманные расходы, но Хакамада от прямого ответа грациозно уклонилась: «Во всём цивилизованном мире *(это её всегдашний и высший довод! — В. Б.)* существует презумпция невиновности. И если коммунисты считают, что их дела не были связаны с воровством...» Что значит «не были связаны»? Конечно были. И ещё как! Коммунисты жили по известному принципу Жан-Жака Руссо: «Вор должен сидеть в тюрьме!» И ловили воруя. И сажали. Даже если и коммунист. Вот такая связь. Мадам просто неуклюже выразилась или побоялась, как на телевидении, повторить прямо: «Если коммунисты не воровали...» А закончила так: «...то это следует доказать в суде, нужен суд над коммунистами. А если все считают, что Чубайс вор, значит, нужно судить Чубайса. Потому что (!) мне надоела эта игра» («Завтра», 2001, № 46).

Хакамада не понимает, что говорит. Во-первых, тут не «игра», а дело очень серьёзное, жизненно важное для страны. Во-вторых, если

судить Чубайса, то надо не «потому, что» мадам надоела какая-то «игра», а если вор. В-третьих, конечно, «все знают», кто и вор, и лжец. Даже Григорий Явлинский однажды сказал ему в глаза: «Вы лжете всегда, везде и по любому поводу». А кто же не помнит грабительскую, жульническую приватизацию, которую он провернул? Пообещал нам по две «Волги» за ваучеры, а сам в это время рассовывал в хищные лапы дружков великие народные богатства за 3% их настоящей стоимости. Когда-то он сам признавал: «В ходе приватизации были ошибки (!) и отдельные (!!) нарушения законодательства, которые, естественно (!!!), должны расследоваться и при необходимости исправляться» («ДВ» 1999, № 47). И что, хоть одна «ошибка» была расследована? Может, обогащение Березовского? Какое хоть одно «нарушение» исправлено? Может, изъяты миллиарды в закромах Прохорова?.. А не так давно Чубайс уж откровенно признался, что ни о какой выгоде для народа от приватизации он и его братья-разбойники и не думали. Да, несметные ценности отдавали за 3%, ибо для них главным было разрушить советскую экономику, ликвидировать советскую власть и свести до безопасного минимума рабочий класс как объединённую силу, способную раздавить бандитов. В-третьих, да, «все знают», кто хищный прохвост, преступник, враг народа, но по причине всеобщего знания таких фактов суды не происходят. Для этого надо, чтобы кто-то подал иск и чтобы иск был принят судом к производству. Но разве это возможно ныне, когда власти восхищаются «мужеством» Чубайса при разрушении советской экономики и советской власти?

И последнее: о презумпции невиновности. Хакамада обвиняет коммунистов в воровстве и говорит: пусть они докажут в суде, что это не так. Она не нова в такой дури. Еще Солженицын, намалевав картину советских ужасов, твердил то же самое. Писал он в своём «Архипе», что в одном лагере «около 100 чело-

век заключённых за невыполнение нормы на лесозаготовках загнали на костер — и они сгорели!» (т. 2, с. 54). В другом лагере по той же причине заморозили в лесу 150 заключённых (там же). В третьем просто от нечего делать расстреляли 950 человек (там же, с. 381). А ещё, говорит, «осуждённых не всех расстреливали, а некоторыми кормили зверей городских зверинцев» (там же, с. 492). И вот его юридическое резюме: «Я предложил бы им доказать нам, что это невозможно» (там же).

Тут нельзя не заметить, что Солженицын всё-таки лишь «предлагает», а Хакамада идёт дальше, она, в сущности, требует: «Нужен (!) суд над коммунистами... это следует (!) доказать».

Так вот, мадам, во всём цивилизованном мире бремя доказывания (onus probandi) возлагается на истца, в данном случае на того самого Солженицына и на вас. Но вы этого не сделали, видимо, по причине трусости и некоторой сообразительности: где взять факты? Вы на пару вывернули важнейшую категорию права наизнанку и объявили «презумпцию виновности»: для вас все люди априори верблюдь, обязанные доказывать, что они не верблюдь. И ведь кем была Хакамада, когда это молала? Вице-спикером Государственной думы!

Но обратимся к вещам более интересным, чем юридическое невежество. Вот, например, что этот национальный политик, знаток политического секса пишет о себе: «Я родилась случайно, благодаря Указу о запрещении абортов». В известном смысле все мы родились случайно. Это констатировал ещё Пушкин:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?*

Этим вопросом Хакамада не задаётся, она знает, зачем. А у Пушкина дальше так:

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?*

«Враждебной...» Советская власть, которая своим Указом воззвала Хакамаду из ничтожества, как видим, была вовсе не враждебной к ней. За одно такое «воззвание» к жизни надо бесконечно благодарить её.

Дальше: «Помню себя с детства... Мать своим ребенком меня не считала... Всегда говорила: ты — отродье какое-то японское... Отец молился на Сталина, благоговел перед Лениным, ненавидел Троцкого... Мы с ним иногда ругались по-дикому...» «Сумеречная семья... Я абсолютно советский, т. е. забитый ребенок... Сидела всегда на задней парте... Подрастком я выглядела ужасно: тощее, некрасивое, забитое существо с жидкой косичкой... В четырнадцать лет думала о самоубийстве...»

Это, как и забитость, для советского ребенка уж никак не подходит, к тому же далеко не все сидели на последней парте. А сейчас Россия занимает первое место в мире не по мыслям о самоубийстве, а по самим самоубийствам среди подростков. И началось это с тех пор, когда мадам села в парламенте на первую парту.

«Да, жили бедно, выглядела я ужасно... За весь период детства не запомнился ни один день рождения...» Странно. На фотографиях в книге и сама Хакамада в «период детства», и её еврейская матушка в период зрелости, и японский батюшка в период старости — довольные, упитанные, хорошо одетые люди, смотрят на нас, улыбаются.

Но вот, говорит, задушили мы с помощью американцев советскую власть — и всё волшебным образом изменилось: «На моём дне рождения было 200 человек гостей... Обо мне говорят, что я выгляжу очень эффектно и за словом в карман не лезу... Гримёры на телевидении поражают: вы что, совсем не пользуетесь косметикой?.. Мне это не нужно...» «Муж был большой эстет. Любил меня безумно...»

«С любой из женщин, работающих в политике или около, я могу стоять рядом...» Конечно, могла

стоять рядом с работавшей около политики покойной Валерией Новодворской и сейчас может стоять рядом с Аллой Гербер. Но вот однажды встала рядом с Вероникой Крашенинниковой, работающей в политике. И что? 0:10! Дальше: «Мы, полукровки, все такие. Во мне ещё и армянская кровь. От неё — буйство, сумасшедшая страсть, патологическая искренность...» Много армян я знал в жизни, но Акоп Салахян в «Дружбе народов» не был буйным, Татьяна Александровна Спендиарова вовсе не сумасшедшая, у моего друга Бориса Айрапетяна никакой патологии.

«Партсобрания я ненавидела». А зачем вступала в партию? И почему не вышла при первом же приступе ненависти, а лишь вместе с Чубайсом, Немцовым и прочими? Тем более что ведь «способна на самый дикий бунт...»

Но вот разгадка, почему не бунтовала: «Я светский человек, не взрываюсь... Я человек душевно тонкий...» Об этом и говорить не надо. Все помнят, что, когда Чубайс возгласил девиз их партии СПС — «Больше наглости!», душевно тонкая Хакамада и тут не взорвалась, не взбунтовалась.

«Политика — дело грязное...» Тогда зачем полезла туда с головой? Нет, сударыня, грязная политика лишь та, которая делается грязными руками с грязной целью — та именно, которую проводили или проводят Горбачёв и Ельцин, Гайдар и Чубайс, «Союз правых сил» и «Единая Россия».

«Я хочу влиять на события... Я очень часто кричу «во здравие», когда все кругом возглашают «за упокой»... Я авантюристка... Я привыкла побеждать...» Господи, вот что вылупилось из забитого ребенка под солнцем советской конституции!

«Меня принимают всюду... Я смотрю на всё сверху... Я на всём скаку влетела в парламент и смогла выделиться... Я белая ворона... Меня ни с кем не спутаешь... Я сама себя сделала...» Совершенно в духе бесмертного Ивана Александровича Хлестакова или даже сверх того!

«Агитировал за меня Немцов: «Ты нужна, ты будешь у нас министром социальной защиты»... Я, Хакамада, начала формировать свой брэнд, свою виртуальную личность, свой стиль в политике... Вскоре они взяли меня в правительство... На Западе, где меня очень хорошо принимают, часто говорят: «Хакамада — политик XXI века»... Ну, этому пассажи позавидовал бы не только Хлестаков, но и сам Фома Фомич Опискин!

Но вдруг — «я очень устала от своих мозгов, от своей крови, от всего, что я выделяла в жизни, от попыток прыгать выше головы...» Конечно, трудно прыгать выше головы, когда в черепной коробке полпуда уставших мозгов.

А какой героизм при всём этом! «Было в моей жизни несколько (!) встреч с бандитами. Я сидела одна в окружении мужиков, и они говорили, что они со мной сделают... Но откуда-то находятся слова, действует энергия отпора. И эти крутые мужики съёживаются. И тогда их можно добивать. Я поворачиваюсь и ухожу». После того как добила.

И заметьте: так было несколько раз! Но что за бандиты? Сомалийские пираты? Где, когда крутые мужики скисли перед буйной авантюристкой?

Читатель, надо думать, заметил, что автор книги частенько противоречит самой себе, опровергает собственные заявления. Помните, например, 200 гостей на дне рождения (с. 72)? Позже это уже 300 человек (с. 150). Дайте срок, дойдёт и до знаменитых сорока тысяч курьеров. Или вот Хакамада декларирует своё полное бескорыстие, нестяжательство, равнодушие к вещам: «Я очень спокойно отношусь к собственности... Вещи связывают... Потому и не было у меня никогда ничего». Прекрасно. Я утираю слезу умиления. И вдруг: «Хочу финскую мебель!.. Эта мебель меня околдовала, лишила способности рассуждать... А кресло свело меня с ума... Я не спала всю ночь и утром решила, что надо идти по зову сердца. А сердце звало меня в мебельный магазин... Я решила довериться зову сердца... И сердце меня не подвело...»

Очень настойчиво мадам твердит также: «Мне никогда (!) ни в чём не везёт... Я никогда (!) не оказываюсь в нужное время в нужном месте... Я никогда (!!!) не вытягиваю выигрышный билет...»

Но позвольте, матушка! Разве вам не повезло с Указом о запрете абортов? Разве не подфартило четыре раза выйти замуж? Или: «Когда ждала первого ребенка, хотела только мальчика. И я его получила». А потом: «Хочу девочку. Хочу — и всё!.. И получилась девочка». Да что же это, как не самое настоящее большое везение?! А разве не в нужное время не в нужном месте оказались вы в мебельном магазине, в котором продавался финский гарнитур? А уйти от страшных бандитов, которые по неизвестной причине хотели не то четвертовать вас, не то сделать из вас абажур? А попасть в Думу? А стать министром? Разве всё это не выигрышные билеты?

Правда, в иных случаях Хакамада, словно уже не владея своими уставшими мозгами, начинает и в этом вопросе давать показания против самой себя. Не везло, не везло, не везло и вдруг: «Мне повезло. Я съездила в Японию, США. Швейцарию, Англию...» Или: «По всем прогнозам я должна была проиграть выборы в Думу, но против всякой логики я победила». Опять повезло! Наконец: «Всего, о чем мечтала, добилась. Хотела преподавать — преподаю, хотела продвинуться в науке — продвинулась. В 30 лет — учёная степень, звание доцента, должность заместителя заведующего кафедрой... Ясно, куда двигаться дальше: приниматься за докторскую диссертацию».

И всё это везение — в советское время. Что же такой человек, столь многим обязанный советскому времени, говорит об этом времени, о советской власти? Обратимся опять к прямым цитатам.

«Жизнь в СССР была убога... Тётки советского образца — грузные, бесформенные, плохо причесанные...» Мадам, но такие «тётки» есть во всём прекрасном цивилизован-

ном мире, а такие, как вы, Чубайс и Немцов, во всём цивилизованном мире смотрят на них брезгливо, говорят о них с презрением. В другой раз вы заявили об этих тётках: «Бедным быть в наше время стыдно!..» Вы их стыдите!.. Неужели не сообщаете, как это звучит в стране, где двадцать миллионов бедных, т.е. живущих из-за ваших живодёрских реформ и вашего безграмотного правления на 6–7 тысяч рублей в МЕСЯЦ.

Естественно, вы боитесь бедняков и ожидаете возмездия: «Бедный всегда завидует богатому, а потому способен на всё!» Да, история свидетельствует, что ваши ожидания могут сбыться.

А как вы неумны в своём презрении к нашим труженицам: «Советская женщина не имела собственного лица». Ну и кого же советская жизнь лишила лица, кто бесформенная и плохо причёсанная — Вера Мухина? Галина Уланова? Марина Раскова? Нона Гаприндашвили? Элина Быстрицкая? Ольга Берггольц? Людмила Зыкина?..

«Советский гимн ассоциируется с режимом, который унижал и угнетал людей... Представьте себе ревностного христианина, которого заставляют молиться дьяволу».

*Славься, Отечество, наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот...*

Это в её ушах — голос дьявола.

«Нами помыкали парикмахеры, приёмщицы в ателье, а мы смотрели на них подбостранно и униженно». Когда сидишь у парикмахера в кресле, он действительно хозяин твоей головы, делает с ней всё, что хочет, — в пределах твоего заказа.

«То, что произошло в октябре 1993 года, мы должны принять как Божье наказание за враждебную самой жизни приверженность химерам советского прошлого... Власть пожирала людей...» Но ни её, ни матушку, ни батюшку, ни одного из четырёх мужей сожрать не смогла. Повезло?

Легендарный «Артек», куда Хакамада «попала случайно», — это, оказывается, «настоящая казарма, дикая муштра, отвратительная кормёжка».

Но полнее всего нравственно-политическую и умственную суть этой дамы раскрывает её рассуждение о Великой Отечественной войне и нашей Победе. Трудно поверить, но вот что она пишет на 225-й странице своего сочинения: «Задавленным, нищим, полуголодным, плохо вооружённым и кое-как обученным людям оказалось по плечу разгромить сытых, вышколенных профессионалов с их самой совершенной на тот момент военной техникой». Да как же удалось-то? И заметьте, это она хочет похвалить наш народ: его, мол, держали в нищете и голоде, для обороны советская власть ничего не могла ему дать, кроме топоров да вил, а он разгромил сытых профессионалов...

Смешно с такой дурью спорить, но по поводу нашей голодухи всё же замечу. На войне всякое бывает, конечно.

*Но есть войны закон не новый:
В отступенье — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли, сяк,
В наступленьи — натоцк...*

Это написал человек, побывавший на двух войнах.

Своё сочинение Хакамада сопроводила пространством послесловием «родного мужа», почему-то по имени не названного. Среди понятных восторгов «родного мужа» есть и похвала родной жене по поводу: «её уважения к знанию, к профессионализму». Более того, «с собственным суждением в то, чего хорошо не знает, она не полезет». Так-таки и не полезет?

Мы воочию видим, как с таким представлением о величайшем событии в истории нашего народа, с таким содержимым черепной коробки эта дамочка и её друзья лезли и пролезли в депутаты, в спикеры, в министры, в вице-премьеры... И ещё учат нас, как жить.

/ Владислав ШУРЫГИН /

Бедный Шурик

*Психопатология одного
отщепенца*

Ещё недавно он сравнивал себя с командиром партизанского отряда на оккупированной Псковщине, предупреждая, что после освобождения его демократические коллеги-журналисты могут

«оказаться повыше, чем оказались фашисты». Его резюме: «Спасти нас может только русская идея, русский народ, русская интеллигенция. Интеллигенция, которая докажет, что её интересуют не шмотки, не «видики»,

не должности, а боль и страдания одуроченных людей... А после этих демократов страну придется восстанавливать, как после немцев плюс как после ордынского нашествия...»

Для характеристики своих врагов он придумывал остроумные неологизмы: «Ебелдос» — аббревиатура «Ельцин, Белый дом, Свобода», «Забелдос» — «Защитники Белого дома и свободы», «Собздик» — «Собчак — защитник демократии и конституции»...

Ещё недавно он не стеснялся заявлять, что заслуга Сталина в том, что он «укокошил много родни профессиональных революционеров из числа тех, кто создал нам это удовольствие под названием Октябрьская революция... Он хорошо знал эту публику. Личность Сталина не представляется мне более мрачной, чем фигуры Калигулы или Тиберия. Этот, по крайней мере, создал государство... А все эти так называемые массовые репрессии на 95% — миф». А Ленин, по его мнению, «классный авантюрист, интриган и политик. Правда, безмерно жестокий, хотя и не такой, как эта ваша трепещущая интеллигенция типа Сахарова».

Он был членом редколлегии газеты «День», членом Думы Русского национального собора, членом оргкомитета Фронта Национального спасения, почётным бойцом батальона «Днестр» приднестровского ОМОНа.

Его имя — Александр Невзоров.

Но теперь он говорит совершенно иные речи: «Новый «выбор России», которая сегодня не скрывает симпатии к Иосифу Сталину. Разумеется, сколько бы РФ ни «елозила задом по стёклышку», она не забеременеет никем, похожим на Виссарионовича. Но она елозит. Она в очевидной тоске... и охоте. Похоже, тысяча лет непрерывных изнасилований и побоев не прошли для неё даром. У неё выработалась стойкая привычка быть битой, и ей нужен тот, кто сможет позизгалиться над ней по-настоящему...»

То, что произошло с Невзоровым, можно описать только в медицинских

терминах. Никак иначе невозможно объяснить: как человек, который сделал себе имя как пламенный патриот, трибун, бесребреник, ставший для миллионов людей, по сути, живой легендой, вдруг предал всё и всех.

Мы должны попытаться понять, что же случилось с Невзоровым? Какую внутреннюю трагедию, какой надлом, какой страшный удар он пережил? Ведь не мог в здравом уме человек, гордившийся дружбой с владыкой Иоанном, снимавший передачи о «тайном монашестве», часами рассуждавший о сакральности: «Я недостаточно часто бываю на исповеди и к причастию хожу достаточно редко», о русском христианстве, стать богоборцем, злобно отвергающим всякое понятие святости: «Впервые за последние сто лет церковные иерархи так явно выставили своего Бога на посмешище. Теперь понятно, что ему, несмотря на его всемогущество, т.е. на запасы

эпидемий, небесных булжников и легионы ангелов, — без дополнительной статьи в УК РФ, запрещающей смеяться над служителями его культа, ну никак не протянуть даже до нового, 2013 года».

Не мог человек, провозглашавший: «Да какой я, к лешему, независимый? Я служу Отечеству, Родине точно так же, как любой солдат!» — заявлять: «Я подозреваю, что то, что происходило в Грозном, и то, что происходило в Чечне, когда маленькая Чечня тремя тысячами так называемых бандитов на самом деле вертела на пенисе гигантскую Российскую армию, дивизию лампасоносных генералов, командно-штабные машины, генеральные штабы, бесконечных людей в фуражках и делала с ними всё, что хотела, этот опыт не учитывать нельзя. И говорить про то, что у нас есть какой-то существенный потенциал военный, могут только те наивные кабинетные люди, которые не прошли

хотя бы парочки войн и не видели эту русскую армию в действии».

Не мог человек, чеканивший с экрана: «Спаси нас могут только русская идея, русский народ, русская интеллигенция. А после этих демократов страну придется восстанавливать, как после немцев плюс как после ордынского нашествия... Горбачёва ждет вышка», — после этого совершенно хладнокровно заявить, что «Русский мир — это химера, а Русская идея — это идея «трупобразующая, всюду, где она соприкасается с реальностью, мы видим горы трупов...»

Это какая-то чудовищная трансформация личности, и она никак не связана с деньгами, которыми его якобы купили: ведь такое самоистребление, такое страшное самоубийство не может быть куплено ничем, а может быть лишь следствием огромного разочарования, перелома, распада в его физическом смысле, когда одно вещество распадается на несколько совсем иных, с дорогой от любви до лютой ненависти ко всем сущему и к самому себе в первую очередь. Это полный распад души и духа, отчаяние в его первоначальном эсхатологическом смысле. И ненависть Невзорова к окружающей его России — это ненависть низвергнутого ангела, ставшего демоном.

Возможно, главным искушением, который не выдержал разум Невзорова, стала встреча с Борисом Абрамовичем Березовским, который, без сомнения, нёс в себе некую печать inferнального зла и соприкосновение с которым буквально испепеляло неокрепшие души и умы. Березовский прекрасно разбирался в людях, и именно люди были его главным ресурсом и главным расходным материалом. И чем ярче, чем талантливее был человек, тем сильнее желал заполучить его в свой личный бестиарий Березовский. Он «объезжал» людей так же, как Невзоров своих кобыл: лаской и лестью, заботой и нарочитым доверием, осуществлением заветных желаний и тайных чаяний, делая из них не бездушных кукол-

болванчиков, а самых ревностных своих адептов и исполнителей.

В Невзорове Березовский смог рассмотреть и понять главную слабость и патологию Невзорова — чудовищное честолюбие. Он увидел, как было страшно тесно талантливому и яркому Невзорову в патриотической среде. Ведь он «вычерпал» весь её ресурс ещё в 93-м, когда был расстрелян Белый дом и придуманные им «Наши» были разгромлены и рассованы по камерам. Тогда Невзоров понял, что советский проект закончен безвозвратно, что «Наши» уже никогда не придут!» — так он завершил одну из своих последних передач. Возможно, искренне, повинувшись душевному порыву, но в 91-м году он поставил не на ту лошадь, и прикованный к этой среде, он уже не мог двигаться дальше и был в ней замурован, как в узилище. А за его стенами кипела другая жизнь: ракетами взлетали в небо новые телезвёзды, собирались состояния, миллионеры становились миллиардерами, миллиардеры — олигархами. Мир распахивался и стелился под ноги новых хозяев жизни. А ему, вчерашнему кумиру миллионов, приходилось довольствоваться лишь широкой известностью в узком кругу, быть кумиром униженных и оскорблённых и довольствоваться местом в Думе рядом с Зюгановым. Невзоров страдал!

И Березовский подхватил Невзорова на свой ковёр-самолёт! «Александр, вы гений!» «Два миллиона долларов на художественный фильм, где вы режиссёр и сценарист? Без проблем!», «Авторскую передачу на Первом? Без проблем!» Рядом с ним Невзоров впервые прикоснулся к тайне ВЛАСТИ, он впервые вблизи, на расстоянии вытянутой руки, увидел, как ДЕЛАЕТСЯ власть в России, как из темноты, из небытия можно управлять самыми сильными мира сего, как самые глухие двери, словно перед заклинанием, открываются перед лёгким стуком костяшек пальцев злобного гения. Как смиренно и послушно сгибают перед ним свои выи те, кто, казалось,

мог сокрушить кого угодно. Невзоров рядом с Березовским увидел и познал, что управлять Россией можно, не имея никакого чина или должности, не имея ни полков, ни дивизий, а лишь несколько телефонов. И не просто управлять, а, словно по мановению волшебной палочки, создавать из воздуха целые состояния, начинать и заканчивать войны, трепать по холке самых лютых зверей рода человеческого и гладить самых ядовитых гадов без страха быть ими ужаленным. Это опьянило непьющего Невзорова куда сильнее любой самой «палёной» водки, вскружило и сорвало мозги, наполнило невыразимо сладостной энергией и азартом: «Собчак оказался абсолютным идиотом, как я и предполагал. И в ответ на предложение помощи, причем самое искреннее — я мог бы помочь и хотел помочь, — он предпринял ряд враждебных шагов, абсолютно враждебных. Он начал обзывать опять садистом, некрофилом, какие-то листовки распространил... Люся, его супруга, тут же написала на меня донос в Центризбирком. Всё-таки идиоты. Нельзя с такими людьми дело иметь!» — с жаром отчитывается Невзоров своему хозяину и покровителю. «Я наш утренний разговор учёл, но я ещё позавчера кое-что слил, и это, может, удастся остановить, а может быть, и нет... Борис Абрамович, я вас поставлю в сложное положение, если скажу, куда... Дорогой мой, вот этого не надо! Я слил информацию...» — докладывает он ему влюблённым голосом.

Он снова жил, снова горел, снова был востребован и даже — о Небо! — оказался почти причастен к управлению тяжёлым и неповоротливым кораблём, на борту которого было написано «Россия»...

И эта близость к Злу просто испепелила душу Невзорова, иссекла из неё всё человеческое, живое. Он поверил во всеислие Зла и присягнул Злу, веря, что с ним поднимется ещё выше и окажется на вершине Олимпа: не на самой его макушке, но где-то рядом, очень близко...

Но Невзоров снова страшно просчитался. Как врубелевский демон, Березовский был извергнут сначала из власти, потом из России, а потом и вообще из этого мира, отправившись сквозь петлю висельника-самоубийцы прямо в ад, чьим послом он был на этой земле. И «подберёзовики» без него ослепли и оглохли. Их просто выбросили на свалку за ненадобностью — ничего личного! Просто гигиеническая процедура...

Паноптикум «испепелённых» Березовским огромен, и Невзоров в нём не первый и не последний. Тайну Невзорова может знать Белковский — один из демиургов Бориса Абрамовича, но вряд ли он поделится ею с миром, ведь оставленный им здесь, в России, утративший его расположение и доверие, он так же, как и Невзоров, остался чудовищно искалеченным существом, тоскующим, как наркоман о дозе, по той чёрной ауре СИЛЫ, которой наделял его покойный БАБ... Именно рядом с Березовским, в его чёрной ауре, Невзоров стал тем Невзоровым, которого мы наблюдаем сегодня.

И совершенно не случайно после этого удара он заболел патологической анатомией. Мёртвое ему стало куда ближе и важнее живого, и, утратив душу, он нашёл себя среди мёртвых и попытался доказать себе и всем вокруг, что души и не было никогда вообще, что Дух, душа — лишь случайная слепая игра природы, выдумка неграмотного человечества, заблуждение, фантом! И в своей книге «Происхождение личности и интеллекта человека» он на пятистах страницах старательно описывает свою картину видения истории изучения мозга, интерпретирует данные различных исследований об интеллекте, но при этом так и не даёт ему никакого корректного определения, как не даёт определения «разуму», «мысли», «сознанию», «личности». То есть просто фехтует с пустотой, так и не перейдя к сути. Многостраничный претенциозный труд Невзорова так же блестящ и мёртв, как его автор. Не случайно он был страшно

оскорблён тем холодом, с которым была встречена его книга в профессиональной среде нейрофизиологов. Профессионалы его взвесили и нашли слишком лёгким...

Драма Невзорова в том, что он — страшно одинокий человек. Ему больше не с кем поделиться тем страшным знанием, которое он приобрёл. Груз этот ему просто ни к чему, но и бросить его он не может. Он, знающий, как устроен Мир, каковы тайные пружины управления человеческим стадом и даже тем, как функционирует мозг паучка *Lycosidae*, отрезан от всех этих рычагов и механизмов и ещё более одинок, чем заброшенный на необитаемый остров Робинзон, — с той лишь разницей, что у Робинзона была надежда вернуться в мир, к людям, а у Невзорова этой надежды больше нет. Его «князь тьмы» Борис Абрамович ушёл навсегда, и понимание этого делает его тем Невзоровым, которого мы видим: мизантропом, циником, Геростратом, богоборцем. И это действительно огромная драма очень талантливого и яркого ума!

Чем он может расплатиться с ненавистным ему Русским миром?

Вылить ещё больше яда на неблагодарную, невытую Россию, в которой он отбывает свой по-

жизненный срок: «Рогозин строит на Луне секретные заводы. Черносотенцы в секретном сарае Изборска пытаются завести главный символ православия. Они веруют, что он оживёт, затарахтит и поползёт намагивать кишки бездуховной планеты на священные гусеницы. А они сами смиренно последуют за ним и прикладами зачищают греховное пространство Запада под Русский мир, вбив в головы случайно уцелевших перлы о «слезинке ребенка» и добром «народе-богоносце». Чтобы обеспечить пафосность этого мессианского шествия, черносотенцы подсушили и возродили имперский флаг. Примечательно, что вместо орла на нём будут размещены перечёркнутые кружевные трусы, что, конечно, будет лучшим символом страны победившей духовности...»

Вытащить из пыльных загашников ещё какие-нибудь ворохи воспоминаний, в которых в очередной раз ритуально проклясть всё то, что когда-то сделало его кумиром нации.

Но всё это уже никого не трогает, не задевает.

Написать ещё одну книжку в порыве стремления доказать случайность и бренность существования человека и отсутствия у него души?

Но мозги куда более титанические, чем заключённые в невзоровском черепе, пытались сделать это так много раз, что это тем более не трогает.

Сделать ещё один головокружительный кульбит и стать «запутинцем», куда он упрямо посылает «флюиды» намёков: «Если бы на посту президента РФ был не Владимир Путин, а кто-нибудь тупее, то мы бы даже не смогли нормально беседовать по телефону, говоря о главе страны. Предположим, что вместо аккуратного и взвешивающего всё 50 тысяч раз чекиста Путина придёт человек, который полностью пошёл на поводу народного настроения, митингов, торжествующих мракобесов, шовинистическо-милитаристской истерики, — тогда ситуация была бы гораздо хуже. Путин — вмняемый и осторожный человек. И, как бы парадоксально это ни звучало, предельно точен в крайне неприятных вопросах. Парадокс, но он работает сдерживающим фактором...»

Или окончательно слиться с майдано-болотной «туснёй»? «Я глядываюсь в физиономию современной России, я вижу, до какой степени она покрыта фурункулами мизулиных, миловых, мединских, дугиных, я вижу торчащее из ушей и рта Тополя, вижу, что всё это накрыто еще париком Кобзона. Я не вижу никаких родных и симпатичных мне черт в лице этого существа. Я выражаю сочувствие тому, кто женился на этом существе. Конечно, это был очень смелый, но и очень тяжёлый выбор».

Но и это уже никого не тронет.

Его время ушло, и теперь он — всего лишь анатом-самоучка предпенсионного возраста. То ли прозектор, то ли некромант...

И дамокловым мечом нависает над Невзоровым пушкинское «Мне скучно, бес!» Ведь жизнь, по Невзорову, лишь случайное совпадение физиологических процессов, а души нет и никогда не было! Но иногда его тревожит и раздражает язвительный смехок за левым плечом. Бес ведь знает точный ответ на этот вопрос...

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Об эмиграции НОВОЙ ВОЛНЫ

Политические лимерики

Размечтался Илья про Майдан —
С потрохами Госдумою сдан.
Его фейс в интерполе,
И помочь ему в горе
Не возьмётся и сам Амстердам.

Чиркунов, губернатор Перми,
От Перми утомился вельми.
Умотав в Лангедок,
Нынче счастлив как бог:
Нету русских здесь, чёрт их возьми!

Чуток гельманов зад на историю,
Он очистить решил территорию.
Знать, не будет Марат
Уж Россию марать,
Переключится на Черногорию.

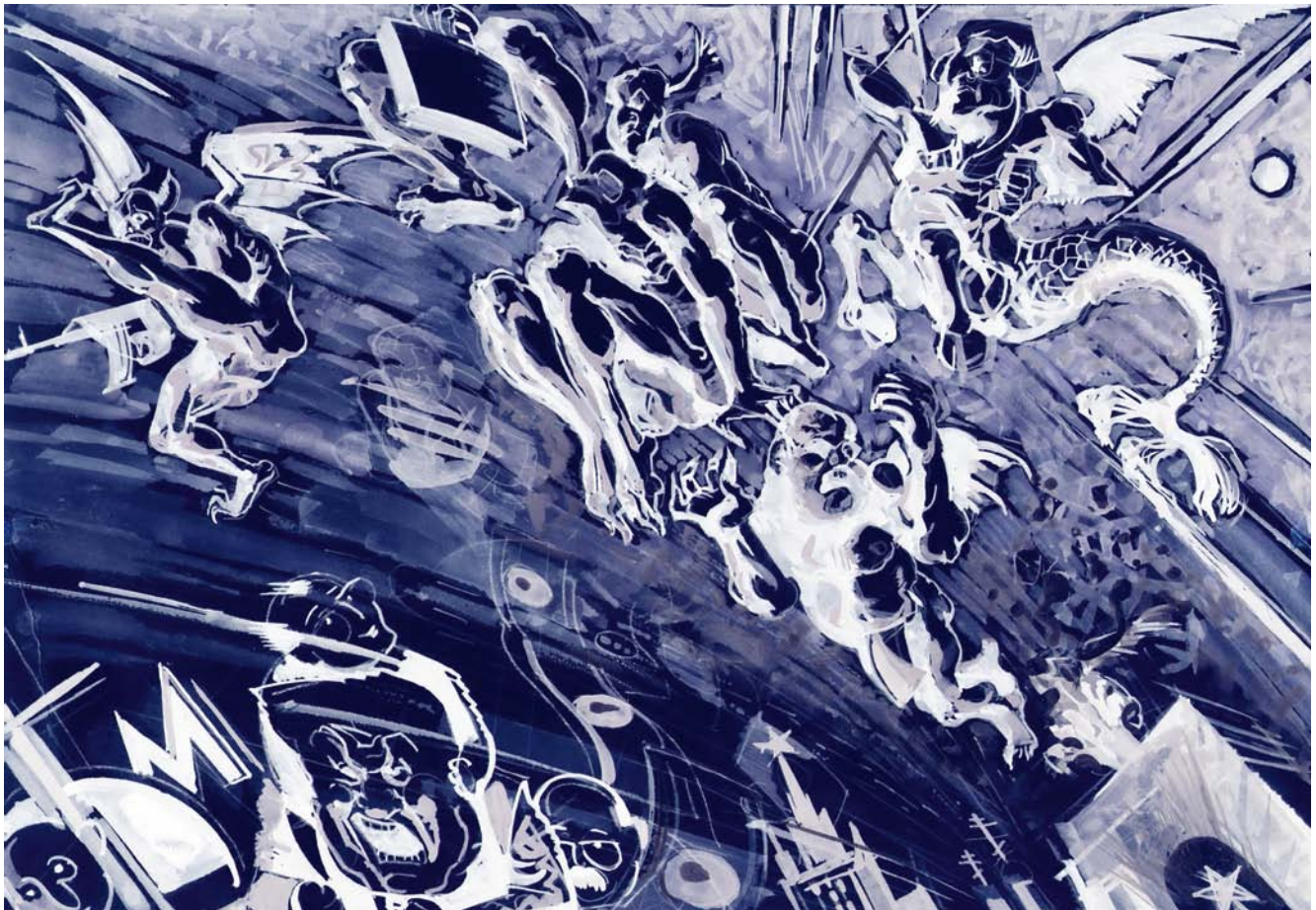
От стихии огня небывалого
Погоревшего жаль Пивоварова.
Он сидит под подпиской
На квартире троцкистской.
Ему к водам бы, в Карловы Вары бы...

Алик Кох, русофоб записной —
Отлучённый теперь, невъездной.
Измельчал он в Германии,
Держит фигу в кармане и
Всё скрежещет больною десной.

А Белковский жил поиском творческим.
Наделён был и зудом пророческим:
Дескать, Путин ослаб,
Обезумел сатрап,
Грезит отдыхом и одиночеством...
Скукота! Из Венеции гавкая,
В фотографию тыкать булавкою;
Насылая на Русь
Мор и порчу и трус —
Севастополь стращать томагавками.

А Немцов, не помянут будь к ночи,
Эмигрировал дальше всех прочих.
Клялся американцами,
Подстрекал к эскалации —
Сам подпал под небесные санкции.

Ходорковский — болван подкидной,
Фридман с Авеном рулят страной.
А пришьются в Лондоне —
Значит, жить нашей родине,
И рассеется морок чумной!

Стругацкие лебеди

*С лидером движения «Суть времени»
Сергеем КУРГИНЯНОМ беседует
культуролог Владимир ВИННИКОВ*

Уважаемый Сергей Ервандович! Темой нашего разговора будут братья Стругацкие. Вернее, их творчество — весьма заметный феномен отечественной культуры, охватывающий период с 60-х по 90-е годы прошлого века. Пик популярности этого феномена, похоже, пришёлся на середину 80-х годов. Но и до того книги Стругацких выходили миллионными ти-

ражами, по ним ставились спектакли, снимались и шли в широком прокате фильмы. У Стругацких сформировалась не просто настоящая армия поклонников — воспитанные на их творчестве люди во многом стали движущей силой тех изменений, которые произошли в нашем обществе. В кругах отечественных «реформаторов» Стругацкие обладали и обладают гигантским автори-

тетом. Достаточно упомянуть, например, известную цитату из Чубайса: «Егор Гайдар как-то позвонил мне и говорит: «Ты думал, что из себя представляет мир Стругацких? Ты вспомни их роман «Трудно быть богом». А ведь это и есть либеральная империя: когда приходишь куда-то с миссией и несёшь с собой нечто, основанное на свободе, на правах человека, на частной собственности и предприимчивости, на ответственности. Бремя правого человека». Или такой бытовухой, казалось бы, но весьма значимый факт, как женитьба самого Егора Гайдара на дочери Аркадия Стругацкого Марии. Или название нашумевшего в своё время доклада ИНСОР «Россия. Полдень. XXI век»... Таких «фактиков» набирается очень много, и есть ощущение, что они где-то, на каком-то достаточно высоком уровне очень жёстко соединены между собой.

Вы тоже обращались к их творчеству — в качестве театрального режиссёра. Как вам видится феномен братьев Стругацких, его возникновение, его развитие и та роль, которую он сыграл в отечественной истории последних десятилетий?

— Прежде чем отвечать на ваш вопрос, я считаю необходимым зафиксировать один очень важный момент.

Есть люди, для которых научная фантастика значит очень многое. Есть поклонники научной фантастики, которые детально знают её, интерпретируют и даже развивают, есть целые клубы любителей фантастики. Я их очень ценю и уважаю. Но, как бы много их ни было и как бы далеко они ни заходили в своих изысках и поисках, отправной точкой того, что они делают и думают, их ключевыми словами, будут цитаты: «и тогда дон Румата...», или «дон Рэба, орёл наш...» — и так далее. Им это нравится, они это любят, для них всё это очень вкусно.

Я не могу любить такой функционал. Я не очень хорошо знаю нашу научно-фантастическую литературу, но в эстетическом смысле она для меня делится на очень плохую и просто плохую. Очень плохо писал Ефремов и просто плохо писали Стругацкие.

Я не могу восхищаться тем, как это сделано. Это — не моё. Я воспитан на другой литературе. Я воспитан на Томасе Манне, на Уильяме Фолкнере, на высокой русской и западной классике. Я — не из технократической семьи. Все мои корни, все мои личные коды — всё связано с гуманитарными науками: с филологией и литературой, поскольку это мать; и с историей,

поскольку это отец. Я в этом гуманитарном котле варился и варюсь до сих пор. Моё формальное образование здесь не играет главной роли, оно вторично.

Я могу от этой точки двигаться к Борхесу или — уже с трудом — к Честертону. Но я не могу от неё двигаться в сторону братьев Стругацких. Такой путь для меня попросту закрыт. Это так и никогда не будет иначе. Можно считать это достоинством или изъяном, но к подобного рода литературе я отношусь с некоторым высокомерием. Это не значит, что я с таким же высокомерием отношусь к тем, кто её любит, кто не мыслит своей жизни, своего существования без неё. В этом смысле, как говорила моя дочь, когда была совсем маленькой, моей маме, своей бабушке, в ответ на уговоры любить собак: «Давай ты будешь любить собак, а я — кошек».

— Иными словами, «сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь!» — это не ваша позиция?

— Конечно нет. Просто отсутствие литературных достоинств у братьев Стругацких для меня — неотъемлемая часть характеристики их творчества. Вот, например, полупроводник. В нём есть электроны, а есть — «дырки». «Дырки» — тоже нечто, и нечто, весьма важное с функциональной точки зрения. Поэтому факт наличия литературной «дырки» у Стругацких я должен зафиксировать, чтобы двигаться дальше. Заранее прошу прощения у тех, кто считает иначе, — я не собираюсь с ними дискутировать или их переубедить.

Итак, для меня творчество братьев Стругацких — это не литературное, а социальное явление. И социальное явление — огромное, его мизерной литературной составляющей совершенно не соответствующее. Моя оценка этого явления исходит из представлений о том, где было наше спасение и где — наша гибель. Говоря «наше», я говорю, конечно, о советской цивилизации.

Внутри Советского Союза сформировались очень дорогие для меня ценности и группы, которые я называю постиндустриальными или сверхмодерном. В основном, конечно, это технократические, научные и другие социальные пласты, в силу абсолютизации марксизма очень отчужденные от мирового гуманитарного контекста, но очень продвинутые и состоятельные в тех проблемах, решением которых они занимались. Для меня это был несомненный актив, «золотой фонд» советского общества по состоянию, скажем, на 1985 год. Я себя к этому активу относил и его рупором в некотором от-

ношении являлся, поскольку мой театр тогда был суперпопулярен именно в этих слоях, которые мы поднимали на революцию.

— **Вы тогда были революционером?**

— Да, мы хотели революции в СССР. Мы понимали, что только она может спасти советскую цивилизацию, которая должна перейти в постиндустриальный этап. Для этого нужно было очень мощное доразвитие коммунистической идеологии. И, если бы мы в этом преуспели и повели за собой советский технократический актив, — я уверен, мы бы жили сегодня в стране «номер один» по всем показателям: экономическим, социальным, культурным. Америка и Китай, как сейчас говорят, нервно курили бы в сторонке.

Но для этого нужен был прорыв, возможный только в условиях революции. Революция могла быть «сверху» или «снизу» — это не важно. Либо этот актив должен был возглавлять массы и вести их на прорыв, либо его должна была поддержать некая часть властной советской элиты, на что мы и рассчитывали.

— **А что вы хотели уничтожить, устранить в ходе этого прорыва, этой революции?**

— Здесь у меня есть несогласие с теми, кто говорит о Советском Союзе исключительно в ностальгическом ключе. Речь шла о ликвидации тех застойных явлений, которые стали нетерпимыми уже к середине 80-х годов, но под «демократической» вывеской приобрели просто катастрофический характер. Всей этой системы полусонных управленцев, неспособных решать и даже ставить задачи постиндустриального развития, паразитирующих на «сырьевой игле»...

— **Сергей Ервандович, можно ли сказать, что речь идёт о социальном слое, который монополизировал производство такого идеального продукта, как управление?**

— Нет, речь идёт о том, что они могли управлять только той страной, которую имели. Они понимали, что в новом постиндустриальном формате лишатся всего. Что у них нет ни мозгов, ни желания для чего-то другого. Они не понимали, зачем это делать, и — главное! — бессознательно чувствовали, что этот постиндустриальный формат уничтожит их как класс. Что могут делать извозчики в стране автомобилей? Класс извозчиков-бюрократов исторически был заинтересован в том, чтобы автомобилей у нас не появилось. Нет, против собачьих или оленьих упряжек они в принципе ничего против

не имели. Но выпускать из рук привычные вожжи: во имя развития, во имя любви к Родине или по какой-то иной причине, — они не хотели и не могли. Каждый конкретный человек готов был сто раз освободить своё место и уйти на пенсию или куда угодно ещё, чтобы только Родина жила и развивалась, а вот класс в целом — нет, никогда.

Поэтому и нужна была революция. Мы говорили об этом, мы ощущали себя пусть недооформленной, но всё-таки партией, так сказать, революционного когнитариата — это тоффлеровский термин, который я готов применять, — и для номенклатуры были к 1985 году, наверное, опаснее, чем все остальные, вместе взятые. Номенклатура сформировала несколько колонн. Она, во-первых, отрывала тех, кто говорил о революции, от самого актива, а во-вторых, перемещала актив с революционной повестки дня на какую-то соседнюю, то есть переформатировала его.

Одними из участников такого переформатирования были Стругацкие.

Два главных политических субъекта, которые выполняли такое переформатирование, — это академик Андрей Сахаров, который переформатировал всё на либеральную повестку дня, и писатель Александр Солженицын, который переформатировал всё на консервативную повестку дня. И то и другое уже не было революционной повесткой дня — их задача заключалась не в том, чтобы вывести нашу социальную систему на качественно новый уровень, а в том, чтобы её разрушить. Спрашивается: что дальше? Ответ: а вот как разрушим — так всё и станет хорошо.

Было ясно, что ничего хорошего не будет, новая система не создаётся, страна развалится, будут обломки, но тем не менее наш актив тянули именно туда.

Стругацкие же в этом процессе выполняли пусть относительно второстепенную, но очень сложную и необходимую функцию, поскольку речь шла о технократах — а основное ядро нашего потенциально революционного актива, этого советского когнитариата, было технократическим.

Советская коммунистическая номенклатура боялась гуманитарных наук, потому что развивать их, не развивая обществоведение, было невозможно. А технические науки развивать надо было. Поэтому технократам давали больше участия во власти, денег, социальных благ, чем гуманитарным пластам, которые находились в очень убогом состоянии. Гуманитарный

«мэйнстрим» занимали ортодоксы самого худшего разлива или диссидентствующие группы, которые мимикрировали под ортодоксию. Всё, что могло и должно было развиваться, отправлялось куда-то далеко на отшиб. А те, кто делал ракеты, компьютеры и всё, необходимое для защиты от Америки, — всё-таки получали свою дозу кислорода. В результате, с одной стороны, советская технократия была живой и энергичной, а с другой — безумно оторванной от серьёзной гуманитарной культуры. Но — это уже в-третьих — страстно охочей до оной. И, наконец, в-четвёртых, — лишённой серьёзного гуманитарного вкуса в силу своей технократической односторонности. Сочетание всего этого приводило к тому, что от Стругацких они балдели «на счёт раз».

— **По-вашему, Стругацкие были культурным продуктом, специально оформленным для данного социального слоя?**

— Да, несомненно. И вот я, в принципе, знаю, что на Западе существовали большие интеллектуальные фабрики, которые создавали литературную продукцию, в том числе «фэнтези», по аналитическим запискам. Я не говорю, что всё «фэнтези» так писали или что Станислав Лем, так писал, но массовая, популярная «фэнтези» на Западе писалась, как правило, по заказу.

— **То есть в этот стог вкусного сена была напихана целая куча иголок?**

— Очень много, и они все, повторюсь, в принципе известны. Известно, кто писал аналитические записки и кто их потом творчески перерабатывал: на литературу, предназначенную для широкой массы, или для определённого контингента, — это называлось «адресатом пропаганды»; что именно туда закладывалось и как это срабатывало.

Я не могу сказать, что способен реконструировать аналитические записки, по которым писали Стругацкие. Но и называть их людьми, чуждыми этой игре, я не берусь — мне так не кажется. У меня даже есть определённые основания считать, что это не так. Например, когда нужно разбирать конфликт между КОМКОН-2 и КОМКОН-5, то сразу видно, что эти номера связаны с соответствующими номерами управлений КГБ. Они не хотели от этого очень далеко уходить, и сами вполне купались в «спецспектах» своего творчества. В этом была своя поэзия, и кайф от этого был: «Мы с ЭТИМ — играем!» Они не были чужды этой спецтеме, как не был чужд ей, например, Редьярд Киплинг, Сомерсет Моэм и многие другие писатели. Я не хочу сказать, что это априори плохо, но есть люди, которые бегут от такой тематики, а Стругацкие от неё не бежали и даже шли ей навстречу.

— Ну так этот момент даже описан у них в повести «Гадкие лебеди», в ходе разговора бургомистра с писателем Виктором Баневым: «Материалы все мы вам представим, можем представить этакую схемку, планчик, по которому было бы желательно. А вы коснётесь опытной рукой — и всё заиграет...»

— Поэтому — и по ряду других причин — я не могу считать их свободными от такой игры, что не является для меня ни плюсом, ни минусом. Я отношусь к этому просто как к индикатору, как к факту жизни. Но мало ли, из какого сора «растут стихи, не ведая стыда», — поди ж ты, сделай из аналитической записки роман. Это надо иметь гигантский талант — пусть не художественный, но масскультурный: сделать так, чтобы сотни тысяч людей твой продукт «заглотнули», чтобы, говоря нынешним языком, «пипл схавал». У Стругацких получилось своеобразное явление масскультуры, претендующее на «высоколобость» и даже не чуждое этой «высоколобости» до конца. Вот с этой точки зрения их творчество было, можно сказать, гениальным, абсолютно адекватным поставленным задачам.

Всё, что они делали, нашими технократами воспринималось не только как явно и безусловно «своё», но это «своё» было вдобавок пропитано какой-то гуманитарной новизной, — а сопоставить эту новизну с гуманитарными

революциями на Западе и понять, что «осетрину завезли не первой свежести», наш когнитариат не мог. И с радостью это усваивал, вбирая в своё сознание предложенную Стругацкими — или, вернее, через Стругацких — матрицу. И она там стала работать.

— **Что это за матрица?**

— Она очень сложная. Как только уходишь от литературной формы к социальному феномену — сразу обнаруживается этот гигантский разрыв. Начали они просто с коммунизма. Их сила заключалась в простом принципе: вся новая метафизика будет сформирована из физики, из науки. Она не будет существовать отдельно, на каких-то собственных, метафизических принципах. Им неинтересно «дао в физике» — им интересно то, что есть в самой физике. «Квантованной протоматерии» достаточно — не надо никакого «дао». Расширяющейся Вселенной Зельдовича, «тёмной материи» — самих по себе уже достаточно для расшифровки всех загадок человеческого бытия...

— **То есть они сначала банально льстили вашему когнитариату, ориентируя его оставаться там, где он находился, всё глубже закапываясь в землю естественно-научных дисциплин? Но ведь наука — это тоже своего рода мифология и магия?**

— Я всегда спрашивал своих оппонентов: зачем они используют термин «расширяющаяся Вселенная»? Они отвечали, что это метафора. Тогда я спрашивал: зачем вы говорите, на сколько световых лет она ежегодно расширяется? Они отвечали, что эти цифры — тем более метафора. А что такое тогда — «край Вселенной»? Оказывается, нет у Вселенной никакого края... Ну-ну, ну-ну... Тем не менее теория «большого взрыва» считается серьёзной наукой, её признал Второй ватиканский собор, сегодня уже православные богословы активно занимаются её наложением на традиционный креационизм — все включаются. То есть современные учёные утратили или же потеряли ту способность, которую имели раньше: «не измышлять гипотез» и на этой основе порождать полноценную культуру, которую я для себя называю «сверхмодерном». Я очень надеялся на то, что коммунизм умрёт, породив этот сверхмодерн. Но нет, всё произошло не так...

Так вот, начали Стругацкие с коммунизма, а завершили, к моему прискорбию, тем, что «дешёвая колбаса делается из человечины» и что ничего лучшего, чем либеральное устройство общества, нет и быть не может.

— **То есть «сыграли на понижение»?**

— Да, и повели за собой всех на такое понижение. Но это был первый этап, «коммунистический». Потом у них началась прогрессорская тема. Эта тема, в принципе, не нова. Она имеет богатую традицию, и для неё совершенно не обязательно изобретать инопланетян. Прогрессорская тема началась, когда появились колонии, в которых жили дикари. Дикари — это, по сути, человечество, находящееся на другой, более низкой по сравнению с европейской ступени развития. Что имеет право делать человечество, находящееся выше, с человечеством, находящимся ниже? Абстрагируемся от задачи властвования — как оно вообще должно с ним работать?

Относиться как к равному — невозможно. Относиться, как к ребенку, который еще вырастет? У Клиффорда Саймака есть такое произведение «Почти как люди» — в нём описано примерно то, что произошло сейчас с нами. Вот это вот — «люди» или «не люди»? Куда эту тему ни переноси: хоть в космос, хоть в будущее, — она от этого свои качества не изменит. Это гностическая тема. Она подразумевает, что никакого единого человечества нет. Прогрессор, который прилетает на другую планету, — почему он должен считать себя единым с тем человечеством, которое там находится? С одной стороны, он будет находиться вместе

со всеми, а с другой — будет очень даже от них оторван...

Здесь наносится первый удар по гуманизму. А что такое гуманизм? Для меня он характеризуется фразой: «Гуманизм был скелетом нашей природы». У нас в театре по этому поводу говорят: «Гуманизм был. Был скелетом. Скелетом природы. Природы нашей. Кто сожрал мясо?» Каждый раз, когда вы поднимаете проблему фундаментального антропологического диагноза: хоть в планетарном изводе, хоть в изводе Робинзона Крузо, — вы по гуманизму наносите довольно сильный удар.

Возникает теория эксперимента по отношению к человечеству. Можно ли экспериментировать с ним вплоть до уничтожения? Готовы ли мы к таким потерям на пути к будущему единству человечества? Ведь к каким-то потерям мы же готовы? Где тут научная истина, а где — гуманизм? Наука ведь имеет запреты, пусть даже очень относительные. С одной стороны, доктор Менгеле — садист и палач. А с другой — он человек, который внёс безусловный вклад в науку, большой учёный. На кроликах вы же испытываете ваши препараты, а на низших расах, что — нельзя? Почему?

Но как только мы часть людей лишили субъектности и приравнили к кроликам — всё. Вы же не обсуждаете проблемы кроликов, вам они неинтересны. Пошив шапок, рецепты приготовления кроличьего рагу — вы же не применяете к этим необходимым делам принципы гуманизма? Как только вы поделили человечество, у вас возникают все эти вопросы — с дегуманизацией субъектности, дегуманизацией этноса как системы поведения и так далее.

А далее появляется уже полномасштабная гностическая концепция — в «Отягощённых злом». Пытающаяся — правда, очень неудачно, — скопировать и трансформировать «Мастера и Маргариту». Ведь если второе начало термодинамики верно, если Вселенную ждёт «тепловая смерть», то это подтверждает давнюю гностическую мысль о том, что наше бытие повреждено и потому распадается. Но тут же появляется мысль о возможности существования какого-то принципиально иного, неповреждённого, нетленного бытия, на достижение которого была сориентирована вся алхимия, все гностики... И если молитва христианина «Отче наш» ведёт к бессмертию, то для гностика это иллюзия: инобытие или есть в человеке изначально, или его нет.

А ещё далее, буквально через шаг, выяснилось, что это — такая поэзия спецслужбист-

ского высокомерия. И даже более того. Потому что для меня, как только люди переходят на позиции фундаментального неравенства людей, — они переходят, я прошу прощения, грань между коммунизмом и фашизмом. Или между хилиазмом и гностикой, если угодно. Нельзя строить рай на земле и одновременно считать, что Сотворитель жизни — ничтожество и дурак. Тут очень сложный вопрос. «И последние станут первыми...» Если последние — звери, как они могут стать первыми? То есть начали с коммунизма, потом повернули в сторону теории цивилизаций Тойнби, «антропологов в штатском», довели это до космической, вселенской «спецухи», а в конце концов эту «спецуху» вывернули в гностическую сторону. Такая вот непростая эволюция...

— **Знаете, Сергей Ервандович, всё, что вы сейчас сказали, очень легко проецируется на «постсоветскую Россию», с её уникальным социально-политическим строем, который всё чаще определяется термином «рыночный фашизм». Так даже аббревиатуру РФ расширяют.**

— Так вот, возникает вопрос, была ли эта сложная эволюция развитием творчества самих Стругацких, или она была задана извне, и по этой специальной «червоточине» следом за ними массово пошли наши современники? В 1993 году все эти социальные, когнитивные, метафизические особенности творчества Стругацких для меня вдруг связались в один узел. Некто Борис Ихлов написал статью, которая была «рекомендована для медленного чтения», и там говорилось: «Поколению молодых реформаторов повезло: у них были книги братьев Стругацких... переделывать косный мир, им трудно быть богом, но приходится... Гайдар, как Румата Эсторский, вывел танки, они ударили по Белому дому», — то есть весь мир Стругацких начал приспосабливаться под политическую ситуацию, которую надо понять.

Нельзя себе представить расстрел Вестминстера в конце XX века в Лондоне или расстрел здания кнессета в Иерусалиме — чтобы приехали «свои» танки и начали стрелять по собственному парламенту. Расстреляли — а дальше что? Свобода и демократия, да? Это невозможно себе представить! А у нас, когда это произошло и народ в ответ не восстал — он очень на многое себя обрёл.

Ведь если наш народ решил сменить коммунизм на свободу, то свобода — это высокий идеал! В коммунизме была несвобода, и это была смена идеала на идеал. Это не Исаав —

это Иаков. Но тогда нельзя расстреливать свой парламент посреди своей столицы.

А вот после этого расстрела стало понятно, что не идеал на идеал меняли, а идеал — на чечевичную похлёбку. Потом, разумеется, отобрали и похлёбку.

Но вот эта адресация к книгам братьев Стругацких при описании данной катастрофы в маленькой, вроде бы незначительной газетной статье меня тогда почему-то потрясла. Не знаю, почему, — иногда я просто доверяю своим ощущениям. Она меня потрясла так, что изменила мою творческую судьбу как режиссёра.

Я понял, что теперь, с 1994 года, мы переходим в формат спецполитики. Всё. Эпоха политики кончилась. Теперь начинается другая цивилизация, другая жизнь, другая реальность. И я очень долго не понимал, почему другие не понимают этого. Но тогда эта статья стала своеобразной «точкой кристаллизации» перенасыщенного раствора моих впечатлений.

— **И тогда вы решили поставить «Обитаемый остров»?**

— Всё, что я видел и представлял о контактах фантастики вообще и научной фантастики в частности со спецтематикой, оказалось уже спецреальностью, и мне захотелось поставить уже не Стругацких, а выявить в них аналитические записки, по которым это писалось. Или придумать эти записки — я ничего не утверждаю, я пытаюсь воссоздать смысловой скелет и поставить его на сцене. «Играем Стринберга» — была такая пьеса Дюрренматта. Так вот мы «Играем Стругацких». Сидит человек за столом, передаёт аналитическую записку, говорит: «Напишите по ней текст». Другой человек садится и пишет текст, который потом начинает жить собственной жизнью. Это была попытка создания такой деконструктивной документалистики, там много открытий произошло, интересные образы создавались... Но поставили мы этот спектакль всего несколько раз — мои актёры просто отказывались играть.

А дальше случилось так, что в одну ночь я встал и написал драму в стихах, потом прочитал её в театре, народ страшно оживился, и мы за год поставили спектакль «Изнь», который сыграли уже несколько десятков раз.

— **Вот до чего доводит деконструкция Стругацких...**

— Возможно. Но давайте всё-таки подводить итоги и формулировать, что же это всё такое в конечном итоге. Только ли спецпроект, или не-

что большее? Потому что когда мы добираемся до слов с приставкой «спец-», из них можно много чего сформулировать...

— **А можно ли как-то сопоставить творчество братьев Стругацких, скажем, с творчеством Станислава Лема?**

— Нет. Станислав Лем — очень жестокий человек, напрямую включённый в глобальную элиту и очень точно знающий, что ему нужно: изменить формат существования человека. Он — художник достаточного уровня, чтобы его произведения были литературой.

Я понимаю, кто такой Клиффорд Саймак. Это — Лига Плюща, довольно левая часть американской элиты. С такой степенью точности Лема я определить не могу. Но я чётко вижу, что это — «управление по тенденциям» и такая же «народная демократия», как я — Галина Уланова.

А Стругацкие — это доморощенное явление, созданное исключительно для внутреннего потребления, очень вторичное и, вдобавок, далеко ушедшее от своих первоначальных задач.

— **А с творчеством Ивана Ефремова? Это тоже «специлитература»?**

— Стругацкие и Ефремов находились в сложных отношениях, которые я не могу назвать лобовым конфликтом, но всё-таки... А что породило эту сложность? Может быть, разногласия

двух спецслужбистских кланов, двух элитных групп? А что это за группы? Это противоречия двух философий, двух структур, способных к контрастному метафизическому существованию? Но это уже не уровень спецпроектов — это уровень парapolитики, уровень субъектов, способных к миропозитному целеполаганию.

— **Можно ли сказать, что наши «демократы», наши «молодые реформаторы», сторонники «рыночного либерализма», по большому счёту, сыграли написанный или, вернее, транслированный Стругацкими сценарий преобразования реальности — и выиграли его?**

— Повторюсь, мы уже перешли со «спецуровня» выше и глубже, на уровень метафизики, где сущности обретают имя. Так вот, в литературном отношении творчество Ивана Ефремова ещё хуже, чем творчество братьев Стругацких, и лично для меня это прискорбно. Он — очень крупная личность, выдающийся учёный, мыслитель. Но не писатель, нет.

Тем не менее сегодня всему человечеству предстоит выбор между, условно, «путём Ефремова» и, условно, «путём Стругацких». Между преодолением абсолюта Великой Тьмы и принятием этого абсолюта. Мне кажется, что вокруг этого будут строиться многие конфликты XXI века: и цивилизационные, и геополитические, и какие угодно ещё.

Леонид ИВАШОВ. Опрокинутый мир. Тайны прошлого – загадки грядущего. Что скрывают архивы спецотдела НКВД, Аненербе и Верховного командования вермахта. –
М.: Книжный мир, 2015. – 416 с.

«Опрокинутый мир» – это мир, где «верх» становится «низом» и наоборот; мир, в котором действуют законы революции. Автор называет эту книгу своим «выстрадавшим и любимым ребёнком», хотя подбор и содержание собранных в ней материалов может показаться неожиданным. Однако жанр «альтернативной истории» далеко не всегда проходит по ведомствам «фэнтези» и «крэйзи». Иногда он выступает в качестве геополити-

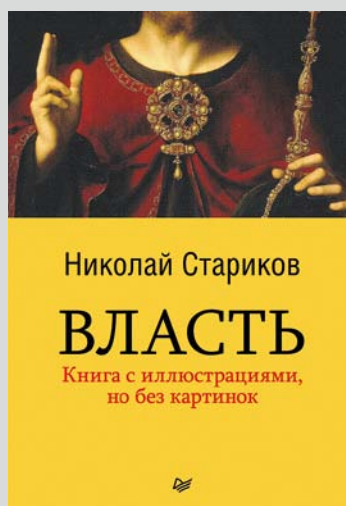
ческой стратагемы, для которой множество ярких конспирологических «побрякушек» – не более чем «рабочая одежда», своего рода комбинация доспеха с маскхалатом. И новая книга председателя Академии геополитических проблем, генерал-полковника Леонида Ивашова, долгие годы служившего «на границе» между разными армиями и разными цивилизациями, несомненно, содержит в себе такую геополитическую стратагему.

Юрий ПОЛЯКОВ. Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма («Коллекция Изборского клуба»). –
М.: Книжный мир, 2015. – 384 с.

Читать публицистику Юрия Полякова не менее и даже более интересно, чем его блестящую прозу. Видимо, в творческом арсенале автора публицистика давно и прочно замещает отсутствующие (отсутствующие ли?) стихи. Впрочем, даже без твёрдого размера и рифм этот непрерывный поток образов выглядит весьма поэтически. «Ныне тотальный охват и молниеносная

отзывчивость информационного пространства таковы, что любые лабораторные монстры, големы и косяки, выскочив из булькающей реторты, поражают общественное сознание. Часто необратимо. Достаточно вспомнить «бандеризацию» Украины, а ведь началось всё с исторических галлюцинаций академика Грушевского». Как говорится – далее по тексту...

Николай СТАРИКОВ. Власть. Книга с иллюстрациями, но без картинок –
СПб.: Питер, 2015. – 225 с.

Феномен «власти» всегда и везде присутствует в нашей жизни: если не в теории, то на практике – обязательно. Мыслители всех времён и народов давали свои определения этому феномену. Николай Стариков говорит не столько о власти как таковой, сколько о её «катализаторе», «химии власти» как «проекции будущего», когда «чье-либо видение будущего становится желательным и обязательным для большинства

людей». Иными словами – о способности тех или иных людей видеть оптимальный путь перемещения «из пункта А в пункт Б», следовательно, иметь максимально полное понимание и первого, и второго, а главное, реализуемый проект, «дорожную карту» самого перемещения. По мнению автора, такую «дорожную карту» наша страна обретает (или уже обрела?) сегодня – впервые с момента гибели Сталина.

Хронология мероприятий клуба

Фото: редакция «ИК»

Делегация Изборского клуба в арт-парке «Никола-Ленивец» Калужской области

1–3 сентября 2015 года

В рамках поездки в Калужскую область делегация Изборского клуба во главе с Александром Прохановым познакомилась с работой индустриальных парков «Ворсино» и «Обнинск», побывала в Боровском, Малоярославецком, Медынском, Дзержинском и Мещевском районах, арт-парке «Никола-Ленивец», заповеднике «Козельские засеки», а также посетила православные святыни: ставропигиальный монастырь Свято-Введенская Козельская Оптиная пустынь, монастырь Успения Пресвятой Богородицы Калужская Свято-Тихонова Пустынь и Свято-Георгиевский Мещевский монастырь. 3 сентября в Козельске прошла встреча изборян с главой области Анатолием Артамоновым.

9 сентября 2015 года

В Омске состоялось заседание регионального представительства Изборского клуба, в котором принял участие и презентовал свою новую книгу «Власть» Николай Стариков.

18 сентября 2015 года

Во внутреннем дворе Новосибирского государственного художественного музея торжественно открыли «Пушкинский дворик» — совместный выставочный проект музея и Изборского клуба, приуроченный к Году литературы в России. Архитектурным и смысловым центром проекта стал отреставрированный памятник Александру Сергеевичу Пушкину работы Е. Н. Телешевой (реставратор — Алексей Агриколянский).

24 сентября 2015 года

В офисе Изборского клуба по работе с регионами состоялся круглый стол на тему: «Святой Иосиф Волоцкий и современность» в честь 500-летия преставления Преподобного Иосифа. Вел заседание руководитель региональных и международных программ Изборского клуба Олег Розанов. В работе стола приняли участие председатель синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Русской Православной Церкви протоиерей Всеволод Чаплин, член Совета

Федерации ФС РФ Алексей Александров, постоянные члены Изборского клуба, приглашённые эксперты.

2 октября 2015 года

В Брянской областной научной универсальной библиотеке имени Ф. И. Тютчева под председательством руководителя регионального представительства Изборского клуба Сергея Ушкалова прошёл круглый стол на тему «Вторая мировая война в памяти народов России: противодействие фальсификации истории».

3–5 октября 2015 года

Делегация Изборского клуба во главе с Александром Прохановым посетила Владимирскую область. Изборцы посетили святыни и памятники Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Покрова на Нерли. Было открыто региональное представительство Изборского клуба, руководителем которого избран предприниматель Павел Мельников. Проведён круглый стол на тему «Духовный выбор святого князя Владимира как ориентир для элиты Средневековья и наших дней».

13–14 октября 2015 года

Делегация Изборского клуба в составе Александра Проханова и Шамиля Султанова посетила Катар.

21–22 октября 2015 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов принял участие в работе XII Валдайского форума, проходившего в Сочи.

26 октября 2015 года

Генерал-полковник, президент Академии геополитических проблем Леонид Ивашов посетил Брянскую область по приглашению регионального представительства Изборского клуба. В областной библиотеке имени Ф. И. Тютчева состоялась встреча с читателями, на которой была представлена новая книга Леонида Ивашова «Геополитика русской цивилизации».

Вспоминая Нефёдова

19 октября 2010 года ушёл из жизни Евгений Андреевич НЕФЁДОВ, с именем которого неразрывно связана история «Дня» и «Завтра». Поэт и публицист, многолетний ответственный секретарь редакции, потомок волжских бурлаков и донских казаков, он «впрягался» в каждый номер нашей газеты, но в нужный момент всегда мог «махнуть шашкой» своего острого, отточенного слова, выводя недругов России из строя, надолго отправляя их зализывать полученные раны... Вспоминая сегодня, через пять лет после кончины, незабвенного соратника, товарища, друга и брата, мы склоняем перед его светлой памятью наши знамёна и головы — чтобы с новыми силами идти по избранному нами, общему с Евгением Андреевичем пути: любви к Богу и Родине, противостоянию их врагам, созиданию нашей чудесной России.

Александр ПРОХАНОВ:

— Если бы я мог сегодня встретиться с Нефёдовым, я бы сказал ему: «Женя! Прости меня, грешного, что за все эти годы: крошечные, страшные дикие, — ты был для меня только частью газеты, нашего общего дела, как и я для тебя. Не было времени спросить, как ты себя чувствуешь, как твоя астма, как твоя супруга, как дочка, как внуки... В том вихре, в котором мы жили и продолжаем жить, почти нет места для нормальных человеческих отношений, для того, чтобы остановиться, посмотреть друг другу в глаза, поговорить по душам... И мы не понимаем, насколько важно именно это, а потом, когда человек уходит навсегда, уже ничего нельзя изменить, исправить, ничем нельзя заполнить образовавшуюся пустоту. Мы не знаем друг друга, как должны были бы знать, мы не ценим друг друга, как должны были бы ценить, в нас мало любви к ближнему своему. Прости меня, Женя!»

Нефёдов иногда мне снится. В моих снах он — живой, всегда весёлый, всегда

куда-то летит. Чаще всего — не замечает меня, а если замечает, то искренне радуется, как мог бы радоваться солдат-фронтовик увиденному где-то на полустанке в дверях встречной теплушки другу-однопольчанину. Он всегда был в бою, всегда хотел везде успеть: съездить на Украину, съездить в Германию, привезти тираж газеты, издать книгу, написать сценарий, помочь каким-то знакомым знакомых, «пробить» интересы своего Донецкого землячества, вокруг него всегда клубилось множество людей, идей, планов, которые благодаря усилиям Жени становились делами, жизнью, новыми планами. Он создал свой «Русский смех», потому что не мог и не хотел унывать, как бы тяжело и страшно ни было вокруг. И не давал унывать другим. Даже если его смех был смехом сквозь слёзы. Но, наверное, если бы он дожил до нынешней трагедии родного Донбасса, до расстрелов в Красном Лимане, его сердце снова могло разорваться от непереносимой боли.

Владимир БОНДАРЕНКО:

— Отчётливо вижу тот день далёкого уже 1990 года, когда мы вместе с Евгением Нефёдовым собрались на квартире у Проханова, который получил на руки решение Союза писателей СССР о создании газеты «День» и о назначении его главным редактором. Поговорили о планах газеты, о её направленности, и там же, на квартире, Проханов подписал приказы о назначении меня и Нефёдова сотрудниками газеты. За номерами два и три.

Я был знаком с Женей, с 1977 года мы были участниками седьмого совещания молодых писателей СССР, и так случилось, что именно он оказался моим соседом по номеру в гостинице «Орлёнок». Подхожу, помню, к номеру, а там — шум, звяканье бокалов: человек пять украинских «письменныкив» вместе с Женей, тоже делегатом от Украины, отмечают начало совещания. Дружно влился в их ряды, тем более — и сам Бондаренко: вроде бы свой, хохляцкий... С Женей, кстати, общались тогда не молодые делегаты совещания, а маститые уже тогда

Драч, Павлычко, Яворивский, — мастера слова, ныне отвернувшиеся от России. И Женя для них был не просто молодой литератор, а собкор «Комсомольской правды», бывший главный редактор «Комсомольца Донбасса»... Совещание для нас прошло хорошо: и Женя, и я были рекомендованы в Союз писателей СССР, тогда же, на вечернем банкете мы познакомились и с Александром Прохановым, одним из руководителей семинара прозы, о котором я уже написал статью, посвящённую «прозе сорокалетних».

Совпадение это или нет, но через тринадцать лет, осенью 1990 года, мы оказались ядром новой газеты «День», которая мыслилась продолжением знаменитого аксаковского «Дня». В редакцию, кроме нас, Проханов подобрал опытных газетчиков, и мы с Женей поначалу были рядовыми сотрудниками, но по разным причинам эти опытные газетчики быстро разбежались, — видимо, почувствовав протестный боевой, а потому бесперспективный для них в плане «ловли денег и чинов» характер издания. А мы, второй и третий номера, не говоря уже о самом Проханове, так и работали дружно все двадцать лет, до самой смерти Жени Нефёдова.

Мы с Женей оба родились в 1946 году, оба служили в армии, учились в институтах, работали в прессе. Женя перешёл в газету «День» из «Комсомольской правды», которая тогда старалась вписаться в ельцинскую перестройку, я — из доронинского МХАТа, где заведовал литературной частью. Оба были провинциалами: Женя — из донецкого Красного Лимана, я — из Петрозаводска, оба были русскими патриотами.

Его роль в газете «День», а потом и в газете «Завтра» была наиглавнейшей. Газету начинали читать с прохановской передовицы, потом на восьмой полосе читали рубрику «Евгений о неких», а потом уже переходили к другим материалам номера. Когда я стал издавать «День литературы», Женя в каждый номер давал свою пародию.

Осенью 2010 года, накануне двадцатилетия газеты, мы не раз говорили с Женей о том, как провести наш юбилейный вечер газеты «День». В декабре исполнялось ровно двадцать лет первому пробному выпуску. Он готовил свою программу «Русского смеха». И — неожиданный, страшный финал. Теперь уже навсегда каждый юби-

лей газеты будет для меня неразрывно связан с гибелью её «второго номера». Но пока жива газета «Завтра», пока жива газета «День литературы», будет жить среди нас и весёлый поэт, пламенный агитатор, острый сатирик Евгений Нефёдов. Вечная ему память!

Геннадий ЖИВОТОВ:

— Был 2004 год. По рекомендации Олега Бакланова, члена ГКЧП, мы с Евгением Андреевичем Нефёдовым помчались в Киев поучаствовать в президентской кампании Януковича, соперником которого тогда был Ющенко. Помню, долго не могли попасть не только к Януковичу, но даже к его PR-агенту. Пришлось ждать, когда же с нами начнут общаться. И вот, наконец, сверху вальяжно спустился человек из Львова (так он представился), который командовал предвыборной кампанией Януковича, и сформулировал около двадцати тем, на которые Женя должен был написать короткие тексты практически в формате лозунгов, а мне затем предстояло сделать к ним рисунки.

Минут за двадцать Евгений Андреевич написал блестящие речёвки на суржике. Человек из Львова снова спустился откуда-то сверху и, оценив результат работы, пришёл в восторг. Он схватил листы и побежал обратно по лестнице. Сложилось такое ощущение, что в тот момент у него выросли копыта — так громко застучали его башмаки.

Потом мы с Нефёдовым вернулись в гостиницу, и Женя всё переживал: зачем же всё сделал так быстро? Но из Киева он, ответственный секретарь нашей газеты, уехал сразу, а мы с Андреем Фефеловым, люди безответственные, остались в украинской столице и дней двадцать рисовали картинки к нефёдовским стихам. В итоге победу суд отдал Ющенко, но нашей вины в том уже не было — мы свою работу сделали с честью...

Владислав ШУРЫГИН:

— Евгений Нефёдов. Для друзей — Женя. Помню момент нашего знакомства. «День» только-только собирал свою команду. Первые номера — как первые шаги малыша: ещё нетвёрдые, осторожные, но уже самостоятельные. Буфет в типографии «Литгазеты», похожий на школьный пенал,

и невысокий, плотный, улыбчивый мужчина, удивительно похожий на бравого солдата Швейка с иллюстраций Йозефа Лады. Крепкое рукопожатие:

— Привет! Я Евгений! Будем вместе работать...

Тогда я ещё не знал, насколько Женя действительно близок этому неунывающему, бравому чеху, который в любой ситуации не терял чувства юмора, самообладания. Проработав много лет спецкором «Комсомольской правды» в Праге, Нефёдов полюбил этого литературного персонажа всей душой.

Не случайно и главной темой его творчества стал юмор, смех. Зажигательные нефёдовские пародии, его еженедельная колонка «Евгений о неких», его «День смеха», его фестиваль «Русский смех», в который он вложил все свои силы. Сегодня я часто спрашиваю себя, как он всё это успевал?

Ведь с девяносто второго года Нефёдов был ответственным секретарём газеты, фактически — начальником горячего цеха, где кипела, плавилась и формировалась газета. На его плечи легли ошибки и задержки выпуска, не вовремя сданные материалы, опоздания журналистов и срочные тексты, которые в самый последний момент ломали уже сверстанную газету. И всё это рубцами ложилось на его сердце.

Меня удивляло, насколько близко и остро переживал он каждый такой форс-мажор, как горячо спорил на планёрках, как «строгал» нерадивых корреспондентов за позднюю сдачу материалов, за написанные кое-как тексты. Такого уровня «госприёмки», как при Нефёдове, в газете уже больше никогда не было...

Зато Женя мог позвонить поздно вечером, после того как номер уже ушёл в печать, и горячо, почти захлёбываясь словами и кашлем — его тело много лет терзала тяжелейшая астма, — вдруг сказать:

— Старик, твой текст великолепен! Как же ты здорово пишешь! Я просто наслаждался, читая...

Поверьте, из многих похвал именно Женины остались в памяти как самые искренние и важные. Потому что Женя был настоящим журналистом старой советской школы, чьё мастерство и талант привели паренька из донецкого Красного Лимана в Москву: сначала в «Комсомольскую правду», а затем в «День» — «Завтра».

В августе 1991 года Женя мог легко выбрать себе любое место работы. Мог найти другое, безбедное и фешенебельное издание, хвалившее Ельцина и его деяния. Но Нефёдов остался в гонимом и травимом «Дне» — и это был выбор его сердца, его убеждений, и всю свою жизнь он был ему верен. Женя был настоящим рыцарем «красной идеи», верным своим убеждениям до последнего часа жизни.

Владимир ВИННИКОВ:

— Даже не знаю, вправе ли я что-то говорить про Евгения Андреевича Нефёдова, но так получилось, что больше десяти лет работая с ним бок о бок, получая от него буквально каждый день — потому что отпуска и даже выходные тогда в нашем

«партизанском отряде» были редкостью — какие-то уроки газетного дела и используя их на практике, за выпуск газеты «Завтра» с 2007 года пришлось отвечать уже мне, хотя по множеству вопросов, находящихся в компетенции ответственного секретаря, последнее слово продолжало оставаться за Евгением Андреевичем. И с момента его смерти до сих пор этого последнего слова мне порой очень не хватает.

Евгений Андреевич был человеком и блестяще одарённым, и хорошо образованным, но в этой разносторонности своей, в связанной с ней постоянной перегруженности разными делами и обязательствами, он, кажется мне, никак не мог уделить должного внимания и времени своему поэтическому таланту. Хотя его уровень

чувства слова, образа, ритма, рифмы был уникален от природы. Об этом свидетельствуют и его лирика, и его пародии, и его «стихотворная публицистика». Но — я полностью в этом уверен — какие-то главные, самые заветные и лучшие его стихи так и остались ненаписанными, так и не вошли в «золотой фонд» русской поэзии и русской литературы... Однако их «генотип» сохранён в немалом творческом наследии Евгения Андреевича, а значит, они рано или поздно проявятся и появятся на свет через других русских поэтов, которые будут вчитываться в нефёдовские строки. В те строки, которые уже сегодня, когда на его родной земле идёт гражданская война, обрели совсем иное измерение и звучание.

Под красным небом Красного Лимана... Евгений НЕФЁДОВ

ГОРЕ

Чужое горе постучалось
В моё весёлое окно.
Я за окошко подал жалость —
Осталось горе всё равно.

Забросив срочную работу,
На гостя чуть ли не сердит,
Я протянул ему заботу —
А горе вновь в глаза глядит.

Спеша покончить со свиданьем,
Уже вздыхая тяжело,
Ему я отдал состраданье —
А горе всё же не ушло.

Стою и я, а сердце, споря
С рассудком, мечется в груди.
Ну чем ещё сможешь горю?!
И я сказал ему: «Входи!»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Донбасс всегда «давал стране угля»,
Тепло и свет несла его земля,
А вместе с тем в любые времена
Героев и творцов давал сполна!
Да вот они, трудяги славных дней,
Краса и гордость Родины моей,
Горевшие в работе и в бою,
Достоинно жизнь прожившие свою:
Шахтёры, металлурги — соль земли,
Строители, военные, министры,
Учёные, партийцы и чекисты,

Поэты, космонавты и артисты —
Все земляки в одну семью вошли.

Не называю их по именам,
По званиям, наградам и чинам,
Поскольку просто всех не перечтёшь,
Кто сохранил родного края честь.
Их слово прочно и крепка рука —
Я смело положусь на земляка.
Хоть, может, и по-разному сейчас
Сложилась жизнь у каждого из нас.
Мне, скажем, чужд разгул «реформ» в стране,
А кто-то в них освоился вполне.
Мы можем спорить — спор необходим,
Но в прошлое не плюнет ни один!

Не той мы пробы! Мы с тобой, Донбасс!
Мы — плоть от плоти! — твой рабочий класс!..

БЫЛОЕ

Год сорок третий. Северный Донбасс.
Уже враги отброшены от Волги,
Но всё равно, как загнанные волки,
Они рычат про свой победный час.

Ещё хотят отсрочить свой конец,
Жгут города, людей увозят в рабство.
Но испокон веков умели драться
На той земле, где плещется Донец!..

Идут бои. Идут не день, не два.
От жаркой крови тает снег багряно
Под красным небом Красного Лимана
На красном поле — красная трава...

СВОБОДА

Нет ни фронта и ни тыла —
Есть огонь войны.
И небратские могилы
Братьями полны.

Недожили, недоплыли,
Канули во мрак.
И за что себя сгубили —
Не поймут никак.

Неповинно, понапрасну
Положили жизнь
За зелёных, белых, красных —
Не разобрались.

Друг на друга в непогоду
Встали и пошли,
И проклятую свободу
Вместе обрели...

ПАМЯТЬ

Какое счастье — помнить те года,
Где паровозы тащат поезда,
И поднимает по утрам гудок
Наш тихий тополиный городок.

Там жить пока несыто, нелегко,
Там тень беды ушла недалеко,
Там не по фильмам судят о войне,
Но патефон играет в тишине,

Но взгляды так приветливо чисты,
Но речи так спокойны и просты,
Цветут петунии под окном у нас,
И меньше лет отцу, чем мне сейчас.

Там мама вышивает и поёт,
Там бабушка мне сахар отдаёт,
Там слышен мой, сестры и брата смех,
И комната у нас одна на всех...

Нет, не зову о прошлом я тужить:
Там всё бывало, коль разворошить...
Но что-то к нам оттуда не пришло —
И без него сегодня тяжело.

Мне скажут: детство — потому уже
Воспоминанья — праздник на душе.
Но только ль этим в сердце навсегда
Вошли послевоенные года?

ПРОЗРЕНИЕ

Всё начиналось милой болтовнёй
Про общечеловеческие ценности,
Продолжилось «парадом суверенности»,
А кончилось — пожаром и резнёй...

Какая боль, Отечество моё!
Тебя клевали злобными тирадами
Все эти «архитекторы» с «прорабами»,
Как жаждущее крови воронье.

Своей стране пропеть «за упокой»
Спешили под заморские овации.
Себя же называли — «совесть нации»,
Не уточняя — нации какой...

А остальные, мол, — и не народ,
Всё пьянь да рвань или шпана погромная,
Но видит Бог — встаёт страна огромная
И в руки кол, прозревшая, берёт!

Ты будешь жить, Отечество отцов!
И не уйдут от нас твои губители —
В любой одежке и в любой обители
Мы их запомним.
Каждого.
В лицо.

* * *

ПАРОДИИ

СТАРИКИ

*«Мы не от старости умрём —
от старых ран умрём...»*

Семён ГУДЗЕНКО

Печальные были стихи...
Но выпало даже другое!
На нашей земле старики
Теперь умирают — от горя...

Безжалостным сытым ворьём
Их мир в одночасье расколот.
И терпят хулу и враньё,
И мыкают горе и голод.

Забыта былого цена.
Завяли на плитах букеты.
И чуть ли уже не вина
Лежит на солдатах Победы!

Как будто добить до конца
За что-то их тайно решили.
...Отец содрогнётся в могиле,
Но сын отомстит за отца.

БЕСПЛАТНЫЕ СЛОВА

*«На самом деле правды нет,
Любым словам цена пятак...»*

*Блажен незлобивый поэт,
Который думает не так.»*

Дмитрий БЫКОВ

Увы, нет правды на земле!
И выше тоже правды нет.
Свеча горела на столе.
Я вам не кенар. Я поэт!

Нет счастья в жизни, видит Бог.
И автору не прекословь.
Когда не в шутку занемог.
И для него воскресли вновь.

Не верь, что слово — эталон.
О правде лучше позабудь.
К священной жертве Аполлон
На дровнях обновляет путь.

Неправда правду победит.
Словам любим — пятак цена.
Русалка на ветвях сидит.
Товарищ, верь, взойдёт она.

И прогони скорее прочь
Любого с блажью в голове.
Тиха украинская ночь.
А я шагаю по Москве.

Где нету правды до поры.
Где те, кто мне по музам брат.
Обнявшись, будто две сестры.
In vino veritas! — кричат.

Но кто-то тронет за плечо:
«Ваш стих имеет свой резон.
Не отпирайтесь, я прочёл.
Как много дум наводит он...»

ПОД ШУМОК

*«Только и великие творенья
Хороши не все, и в их ряду
Я немало с признаками тленья
И упадка явного найду.
Если хочешь, мог бы целый список
Хоть сейчас составит под шумок...»*
Александр КУШНЕР

Знаем мы творения великих!
В духе воспитательных идей
Силой нам совали эти книги:
Мол, глаголом жгут сердца людей...

Только это — ерунда, ребята.
Не пора ль кумиров тех годов
Скинуть с пьедесталов? Если надо —
У меня и списочек готов...

Вот они, когда-то дорогие!
Вместо них я сам уже, как мог,
Список, где фамилии другие,
Быстренько составил под шумок...

Вот они, титаны — дрожь по коже! —
Гордость и герои новых лет!
Только... что-то все лицом похожи.
Да к тому же — и на мой портрет...

Но зато мы с «бывших» строго спросим,
Тлена и упадка в них — на треть!

...Только басня про слонов и мосек
Почему-то не желает тлеть!

ЗВЕЗДОЙ НАКРЫЛСЯ...

*«Моё чело собой венчала
Пятиконечная звезда».
«Прикрой мне сердце, щит Давида,
Шестиконечная звезда!»*
Яков КОЗЛОВСКИЙ

Я жил годами под звездой такою,
Где пять концов — как в спорте пять колец.
С чего же вдруг мне не даёт покоя
Ещё один, прошу простить, конец?

Гори, гори, моя звезда Давида!
Что пять, что шесть — великой нет беды.
Хоть знаю, кто-то скажет ядовито:
«Какой ещё он захотел звезды?..»

Смотрите, до чего договорился,
Такой-сякой?! Сюда его подать!»
Шалишь, ребята: я звездой накрылся.
Звездой к звезде звезды не увидать.

Но если вдруг взойдёт у нас, как прежде,
Звезда для всех привычная опять —
Так нет проблем: один конец обрежем —
И снова их на месте будет пять!

В ТРЁХ СОСНЯКАХ...

*«А любил я Россию — всю кровью, хребтом,
Её реки в разливе и когда подо льдом,
Дух её пятистенков, дух её кедрача,
Её Пушкина, Стеньку и её Ильича».*
(ранняя редакция)

*«Дух её пятистенков, дух её сосняков,
Её Пушкина, Стеньку и её стариков».*
(поздняя редакция)

Евгений ЕВТУШЕНКО

Заплутал я, похоже, в кедрачах-сосняках...
Я любил — но кого же? — в этих пылких стихах.

И я думаю снова, ужасаясь подчас:
Ильича — но какого? Их же двое у нас!

Значит, что-то другое? Не Сергеич ли вдруг?
И Сергеичей — двое! Замыкается круг...

Николаичей — тоже. («Архитектор» — второй).
Так кого же я всё же — больше жизни порой?

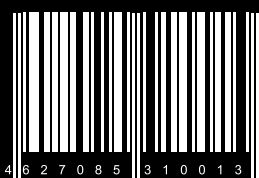
Было двое их, каждых, в обожанье моём.
Но любовь тогда — как же? Неужели... втроём?

Нет, любил я того лишь, чья сильна была власть...
Может, Виссарионыч — моя тайная страсть?

Он без пары, сердешный, как вокруг погляжу.
И я думаю, грешный... Но, подумав, скажу,

Что любил я все годы, то борясь, то скорбя,
Ни того, ни другого — а родного себя!

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3